

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№4 · 2008

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

4-2008

Издается с марта 1999 г.
Периодичность – 4 номера в год

Свидетельство о регистрации
№Р2829 от 16 марта 1999 г.
выдано Северо-Кавказским
региональным управлением
по СМИ

Учредитель:

Кубанский государственный
университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 404-н
Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный
университет

Статьи для публикации
принимаются
по электронному адресу:
chsu1999@yandex.ru

Дизайн обложки:
С.Г.Ажгихин, М.Н.Марченко
Оригинал-макет:
Д.А.Хрипков

Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического
центра Кубанского государственного
университета
Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Подписано в печать 27.12.2008
Уч.-изд. л. 11,47. Усл. печ. л. 11,83
Тираж 1000 экз. Заказ № 42

Главный редактор:

Е.В.Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т. А., д-р филос.н., проф. (МГИМО(У));
Арутюнян Л. А., д-р филос. н., проф. (Ереванский ГУ);
Бабешко В.А., д-р физ.-мат. н., проф., академик РАН
(Кубанский ГУ); **Бедерханова В. П.**, д-р пед. н., проф.
(Кубанский ГУ); **Бодалев А. А.**, д-р психол. н., проф.,
академик РАО; **Деллер С.**, PhD, проф. (университет
Висконсин-Мэдисон, США); **Жаде З. А.**, д-р полит. н.,
проф. (Адыгейский ГУ); **Зинченко Ю. П.**, д-р
психол. н., проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова);
Знаков В. В., д-р психол. н., проф. (Институт пси-
хологии РАН); **Иванов А. Г.**, д-р ист. н., проф.
(Кубанский ГУ); **Кузьмина Н. В.**, д-р психол. н., проф.
(РАО); **Латфуллин Г. Р.**, д-р экон. н., проф. (Гос. ун-т
управления); **Марьян М.И.**, д-р психол. н., проф. (МВД
РФ); **Никовская Л.И.**, д-р социол. н., проф. (Институт
социологии РАН); **Романова А. П.**, д-р филос. н., проф.
(Астраханский ГУ); **Рябикина З. И.**, д-р психол. н., проф.
(Кубанский ГУ); **Сморгунов Л. В.**, д-р филос. н., проф.
(СПбГУ); **Фадеева Л.А.**, д-р ист. н., проф. (Пермский ГУ);
Шабров О.Ф., д-р полит. н., проф. (РАГС); **Шпак В. Ю.**,
д-р филос.н., проф. (Южный федеральный ун-т)

Редакционная коллегия:

Авдеева Т. Т., д-р экон. н., проф. (зам. гл. редактора);
Белоконь Т.М., канд. фил. наук, доц.; **Дёмин А. Н.**, д-р
психол.н., проф. (зам. гл. редактора); **Ермоленко В. В.**,
канд. тех. н., доц.; **Ждановский А. М.**, канд. ист. н.,
проф.; **Кимберг А. Н.**, канд. психол.н., доц.; **Кольба А. И.**,
канд. полит. н., доц. (зам. гл. редактора); **Курбатова Г. С.**,
отв. секретарь; **Лаврова Т. Г.**, канд.эконом.н., доц.;
Лузаков А. А., д-р психол. н., доц.; **Малиночка Э. Г.**, д-р
пед. наук, проф.; **Мясникова Т. А.**, канд. экон. н., доц.;
Оберемко О. А., канд. социол. н., доц.; **Ожигова Л. Н.**,
д-р психол. н., проф.; **Остапенко А. Н.**, д-р пед.н., проф.;
Савва Е. В., канд. филос. н., доц.; **Филиппов Ю.В.**, канд.
эконом. н., проф.; **Фоменко Г.В.**, д-р психол. н., проф.;
Юрченко В. М., д-р филос. н., проф. (зам. гл. редактора)

4-2008

Содержание

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Лузаков А.А.* Проблема категоризации в социальном познании с позиций психологии личности 4
- Фоменко Г.Ю.* Психологические проблемы женского бесплодия в контексте личностных противоречий (экзистенциальные аспекты) 17

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Лабунская В.А.* Теоретико-эмпирический анализ феномена аттрактивности внешнего облика женщины-предпринимателя и готовности других предпринимателей к сотрудничеству с ней 30
- Флоровский С.Ю.* Управленческое взаимодействие руководителей как объект социально-психологического изучения (по материалам зарубежных исследований) 41

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

- Горская Г.Б.* Теория психического развития Д.Б. Эльконина как основание прогнозирования психологических эффектов ранней профессионализации детей в спорте 56
- Скрипкина Т.П.* Доверие как фактор социального развития и становления субъектности в детском возрасте 64

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Ожигова Л.Н.* Мотивы профессиональной реализации личности в сфере гостиничного бизнеса и курортного дела 74
- Ясько Б.А.* Клиническое мышление в структуре профессионального мышления врача 82

ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ

- Хозяинова Т.К., Макухина Л.А.* Влияние супружеских отношений родителей на качества личности ребёнка 92

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА АКТУАЛЬНУЮ ТЕМУ

Кимберг А.Н. Новый этап в развитии субъектно-бытийного подхода:
Научная конференция, посвящённая 75-летию со дня рождения
члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского. Москва, 15-16 октября 2008 г. . . 98

МЕТОДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Шлыкова Ю.Б. Особенности проявления локуса контроля
в автобиографических воспоминаниях 108

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ

Оберемко О.А. Из истории зарубежных психиатрических и психологических
обследований призывников и военнослужащих 116

РЕФЕРАТЫ 132

SUMMARY 136

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ЗА 2008 Г. 139

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 142

ПРОБЛЕМА КАТЕГОРИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ С ПОЗИЦИЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

.....

А.А. Лузаков¹

В философии категории трактуются как наиболее общие понятия, абстракции высшего уровня (материя, движение и т.п.). В психологии категоризация понимается как субъективная классификация, как процесс отнесения объекта, события, переживания к некоторому классу, типу и рассматривается в связи с процессами восприятия, мышления, воображения, образования понятий. Одно из ключевых отличий рассматриваемых нами категорий обыденного познания от научных категорий заключается в следующем. В обыденном сознании классификация предметов и образование понятий происходят на основе непосредственно наблюдаемых признаков объектов и связанных с ними переживаний. В научно-теоретическом мышлении, которое преследует цель познать сущность предмета и для этого формулирует логически непротиворечивый понятийный аппарат, статус категорий приобретают наиболее общие и значимые для данной области познания понятия.

Развиваемый нами подход к психологическому изучению категоризации связан с традицией экспериментальной психосемантики – областью общей психологии, исследующей субъективные системы значений, категориальное строение сознания и личностного опыта человека [13; 20]. Основные принципы этого подхода уже излагались нами в других публикациях, в том числе в этом журнале в статье, посвященной психосемантике личностных черт [8; 9; 10].

Проблемное поле, связанное с категоризацией, даже если ограничиться только сферой социального познания (т.е. познания личностью других людей и социального мира в целом), конечно, не исчерпывается субъективными классификациями личностных черт или имплицитными теориями личности.

---

¹ Лузаков Андрей Анатольевич – доктор психологических наук, заведующий кафедрой управления персоналом и организационной психологии Кубанского государственного университета. Эл. адрес: luan@manag.kubsu.ru

Категоризация относится к числу базовых проблем психологической науки. Более того, это понятие и стоящая за ним феноменология носят междисциплинарный характер, поскольку в том или ином ключе исследуются также в философских, социологических, филологических науках, в когнитивной науке, в работах по искусственному интеллекту. В статье речь пойдет об общих принципах, свойственных психологическому рассмотрению проблемы, и различиях в подходах между разными отраслями психологии, в частности, о специфике и перспективах исследования с позиций психологии личности. Указание на дискуссионные вопросы, выявление оснований дифференциации разных подходов к проблеме в свою очередь преследует цель показать возможность их интеграции.

В психологии до сих пор нет однозначной трактовки понятий «категория» и «категоризация». Спорным остается, например, вопрос о том, считать ли принципиальным различие сенсорно-перцептивных и мыслительных категорий. Дж. Брунер полагал, что эти различия непринципиальны [4], в реальной психике эти категории действуют в единстве. А.С. Выготский и Ж. Пиаже, занимаемая далеко не сходные теоретические позиции, о категориальности говорили как о свойстве только понятийного мышления [5]. Заметим, что тенденция ограничивать категоризацию лишь сферой понятий, сегодня доминирует, особенно за пределами психологических наук. В когнитивной психологии термин «категоризация» часто используется как синоним опознания, идентификации, распознавания [11; 15].

Многие психологические школы едины в том, что категории задают способы дифференциации субъектом объектов в определенной сфере реальности (например, при восприятии и оценивании людей). Но далее начинается область дискуссий. Категории – только вербальны или также невербальны? Относить к категориям только общеупотребительные дифференцировки (в социальном познании: мужчина–женщина, богатый–бедный, белый–черный, христианин–мусульманин, враг–друг и т.п., что составляет базис стереотипов) или также эклектичные группоспецифичные или индивидуализированные обобщения обыденного сознания, вербальная маркировка которых непонятна другим группам и не совпадает с известными стереотипами или общепринятыми дифференцирующими признаками?

Мы разделяем положение о том, что категории обыденного сознания представляют собой синкретические, зачастую расплывчатые обобщения, объединяющие объекты в классы по некоторым психологически значимым основаниям, в том числе эмоциональным. Эти обобщения не всегда осознаваемы и маркированы вербально, а в качестве их «строительного материала» могут выступать образы, символы [13]. Такую трактовку категорий можно считать расширительной по сравнению с другими. Понятия «категория» и «категоризация» здесь касаются и социально заданных категорий (макрогрупповых

стереотипов), и собственно личностных или личностно-групповых категорий. Подразумеваются и категории «названные» (которые чаще всего являются социально заданными и отражают конвенциональные значения понятий), и «неназванные», имплицитные, т.е. функционирующие на неосознаваемом уровне и потому не имеющие однозначного содержания и четких вербальных обозначений.

Категоризация понимается нами как процесс отнесения объекта к категории, а также как процесс преобразования существующих и возникновения новых категорий. Категоризация применительно к межличностному познанию рассматривается как базовый, собственно личностный процесс, первичный по отношению к стереотипизации, которая иногда трактуется как основной механизм межличностного познания [1]. Совокупность относительно устойчивых категорий, свойственная человеку или группе людей, образует категориальную структуру (или систему категорий), позволяющую описать имплицитную модель того или иного фрагмента образа мира индивидуального или группового субъекта.

Готовые, социально заданные категории (к ним обращаются социология, политология, социальная психология, ими же чаще всего и ограничиваются) фиксируют в первую очередь этнические, профессиональные, половые, конфессиональные, социально-статусные различия людей. Мы их считаем названными, т.е. вербально обозначенными категориями. Но этим названные категории не исчерпываются. К ним также относятся некоторые *вербально маркированные* личностные конструкты, используемые для восприятия и оценки субъектом других людей (такими маркерами могут выступать личностные прилагательные или названия неких типажей, например, «крутой», «тусовщица», «Дон Кихот» и т.п.). По содержанию такие конструкты не всегда совпадают с социально заданными, и потому фиксированные значения, взятые из словарей, даже из словарей слэнга, для психолога, пытающегося выйти за пределы анализа одних лишь общих тенденций, оказываются неинформативными.

К неназванным, имплицитным категориям, т.е. реконструированным из обыденного сознания меркам восприятия, *не обозначенным в ясных понятиях самими его носителями*, но получившим названия от психологов, можно отнести факторы общих семантических пространств (пространство Оценка – Сила – Активность Ч. Осгуда, «Большая пятерка») и частных семантических пространств, индивидуальных и групповых [10].

Категоризация, обеспечивая избирательное отражение свойств объекта познания, может происходить на допонятийном уровне [2; 4; 13; 20], что основано на явлении синестезии. Все больше экспериментальных данных говорит в пользу того, что категоризация не всегда идет с опорой на вербальное обозначение. Более того, использование символов может ослаблять влияние сформированных ранее вербальных ярлыков [26]. Таким образом, можно выделить

категории вербальные и образно-символические, а категориальную систему субъекта характеризовать по преимущественной параметричности – метафоричности (вариации этого параметра обусловлены также ситуацией). В первом случае окружающие оцениваются субъектом преимущественно по набору черт (такой способ, привычный для психологов-исследователей, не так часто используется обыденным сознанием). Во втором – путем соотнесения с целостными типажам, стереотипами, эталонами и другими значимыми образами (знакомых, персонажей запомнившихся историй, книг, фильмов), которые в свою очередь актуализируются по хранящимся в памяти субъективно значимым фрагментам (поведенческий «рисунок», элемент внешности, одежды).

Категории могут быть не только биполярными, но и униполярными. Это демонстрируют не только психосемантические эксперименты. В русле других исследовательских традиций некоторые психологи не рассматривают биполярность в качестве универсального принципа категоризации. В мышлении современного человека выделяются однопольные смысловые конструкты, для которых характерно отсутствие семантических оппозиций. Имеется в виду не то, что человек не может подобрать антоним к какому-то понятию, а то, что «в его смысловой сфере то или иное содержание смысла переживается как единственно существующее... не противопоставленное какому-то иному содержанию» [16, с. 158].

По значимости ситуации/объекта познания мы различаем категоризацию центральную (проявляются обобщенные базовые конструкты-категории, центральные образования категориальной системы личности) и периферическую (малозначимые, вариативные конструкты); по роли влияния извне – собственную и навязанную (спровоцированную, например, собеседником, оратором, СМИ).

Категоризация может идти с разной степенью осознанности и внутренней активности субъекта. То, насколько субъект готов вкладывать силы в «работу» категоризации, преодолевая автоматизмы, определяется не только значимостью ситуации, но и его характерологическими чертами и собственно личностной регуляцией (мотивационной направленностью, принятием или неприятием субъектной позиции). По степени осознанности категоризация может быть неосознаваемая, отчасти осознаваемая (например, по стереотипам) или рефлексивная, когда идет перебор категорий, их «примеривание». При этом категоризация, происходящая автоматически или в состоянии аффекта, отличается от той, которая происходит, когда субъект мотивирован понять другого, готов принять мысль о его своеобразии и способен рефлексивно соотнести качества познаваемого объекта со своими познавательными привычками и ценностями. Ограниченность социально заданных, стереотипных, привычных категорий в этом случае осознается субъектом с большей вероятностью. Уровень ценностной регуляции, который также можно назвать субъектным,

если он свойствен личности, приводит к возможности почти одновременной категоризации в разных системах координат. Субъекту познания другой человек может быть очень неприятен (актуализируется глобальный фактор-категория «Оценка» по Ч. Осгуду), но одновременно субъект бывает способен оценить другого с точки зрения иных критериев, культурных норм, абстрагирующих его непосредственные переживания.

Категоризация связана с актуализацией личностных смыслов. В числе устойчивых смысловых образований личности, помимо личностных ценностей и смысловых установок [3], некоторые авторы выделяют смысловые конструкции. Они представляют собой устойчивую категориальную шкалу, выражающую значимость для субъекта определенной характеристики (параметра) объектов и явлений действительности (или отдельного их класса) и выполняющую функцию дифференциации и оценки объектов и явлений по этому параметру, следствием чего является приписывание им соответствующего жизненного смысла [7].

Многие из названных видов категорий и факторов категоризации невозможно изучать только на общепсихологическом уровне, без обращения к личностной специфике индивидуального или группового субъекта познания. Тем самым становится очевидной необходимость обращения к проблеме с позиций психологии личности.

Но сначала вернемся к более традиционным подходам. Большинство психологических исследований, в которых использовался термин «категоризация», было посвящено социально заданным вербальным категориям. С категоризацией чаще связывают процесс понятийной переработки информации. Согласно одному из современных и достаточно типичных определений категория – это совокупность двух или более обособленных объектов, объединенных общностью трактовки. Термин «понятие» при этом объявляется синонимом «категории» [6, с. 154]. Такую трактовку мы считаем упрощением. И это упрощение во многом обусловлено тем, что традиционно категоризация рассматривалась только на уровне сознания. Несознаваемые аспекты категоризации стали объектом внимания сравнительно недавно.

В отечественной психологии важную роль сыграло продвижение в психологической трактовке понятия «значения». Для Л.С. Выготского, считавшего основной образующей сознания значение, синонимом осознанности выступала системность организации значений, возможность переформулировок содержания высказывания, выражения одних значений через другие. В современных работах, с одной стороны, справедливо утверждается, что значение может существовать не только в форме слова, но и визуального символа, чертежа, схемы, ритуального действия, танцевального па, общепринятого жеста или мимического выражения [13]. С другой стороны, абсолютное большинство примеров, экспериментальных фактов и аргументов психологов построены на

обращении к вербальным значениям, к понятиям. Бесспорная связь «понятие – осознание» незаметно переносится на другие формы функционирования значений, связь которых с сознанием не так однозначна (многое зависит и от того, как трактовать само сознание). В.Ф. Петренко утверждает, что в той мере, в какой любой психический процесс опосредован значением, он является «потенциально осознаваемым» [13, с. 15]. Слово «потенциально» здесь не случайно. Ясно, что многие, особенно быстрые, решения принимаются человеком с опорой на неотрефлексированный в понятиях образ объекта, ситуации, т.е. можно сказать, что такой образ возникает на субсознательном уровне. И это показывает ограниченность трактовки категоризации только как осознаваемого вербализованного процесса. Являясь средством описания действительности, сами значения могут не осознаваться как таковые. Для осознания значения необходимо выражение его в системе других значений [13, с. 34].

«Готовые», эксплицитные, социально заданные категории активно исследуются в социальной психологии [14; 21]. В психологии социального познания, традиционно считающейся разделом социальной психологии, изучалось в основном отношение воспринимаемого человека к таким категориям (негр, американец, студент и т.п.), что является механизмом актуализации социальной установки, стереотипа [18; 23; 24; 26]. Категоризация именно в таком понимании лежит в основе когнитивных трактовок социальной идентичности личности. Согласно Г. Тэжфелу и Дж. Тернеру, категоризация – основной из механизмов, объясняющих психологическую природу отношений между группами людей, в том числе межгрупповую дискриминацию [27]. Мы категоризируем объект в соответствии с тем, какие категории нами приняты для категоризации социальной среды вообще.

Анализируя использование категоризации для объяснения межгрупповых отношений, социальный психолог И.Р. Сушков называет ее «фундаментальным свойством социальной системы» [17, с. 255]. Категоризация в этом случае понимается как процесс, упорядочивающий индивидов таким образом, который способствует стремлению социальной системы к самосохранению и развитию и приобретает личностный смысл для индивидов, эту категоризацию производящих [17, с. 268]. Она играет группообразующую роль, когда она не просто предъявлена индивидам извне, а когда она принята этими индивидами и превращается в самокатегоризацию.

В будущих исследованиях категоризации, осуществляемой конкретным субъектом в конкретной социальной среде, закономерности межгрупповой и внутригрупповой категоризации, обнаруженные социальными психологами, должны быть интегрированы с достижениями психологии личности.

В когнитивной психологии личности проблемы категоризации обсуждались тоже преимущественно в связи с теми категориями, которые мы относим к названным. Создание и использование категорий рассматривается как ес-

тественный способ упрощения мира. Некоторые авторы считают избирательность внимания еще одним таким способом. Сосредотачиваясь на задаче, мы фокусируем внимание на информации, имеющей отношение к делу, и отгораживаемся от другой информации [12]. Но спрашивается, как мы определяем, какая информация относится к делу, а какая нет? Очевидно, благодаря первичной неосознаваемой категоризации.

В общей, когнитивной психологии и психологии личности распространено понятие когнитивной схемы. Схема – это когнитивная структура, которая организует информацию и тем самым влияет на то, как мы воспринимаем вещи, людей, события и как на них реагируем. Различие между категорией и схемой можно трактовать в зависимости от того, как понимаются та и другая. Те психологи, кто отождествляет категории с понятийными классами, сутью категории считают содержание и объем понятия, т.е. то, *что* обобщено и представлено в категории. Тогда схема выступает *формой* данного обобщения и его результатом. Формой представления схемы чаще всего выступает кластерное дерево, отражающее иерархическую классификацию. Она показывает, *как* иерархически организовано знание о понятии/категории, как сгруппированы по уровням элементы, его образующие. Но такого рода схемы применимы скорее к научным представлениям, в обыденном сознании они встречаются нечасто. Еще Дж. Келли показал, что конструкты личности организуются в самые разнообразные структуры, далеко не всегда иерархические [25]. Поэтому мы считаем термин «категориальные структуры» более предпочтительным, чем «схема». Если же схемы трактовать более широко [19], то категориальные структуры можно считать их разновидностью.

Возвращаясь к видам категорий, отметим, что их также целесообразно различать по объекту познания. Выделяют категории восприятия физических объектов, категории для описания ситуаций, категории для описания людей. Конечно, возможны классы на пересечении названных. Так, мы чаще всего воспринимаем не людей как изолированные объекты, а «людей в ситуации». Категории для описания людей изучаются на уровне всеобщего (теории черт), особенного (группоспецифические конструкты-категории) и на уровне единичного (личностные конструкты конкретного субъекта). Психосемантика в основном оперирует групповыми матрицами данных, вскрывая специфику категорий конкретных групп людей.

Имеются отличия категоризации при восприятии людей и нелюдей (физических объектов, животных), при работе испытуемых с понятиями «личностными» и «объектными». Личностные понятия с гораздо меньшей вероятностью, чем объектные, организованы иерархически. Вопреки принципам иерархической классификации понятия одного и того же уровня могут одновременно относиться к одному и тому же человеку. Например, некто может одновременно категоризоваться как экстраверт, как эмоционально нестабиль-

ный человек и как культурный человек, открытый новому опыту. Здесь обыденная категоризация не противоречит научной, поскольку три названных признака относятся к Большой пятерке черт, которые в психологии принято считать независимыми друг от друга. Поэтому вместо иерархических классификаций объектов социального познания по принципу кластерного дерева и кластерного анализа как метода их получения целесообразней использовать принцип нечетких множеств и клаик-анализ (анализ клик). Это позволяет получить такие классы объектов, которые допускают принадлежность одного объекта сразу к нескольким классам, что, безусловно, ближе реальным процессам субъективной категоризации. Еще одно отличие личностных понятий связано с большей неопределенностью включенных в них признаков, свойств. Например, предполагается, что понятие «экстраверт» включает такие свойства, как уверенность, самонадеянность и т.п., но эти характеристики гораздо более абстрактны и неопределенны, чем свойства большинства объектных понятий, которые достаточно очевидны (например, круглый, твердый и т.п.).

В социальном познании вероятность автоматического использования субъектом «готовой» категории (чаще это стереотип, навязанный социумом) повышается в ситуациях недостатка времени, мотивации или когнитивных способностей. И, наоборот, познавательная мотивация снижает вероятность использования стереотипов. Чаще всего выделяют две группы мотивационных факторов, влияющих на активацию категорий: актуальные цели субъекта (текущая мотивация) и его общие диспозиции. Что касается диспозиций, очевидно, следует различать влияние на категоризацию, с одной стороны, привычных способов познания и поведения (аттитюды, черты характера) [22], с другой – собственно рефлексивной работы личности. Во втором случае речь идет о моментах ясного осознания и желания понять, объяснить другого человека и конкретную ситуацию. По склонности и способности преодолевать «автоматическую» категоризацию имеются существенные индивидуальные различия.

Излагаемый здесь подход к категоризации указывает на преимущества реконструкции *комплексных* познавательных категорий перед такими распространенными приемами, как выявление списков одномерных конструкторов и тем более использование навязанных исследователем шкал-дескрипторов без прояснения их фактической структуры в сознании конкретной группы респондентов. Психологам давно известно, что первичные дескрипторы (шкалы, вопросы), предлагаемые испытуемым, могут на основе интеркорреляций сворачиваться в более компактные структуры (классические примеры – факторные модели личности Р. Кеттела, Г. Айзенка и семантическое пространство Ч. Осгуда). Но дело не только и не столько в возможностях факторного анализа. Напомним, что категории – это не только конвенциональные значения с более или менее однозначно понимаемым содержанием. Это основание раз-

личения, классификации познаваемых объектов, функционирующее *во взаимодействии* образов и понятий, перцептивных дифференцировок разных модальностей и операций мышления. Даже если иметь в виду только *вербальные* категории (верхушку айсберга категоризации), то их действительное психологическое содержание может быть отражено только через *сложносоставные* комплексные конструкты, «пучки» или «букеты» семантических признаков, каждый из которых привносит оттенки в общую семантику такого «пучка». Очевидна тщетность попыток найти в каждом случае исчерпывающее название такому «пучку» признаков, что, конечно, затрудняет интерпретацию экспериментально полученных семантических пространств (и тем самым отпугивает многих начинающих психологов). Название такого «пучка» признаков, даже если это не просто конвенциональный маркер для других, а используемое самим испытуемым *название «для себя»* (такие названия выявляются, например, в репертуарных тестах Келли методом триад), – это еще не категория. Это условное понятийное обозначение категории, по которому трудно судить о действительном, *работающем* ее содержании.

Приведем пример, иллюстрирующий, что комплексные конструкты-категории адекватны задаче описания и объяснения «странностей» категоризации, не подчиняющейся формальной логике одномерных противопоставлений. В нашем исследовании, посвященном восприятию читателями шрифта газетных заголовков [9], с помощью психосемантической реконструкции (использовалось 30 биполярных шкал «осгудовского» типа и 10 образцов шрифта в одном и том же газетном заголовке) была выявлено, в пространстве каких факторов-категорий у респондентов складывается впечатление от шрифта как элемента газетной формы. Из пяти обнаруженных факторов второй был интерпретирован как «*Необычность – обычность, простота*». На одном полюсе этой комплексной категории необычность, сложность шрифта ассоциировались у респондентов с новизной, яркостью, уникальностью, с чем-то интересным, веселым и даже смешным, но в то же время – с «ошибочностью» (возможно, как ненормативностью) и беспорядочностью. А простой, обычный, серьезный и правильный шрифт одновременно виделся им как скучный, старый и ограниченный. Только *совокупность* названных семантических оттенков дает возможность не столько рационально понять, сколько почувствовать содержание такого *сложносоставного* основания различения объектов. Это основание категоризации напоминает известный «эффект карнавала» (М. Бахтин), когда ненормативность, неупорядоченность вдруг на время становятся одобряемыми, а все нормативное и правильное считается неуместным. Поэтому позитивный полюс данного фактора можно было точнее определить как «карнавальную необычность».

Есть и другие признаки, определяющие специфику исследования проблемы категоризации с позиций психологии личности в сравнении с общепсихологи-

ческим, когнитивистским, социологическим и психолингвистическим подходами. В частности, наш подход обращается к возможным функциям категоризации для личности с учетом индивидуально-типологических различий ценностно-мотивационной направленности и характера. Это, во-первых, поддержание Я-концепции, самооценки, идентичности через создание возможности приписывания определенных черт партнерам по общению и себе (один из категориальных механизмов, обеспечивающий такое приписывание, – прямое и обратное сцепление в семантическом пространстве фактора моральной оценки с фактором активности, адаптированности) [8]. К стабилизирующим функциям также относятся: поддержание привычных стилевых стратегий, обусловленных темпераментом и характером; консервация, подтверждение ценностей; снятие или смягчение когнитивного диссонанса. Во-вторых, категориальные структуры, их изменение могут, напротив, способствовать нарушению гомеостаза, личностному развитию через создание и разрешение противоречий в поле представлений Я – Другой – Другие. В-третьих, личностный подход к категоризации указывает на возможность такого развития, когда категориальный ресурс субъекта может обернуться негативной стороной (негативные последствия растущих возможностей): увеличение размерности семантического пространства без соответствующей поддержки со стороны ценностно-смысловых структур ведет к уменьшению определенности критериев оценки, конфликту мотивов, блокировке деятельности. Перечисленные функции доступны для анализа при условии раскрытия диалектических взаимосвязей между особенностями когнитивного структурирования субъектом реальности и ценностно-мотивационными образованиями личности. Основания, виды таких взаимосвязей и принципы их анализа предложены нами в когнитивно-мотивационной концепции субъективной категоризации [8]. Способ видения и оценка того или иного явления индивидуальным и групповым субъектом социального познания рассматривается в ней как результат сложного взаимодействия категориальной и ценностно-мотивационной систем. В этом случае психолог изучает не категориальную структуру, не познавательные конструкты сами по себе, а именно субъекта категоризации.

Почему одному субъекту важно определить место других на категориальной оси «добросовестность–безответственность», второму – на оси «тактичность–бестактность», а третьему – «уверенность–неуверенность»? От чего зависит, как именно одиночные конструкты (названия черт или описания поведения) связываются друг с другом в сложносоставные, комплексные категории? Известно общее положение о том, что приписывание черт другим людям в значительной степени зависит от собственных черт субъекта познания. В познаваемых людях он обычно лучше дифференцирует и определяет как ключевые те черты, которые соответствуют собственным чертам и направленности ценностных ориентаций субъекта либо воспринимаются как противоположные им. В нашей концепции это учитывается, но лишь как тенденция,

не объясняющая всех случаев. Установлено также существование нелинейных динамических закономерностей, согласно которым похожие характеристики категориальной системы субъекта познания могут сопутствовать качественно различным ценностно-мотивационным паттернам и наоборот.

Если психолога интересует не «усредненная» система координат межличностного познания (каковой, например, является Большая пятерка черт), а специфика категоризации, свойственная личностям с разной ценностно-мотивационной направленностью и чертами характера, то адекватным задаче является личностно-типологический подход. Исследования специфики системы познавательных категорий, обусловленной диспозициями личности, только начинаются. Один из предлагаемых нами принципов таких исследований – сочетание психосемантического описания субъективной системы категорий личности и психометрического описания ее диспозиционных структур. Здесь используется принцип дополнительности. Психометрика диспозиционных структур отражает в большей степени то, что человек знает, думает *о себе*. В случае же психосемантической реконструкции он характеризует *Других*, но через это неосознанно характеризует себя, приоткрывая особенности своего видения мира на данном этапе жизни.

Библиографический список

1. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 1997.
2. *Артемяева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И.Б. Ханиной. М.: Наука, Смысл, 1999.
3. *Асмолов А.Г.* Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, ИЦ «Академия», 2002.
4. *Брунер Дж.* Психология познания. М.: Прогресс, 1977.
5. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 2008.
6. *Лайенс Ж.-Ф., Дарден Б.* Основные концепции и подходы в социальном познании // Перспективы социальной психологии: Пер. с англ. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
7. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
8. *Лузаков А.А.* Личность как субъект познания: категоризация при восприятии другого человека. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007.
9. *Лузаков А.А.* Как мы воспринимаем шрифт газетного заголовка: психосемантика читательского впечатления // Человек. Сообщество. Управление. 2002. №2.
10. *Лузаков А.А.* Психосемантика личностных черт: нормативный и сравнительный подходы // Человек. Сообщество. Управление. 2008. №3.
11. *Найссер У.* Познание и реальность. М.: Наука, 1980.
12. *Первин Л, Джон О.* Психология личности: теория и исследования М.: Аспект Пресс, 2001.
13. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005.

14. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.
15. Солсо Р.А. Когнитивная психология. М.: Тривола, 2002.
16. Столин В.В. Самосознание личности. М.: Изд-во МГУ, 1983.
17. Сушков И. Р. Психология взаимоотношений. М.: Академический проект, ИП РАН; Екатеринбург: Деловая книга, 1999.
18. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Речь, 2001.
19. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та; М.: Барс, 1997.
20. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб: Речь, 2002.
21. Штребе В., Джоунас К. Принципы формирования установок и способы их изменения // Перспективы социальной психологии. М: ЭКСМО-Пресс, 2001.
22. Endler N.S. The interface between personality and cognition // European Journal of Personality. 2000. №14.
23. Cantor N., Mischel W. Prototypes in person perception // Adv. Exp. Soc. Psychol. 1979. №12.
24. Crisp R.J., Hewstone M., Rubin M. Does Multiple Categorization Reduce Intergroup Bias? // Personality & Social Psychology Bulletin. 2001. Jan. Vol. 27. Is. 1.
25. Kelly G.A. The Psychology of Personal Constructs. N.Y.: Norton, 1955.
26. Macrae C.N., Bodenhausen G.V. Social cognition: thinking categorically about other // Annual Review of Psychology. 2000. Vol. 51.
27. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior// S. Worchel & W.G. Austin (Eds.). Psychology of intergroup relations. Chicago: Nelson-Hall, 1986.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОГО БЕСПЛОДИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОСТНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ (ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)

.....

Г.Ю. Фоменко¹

Женское бесплодие является особо эмоционально значимым, поскольку социальная роль женщины неразрывно связана с материнством. Бесплодный брак в первую очередь фрустрирует человека в любви и продолжении рода. Б.И. Меннинг отмечает, что бесплодная пара испытывает постоянную неудовлетворенность в связи с нереализованным родительским потенциалом [24]. А.Д. Крафт и его коллеги описали бесплодие как сложное и болезненное состояние адаптации женщины к этой ситуации (цит. по: [10]). Пары, безрезультатно лечившиеся от бесплодия, в конце концов осознают, что они не смогут иметь ребёнка. Это состояние называют кризисом бесплодия [18] и связывают его прежде всего с проблемой неполноценности.

В психологическом плане бесплодие угрожает также целостности личности и актуализирует проблемы личностной идентичности в первую очередь со стороны «нарушения самооимости и телесного образа». Чувства личной дефектности, потери сексуальной привлекательности и «социальной незаконченности» часто сопровождают этот диагноз.

Применительно к проблеме женского бесплодия МакЭван выделяет ряд ситуаций, при которых следует ожидать у пациенток развития психических нарушений: 1) молодые женщины исповедуют религию, трактующую бесплодие как грех; 2) женщины не имеют нормальных отношений с супругом; 3) женщины подвергались в течение своей жизни различным стрессам; 4) женщины, для которых диагноз инфертильности – неожиданность (например, при отсутствии соматических жалоб) (цит. по [10]).

---

¹ Фоменко Галина Юрьевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: fomgal27@mail.ru

Л.В. Кокс [21], С.А. Морс [25] установили, что «необъяснимое» бесплодие может быть связано с конфликтным детством, различными социальными факторами, неудачными взаимоотношениями в семье, боязнью беременности, материнства, страха перед родами и послеродовыми психозами, противоречием между стремлением к профессиональной деятельности и материнством.

Зарубежные исследователи В. Бройтигам, П. Кристиан, М. Рад подчёркивают сложность отграничения и дифференциации применительно к бесплодию личностных факторов, партнёрских конфликтов и отягощающих жизненных ситуаций, поэтому вместо психогенной или психосоматической невозможности беременности они теперь говорят о «функциональной стерильности» [6].

Ф. Александер подчёркивает *решающее значение внутреннего конфликта* и связанной с ним тревожности. Более того, по его мнению, именно бесплодие спасает этих женщин от осознания своих конфликтов, связанных с деторождением [1]. При ретроспективном исследовании 2 000 пар, желающих иметь детей, М. Шаубер [26] обнаружил, что сознательно демонстрируемое желание иметь детей не было убедительно обоснованным и представляло собой скорее симптом, в котором проявлялась разрядка конфликта.

Многие зарубежные исследователи склонны объяснять происхождение бесплодия, особенно психосоматического, с точки зрения психоанализа. Некоторые из них пытаются найти причину бесплодия ещё в раннем детстве. В ходе психосексуального развития различные прямые или косвенные влияния способны выстроить в структуре личности нежелательные схемы, которые позже могут стать причиной *«торможения женской роли»*. При этом существенны особенности представления о беременности и материнстве, сформированные в результате воспитания. Они могут глубоко нарушать их психическое равновесие, и какие-либо отклонения и конфликты в этой сфере приводят к тому, что эти женщины испытывают сильный страх перед беременностью, и *бесплодие* возникает у них как *психологическая защита*. У этих женщин возможно обнаружение *конфликта* между *сознательным желанием забеременеть* и *неосознанным отказом от беременности и материнства*.

В.Д. Менделевич также подчёркивает, что одним из важных вопросов при диагностике состояния бесплодных пациенток считают оценку их *мотивов* иметь ребёнка. У бесплодных супружеских пар мотивы несколько отличаются от традиционных мотивов деторождения. Э. Эриксон предложен термин «генеративность», который отражает не только процесс воспроизводства, но и потребность человека в заботе о ребёнке и ответственность за его воспитание. Имеются и другие причины иметь ребёнка – «удержать мужа», «заполнить пустоту», поддержать семейные традиции и т.д. Для многих пациенток с бесплодием вопрос о мотиве иметь ребёнка оставался неясным и неосознаваемым. Ими приводятся рациональные доводы о том, что ребёнок нужен, например, для «более полной жизни» или для «хорошего партнёрства» [10].

По утверждению ряда авторов [3; 4; 6; 9; 16; 20; 22; 26] в последние десятилетия интерес к проблеме психологических факторов при бесплодии возрос по следующим причинам:

- остаются большие трудности при выяснении генеза идеопатического бесплодия;
- учащаются случаи нарушения эмоциональной сферы и сексуальных расстройств при бесплодном браке;
- ухудшается качество жизни каждого супруга из бесплодной пары.

В связи с этим бесплодие как медицинская и одновременно психологическая и социальная проблема требует комплексного подхода к ее решению с изучением не только клинических аспектов заболевания, но и психологического состояния, семейной ситуации и социальной адаптации бесплодных пациентов [2; 19].

Дискуссионным остаётся вопрос о значении психологических факторов и механизмах их влияния на возникновение этого заболевания.

Очень свежо и по-новому применительно к проблеме женского бесплодия звучат положения концепции личности В.Н. Мясищева, а также реализованные в его исследованиях и работах его учеников попытки рассмотрения организмических изменений личности на всём протяжении онтогенеза. Концепцию В.Н. Мясищева характеризовало целостное понимание человека как единства организма и личности. Функциональные, организменные состояния формируются как следствие события, происходящего в пространстве психической жизни индивида и занимающего определённое место в иерархии системы ценностей личности. Таким образом, в концепции В.Н. Мясищева отношения-связи организма и личности характеризуются двойной направленностью, взаимными зависимостями [12].

Переосмысливая рассмотренные теоретические посылы и исследовательскую фактологию в рамках нового формирующегося направления психологии – психологии человеческого бытия, можно высказать предположение, что устойчивость и сложность преодоления этих состояний заключена в феноменах сложной взаимосвязи и взаимовлияния особенностей личностного бытия пациентов (предпочитаемых способов существования, а в более привычной формулировке – типов жизнедеятельности) и специфики их организмичности. Вероятно, в случае идеопатического бесплодия мы можем интерпретировать факт бесплодия как результат влияния внутриличностной проблематики на особенности организмических проявлений.

В свете сказанного целесообразно рассматривать данную проблему как комплексную (учёт биологических, психологических, социальных факторов), что предполагает рассмотрение бесплодия в плане психосоматического заболевания и психогении, особенно в случаях необъяснимого (идеопатического)

бесплодия, обращение к внутренней картине болезни (ВКБ)², изучение специфики способов существования пациентов до возникновения заболевания и после его диагностирования. Этот глобальный замысел предполагает его поэтапную реализацию в процессе решения более узких и конкретных исследовательских задач.

В данной статье мы ставим перед собой цель проанализировать особенности личностных противоречий и связанных с ними психологических проблем пациентов, предпочитающих разные способы существования (модусы бытия) на этапе диагностирования и лечения бесплодия. Данные жизненные обстоятельства являются для них глубоко психотравматичными и субъективно расцениваются как *экстремальные*.

Как известно, особую значимость в анализе ВКБ приобретает переживание факта болезни самим больным, которое часто выступает в качестве ведущей причины последующих изменений социально-психологического статуса и во многом может определять лечебный и реабилитационный потенциал. Это позволяет продуктивно рассматривать психологию пациента как *субъекта лечебного процесса*, участвующего в нём, переживающего и влияющего на его эффективность. Новая социальная ситуация, в центре которой оказывается возникающая проблема со здоровьем, становится предметом активной внутренней работы самой пациентки, вследствие которой формируется её новая внутренняя позиция, содержание и динамика которой отражают основные изменения в структуре личности [13].

Изучая специфику данного явления (идеопатического бесплодия) в контексте предпочитаемого женщиной модуса бытия личности, мы обращаемся к личности пациента как к *субъекту жизни*. Отношение к новым для себя вопросам не формируется изолированно от всего предшествующего жизненного багажа и характерологических особенностей пациентки, что оказывает влияние на выбор способа существования в данной психотравмирующей ситуации.

По данным наших исследований, за всеми возможными индивидуальными вариациями реагирования просматриваются два основных предпочитаемых способа существования в условиях психотравмирующих аспектов реальности. Один из них мы назвали *экстремальным* – в плане поглощённости негативными аспектами происходящего и *невозможности выйти за пределы* наличных обстоятельств. В его рамках мы имеем различного рода непродуктивные, а часто ущербные типы жизнедеятельности. Второй, в известной степени оппозиционный первому, назван нами *предельным*, поскольку здесь наблюдается *стремление преобразовать имеющиеся ограничения* в пространство внутренней свободы, трансцендировать проблему применительно к жизни в целом и взять на себя ответственность за происходящее. Этот способ существования

² Данное понятие последовательно разрабатывается в отечественной психологии [8; 13; 15 и др.].

способствует продуктивному преодолению возникающих проблемных ситуаций.

Выбранный способ существования будет значительно влиять на *качество жизни* пациентов в случае одинакового диагноза и одного и того же прогноза.

Обсуждаемые и анализируемые два модуса бытия личности в условиях болезни являются конкретизацией выделяемых С.Л. Рубинштейном двух основных способов существования человека [14] применительно к *экстремальным условиям жизнедеятельности*. Основными критериями различения двух модусов бытия в этих условиях являются (в плане второго – предельного – модуса бытия) субъектная позиция личности в отношении дихотомии «свобода – детерминизм», рефлексия и ответственность [17].

Модус бытия личности – сложная психологическая категория, однако в практических целях удобно его анализировать через выделение и анализ ценностно-смысловых личностных противоречий в различных жизненных сферах. Анализ этих противоречий позволяет выявить проблемные моменты, требующие психокоррекционного вмешательства, и определить направления работы с психологом.

Нами совместно с врачом БАГК КГМУ, кандидатом медицинских наук В.А. Крутовой были обследованы 125 больных с первичной и вторичной формами бесплодия по методике «незаконченные предложения», модифицированной нами для этой категории больных, полученные данные уточнялись в процессе беседы.

Было выяснено, что 108 пациенток предпочитают экстремальный модус бытия и только 17 чел. – предельный. Сразу же подчеркнём, что указанные модусы бытия личности не являются строго фиксированными, между ними возможны взаимопереходы. Критические точки, служащие основанием подобных флуктуаций, хорошо выделяются с помощью анализа полученного материала.

Сначала рассмотрим в синтетическом виде особенности личностной бытийности пациентов, предпочитающих *предельный способ существования*.

Женщины воспринимают сообщение о своём бесплодии как выпавшее им испытание, совместную семейную проблему и пытаются убедить себя в ее преходящем характере ввиду возможной преодолимости: «Мне кажется, мой диагноз “бесплодие” – это данное мне испытание» (У); «Мне кажется, что диагноз “бесплодие” – это семейный диагноз – мой и мужа», «По сравнению с другими больными бесплодием, я считаю, что у меня всё получится» (Б); «Мне кажется, что мой диагноз “бесплодие” это только временный диагноз» (И.). В то же время уже на первой стадии рассматривается широкий спектр вариантов решения этой проблемы при невозможности самостоятельно родить ребёнка: ЭКО, усыновление, организация и упрочение модели семьи в случае невозможности иметь ребёнка, реализация себя в иных жизненных сферах.

Одновременно эти женщины пытаются осмыслить сообщение о бесплодии в рамках своей судьбы в целом и женской судьбы в частности, задумываются о своей ответственности за существующее положение дел, упрекают себя, прежде всего за халатное отношение к своему здоровью и несвоевременное начало лечения. При этом они достаточно быстро отдают себе отчёт в том, что несвоевременное начало лечения и иные причины в прошлой жизни (например, аборт) были их собственным решением, а следовательно, они сами ответственны за то, что ранее ребёнок не вписывался в их жизненные планы (например, женщина считала возможным иметь ребёнка только в случае узаконенных отношений; ребёнок, рождённый вне брака, рассматривался как препятствие для дальнейшей семейной жизни): *«Мне кажется, что причиной моего заболевания являюсь я сама и необдуманное решение»*; *«В связи с моим заболеванием я столкнулась с проблемой времени»* (Л.).

Кроме того, чувство ответственности распространяется как на прошлое, так и на настоящее и будущее, является выстраданным, эмоциональным, а не просто внешне декларируемым рациональным решением. Центральным звеном решения проблемы пациентки видят самих себя, мобилизуют свои эмоционально-волевые, интеллектуальные ресурсы. Их убеждённость в благополучном исходе решения проблемы подпитывается широким спектром достижений всего предшествующего жизненного периода, умением преодолевать возникающие трудности. При этом любопытно, что настоящая ситуация не расценивается как безнадежная и трагедийная. Для них характерно чувство состоявшейся жизни и ощущение счастья, которое не может поколебать данное сообщение и необходимость длительного лечения: *«Наступит тот день, когда всё будет ещё лучше»* (Б.); *«Считаю, что, несмотря на заболевание, я вполне состоявшаяся женщина»*; *«Горжусь тем, что в большинстве случаев не опускаю руки»* (У.); *«Будущее кажется мне ещё счастливее, чем настоящее, а потому что у меня будет ребёнок, а, может, и два»*; *«Я думаю, что достаточно способна сделать свою жизнь счастливой, интересной и помогать близким мне людям»*; *«Я могла бы быть счастливой. Я обязательно буду очень счастливой»* (И.).

При этом оптимизм сочетается с трезвой, реалистичной оценкой ситуации на фоне значительных эмоциональных переживаний, которые в наиболее отчётливом виде могут быть проиллюстрированы следующими высказываниями: *«Заболевание ограничивает меня в возможности полностью реализоваться как женщине»* (У.); *«В связи с моим заболеванием я столкнулась с проблемой, скорее всего, психологического плана (чувство неполноценности)»*. Пациентка хорошо осознаёт ожидания и значительное давление социального окружения: *«Хотелось бы мне перестать бояться осуждения со стороны людей»*. Она активно пытается разрешить указанную проблему как самостоятельно, так и с помощью близких людей, прежде всего мужа и матери, считает,

что для повышения уверенности в своих силах ей необходимо обратиться за консультацией к психологу. Её также интересует, как относятся к этим психологическим аспектам бесплодия другие больные.

Проблема рождения ребёнка для этой категории пациентов приоритетна, но не сверхценна. Она не ограничивает их социальную активность, не сказывается отрицательно на семейной жизни, взаимоотношениях с близкими, на карьерных устремлениях. Женщины не отмечают негативного влияния данного обстоятельства на их характер, а в ряде случаев указывают только на положительное влияние: «*После того как я заболела, мой характер, я не думаю, что поменялся*» (У); «*После того как я заболела, мой характер стал наиболее твёрдым и настойчивым*» (И.).

О прошлом эти пациентки не сожалеют, однако иногда хотят забыть о допущенных ошибках. Они дорожат своим настоящим, активно строят счастливое будущее.

Отмечается гармония в семейных отношениях, восприятие мужа как заботливого, любящего, понимающего. «*Мои семейные отношения мне очень нравятся, мы с мужем очень любим друг друга и понимаем*»; «*Мой супруг научил меня любить не только его, но и всё сделал для того, чтобы я любила себя*» (И.); «*Мои семейные отношения не страдают от моего заболевания*»; «*Мой супруг относится с пониманием к моей проблеме*» (У); «*Мои семейные отношения стабильные, без потрясений*»; «*Мой супруг любящий, заботливый, добрый, порядочный*» (Б.).

Выявляются также гармоничные отношения в родительской семье, добрые отношения с племянниками, детьми знакомых (без какого-либо эмоционального надрыва): «*Моя семья обращается со мной как с любимой дочерью, любимой женой, любимой сестрой и любимой тёткой*» (И.). Наблюдались также случаи тяжёлых отношений в родительской семье: «*Сделать бы всё, чтобы забыть унижения и издевательство над собой мачехи*» (Л.). Однако данные переживания в основном относятся к прошлому и в достаточной степени эмоционально отреагированы (в частности, не существует предвзятого или завистливого отношения к сводным братьям и сестрам, а также к их детям: «*Считаю, что, несмотря на моё заболевание, я состоялась как любимая тётка своих племянников*»; «*Наибольшую эмоциональную поддержку я получаю от своей семьи (мужа, сестры и подруг)*»).

Это люди, способные к значительной самоотдаче, стремящиеся помочь окружающим, социально активные: «*Я думаю, что достаточно способна сделать свою жизнь счастливой, интересной и помогать близким мне людям*» (И.); «*Моя наибольшая слабость заключается в том, что я хочу по мере возможности всем помочь и сделать приятные сюрпризы*» (Б.); «*Самое главное в жизни – быть нужным и востребованным*»; «*Горжусь тем, что я востребованная*» (Л.).

Анализ рассмотренного материала позволяет выделить основания, по которым можно судить, что женщина предпочла предельный способ существования в условиях диагностирования бесплодия:

1) восприятие ситуации на уровне экзистенциальных противоречий и их заострения, при этом отмечается попытка выйти за пределы наличного существования, трансцендируя проблему;

2) умение продуктивно разрешать возникающие противоречия в различных жизненных сферах (бытийных пространствах);

3) согласованность бытийных пространств, отвечающая субъективным представлениям личности об их приоритетности и соподчинённости;

4) субъектная позиция, отвечающая характеристикам истинной субъектности, действенная активность, адекватная сущностным характеристикам личности, а также содержанию и сути актуальной проблемы;

5) стремление и умение превратить внешние ограничения в пространство внутренней свободы;

6) гибкое самоопределение в рамках дихотомий «жизнь – смерть», «свобода – детерминизм»;

7) модус служения – социальная активность, ориентация на других, способность к значительной самоотдаче, потребность в социальной востребованности.

В характеристике группы пациентов с *экстремальным способом существования* на первый план выступают многочисленные противоречия, характеризующие их ценностно-смысловую и мотивационную сферы в различных жизненных пространствах бытия. Причём пациентки не улавливают и не вычленяют самого факта их наличия и оказываются неспособными к их продуктивному разрешению.

Разберём характер и содержание этих противоречий последовательно.

С одной стороны, выявляется отвержение самого факта наличия болезни, с другой – постоянные ссылки на заболевание как основу тех или иных жизненных ограничений, неудач, неприятностей и невезения: «*Мне кажется, что мой диагноз “бесплодие”... не осознаю себя бесплодной, не вижу проблемы в этом*»; «*Если бы я не заболела, давно родила ребёнка*»; «*Если бы не моя болезнь, не было бы ссор с мужем*» (Ш.).

Семейные отношения конфликтны, причём имелись даже случаи, когда женщина на фоне разлада в семейных отношениях имеет любовника, от которого и получала, по ее словам, эмоциональную поддержку: «*По сравнению с большинством семей моя семья – формальность*»; «*Супружеская жизнь мне кажется неконтролируемой, проходящей*»; «*Мои семейные отношения нестабильны*»; «*Мой супруг живёт своей жизнью*»; «*Моя семья обращается*

со мной, словно они знают лучше меня, чего я хочу»; «Больше всего я хотела бы в жизни быть с любимым человеком»; «Наибольшую эмоциональную поддержку я получаю от любимого человека» (Ш.). К тому же выясняется, что так называемого любимого человека пациентка считает не тем человеком, который ей нужен в жизни, его образ она рисует в своих мечтах, в целом же взаимоотношения с мужчинами ее очень утомляют. Всё это наглядно отражается в следующих противоречивых утверждениях: «Мое скрытое желание в жизни – независимость от всех»; «Хотелось бы перестать бояться одиночества». Как выясняется в дальнейшей работе с пациенткой, ребёнок ей нужен «для себя, чтобы избежать одиночества в будущем». Любопытные результаты дало обсуждение утверждения «Наступит тот день, когда у меня будет сын». В ходе беседы выяснилось, что пациентка не готова психологически к рождению дочери, более того, активно не хочет иметь девочку. Кроме того, утверждение о желании иметь сына делается на фоне заявлений о том, что пациентка не собирается ради этого отказываться от привычного, нездорового образа жизни: «Моя наибольшая слабость заключается в том, что завишу от физических удовольствий»; «Мне трудно ограничивать себя в курении»; «Мне трудно ограничивать себя в развлечениях» (М.).

Причём и данная, и другие пациентки этой группы не видят себя причиной разлада семейных отношений, считая, что для их стабилизации необходимо воздействовать именно на мужа: «По сравнению с большинством семей, моя семья не идеальная»; «Мои семейные отношения не такие, как я хотела»; «Хотела бы поговорить с психологом, как можно влиять на мужа» (М.).

По мнению этих пациенток, именно бесплодие стало причиной изменения характера и эмоционального фона: «После того как я заболела, мой характер стал злобным и скрытым»; «После того как я заболела, мой характер стал капризным, неуравновешенным, эмоциональным» (М.); «После того как я заболела, мой характер стал нудным» (Д.); «В связи с моим заболеванием я столкнулась с проблемой депрессии». Дополнительно противоречие проявляется и в том, что отмечая это, а также утверждая, что «самое главное в жизни – понять себя, внутреннее равновесие», больная отвергает необходимость получения квалифицированной психологической помощи.

Отмечается также разлад в сфере профессиональных отношений, впечатление неудачно выбранной профессиональной ниши, неумение наладить продуктивные отношения с коллегами и руководством.

Пациенты этой группы, как правило, эгоцентричны и считают, что именно окружающие должны подстраиваться под них, подчиняться их желаниям и указаниям: «Больше всего люблю тех людей, которые чувствуют моё настроение». Болезнь для пациентки травматична в том отношении, что она наиболее явно нанесла удар по её стремлению «всё и всех контролировать».

Перспективы дальнейшей семейной жизни безрадостны и безнадежны ещё и потому, что, по мнению пациентки, все известные ей семьи также несчастны: *«Большинство известных мне семей несчастливы вместе».*

Рассмотренные позиции постараемся уточнить, усилить и дополнить на других наглядных примерах.

Данная категория пациентов не отличается верой в себя. У них часто имеются многочисленные страхи перед родами, наркозом и т.п.: *«Большинство моих знакомых не знают, что я боюсь рожать»;* *«Хотелось бы перестать бояться наркоза»* (А.); *«Большинство моих знакомых не знают, что я боюсь бесплодия и в то же время родов»* (Д.). Некоторые страшатся умереть в родах.

Для многих больных характерна переоценка себя, перфекционизм, подчёркивание своей исключительности и индивидуальности, суждения типа: «всё – или ничего», «чёрное или белое», нежелание и неумение видеть жизнь во всей многогранности с полутонами, сложностями и противоречиями: *«Я всегда хотела, чтобы у меня всё получалось»;* *«Думаю, что я достаточно способна во всём»;* *«Горжусь тем, что я индивидуальная»;* *«Мне нравятся, когда люди делают себя лучше всех»;* *«Мое скрытое желание в жизни – получить всё, что хочу»* (М.). При этом любые неудачи, невезение, неприятности приводят к крайностям в эмоциональных способах реагирования: *«Когда мне начинает не везти, я впадаю в депрессию»* (Б.М.); *«Когда мне начинает не везти, часто впадаю в панику, расстраиваюсь раньше времени»;* *«Когда мне начинает не везти, я теряюсь в мыслях и действиях»* (Д.).

Несмотря на заявления, что рождение ребёнка – наиболее актуальная и острая проблема, приоритеты жизненных ценностей как в беседе, так и по результатам методики «незаконченные предложения» выстраиваются этими пациентками совсем по-другому. В частности, это явствует из следующего блока утверждений: *«Если бы не моя болезнь, я бы занималась своей карьерой или семьёй»;* *«Заболевание ограничивает меня в обучении и карьерном росте»;* *«Если бы я не заболела, я бы училась, работала, строила планы на будущее в плане семьи»* (М.). Основная тематика М., затрагиваемая в беседе, – карьерные устремления и необходимость повышения своего профессионального и образовательного уровня, в частности, получение второго высшего образования.

У данной категории пациенток отмечается нежелание ворошить прошлое, связанное с неприятными психотравмирующими моментами, а также со случаями своего ошибочного или недостойного поведения. Они фиксированы на ощущении собственной неполноценности именно из-за невозможности осуществить родительскую функцию: *«Заболевание ограничивает меня в объективной оценке самой себя (считаю себя в какой-то мере неполноценной)»;* *«Если бы я не заболела, чувствовала себя более уверенной, сразу после замужества родила бы ребёнка, как мы и планировали»* (Д.).

В суммированном и кратком виде имеющиеся различия между пациентками с разным модусом бытия личности можно представить следующим образом.

Предельный модус бытия	Экстремальный модус бытия
Надеются на себя	Надеются на чудо и врачей
Обоснованная уверенность в собственной самоэффективности	Необоснованные декларации относительно своей самоэффективности Убежденность относительно своей невозможности конструктивно повлиять на ситуацию
Ощущение своей самооценности	Самоуничижительные тенденции
Гармоничные семейные отношения	Конфликтные отношения
Ничего не хотят изменить в прошлом	Полностью хотят изменить жизнь, начать всё сначала
Отношение к будущему: вариации от смутного, неопределённого до вполне счастливого, с конкретизацией планов и намерений, гибкой перспективой	Отношение к будущему: эйфоричное ожидание чуда и счастья (романтический герой, способный отдать жизнь и т.п.) и собственная пассивность, для которой оправданием является болезнь
Позитивно воспринимают себя, окружающих, другие семьи	Довольно негативно воспринимают окружающих и другие семьи

Пациентки с предельным способом существования воспринимают заболевание как жизненное испытание, вызов судьбы, на который надо ответить достойным образом. Пациентки, предпочитающие экстремальный модус бытия, устанавливают причинно-следственную зависимость от заболевания различного рода последующих жизненных неприятностей и несчастья.

Предельный модус бытия личности по сравнению с экстремальным даёт возможность более гибкого и продуктивного самоопределения в плане экзистенциальных дихотомий «жизнь – смерть», «свобода – детерминизм». В случае экстремального модуса бытия человек либо не поднимается до осмысления данной проблематики, либо осмысляет её неконструктивно.

Резюмируем изложенное.

Проведенное исследование психологических оснований идеопатического женского бесплодия показало, что на первом плане стоят проблемы бытия личности в аспекте предпочитаемых ею способов существования как до возникновения заболевания, так и в связи с осознанием факта его наличия.

В ситуации сообщения диагноза «бесплодие» пациентке необходимо определиться в дихотомиях: «жизнь – смерть» (продолжение себя, личное бессмертие в детях и т.п.); «свобода – детерминизм» (необходимость определиться со степенью своей личной ответственности за сложившуюся ситуацию и

возможность собственного влияния на преодоление внешних и внутренних ограничений).

Условиями успешности психологического сопровождения пациентов с бесплодием можно считать ряд показателей:

- субъективное принятие факта заболевания и личностное самоопределение с учётом его наличия при сохранении целостности жизни и без ущерба для её жизнедеятельности;
- способность к продуктивному разрешению противоречий в различных личностных бытийных пространствах;
- ответственность за принятие жизненных решений.

Повышается вероятность выбора предельного модуса бытия, когда самостоятельно происходит обращение к экзистенциальным дихотомиям и своя проблема вводится в круг более высоких смысловых образований.

Благодаря модусу бытия, отвечающему по своим параметрам предельному, увеличивается возможность достижения и сохранения высокого качества жизни даже в том случае, если в процессе лечения не наступила беременность. Повышение степени осознания мотивационных оснований и содержания своего способа существования через анализ и продуктивное разрешение ценностно-смысловых противоречий способствует адекватному самоопределению личности не только по отношению к своему заболеванию, но и жизни в целом.

Библиографический список

1. Александер Ф. Психосоматическая медицина. Принципы и применение. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004.
2. Анохин Л.В., Коновалов О.Е. Бесплодие в браке // Мед. ун-т им. И.П. Павлова. Рязань, 1995.
3. Анохин Л.В., Коновалов О.Е. Индивидуальное прогнозирование риска первичного и вторичного женского бесплодия // Акушерство и гинекология. 1992. № 3.
4. Братусь Б.С. Смысловая сфера личности // Психология личности в трудах отечественных психологов / сост. и общ. ред. Л.В. Куликова. СПб.: Питер, 2001.
5. Бройтигам В., Кристиан П., Рад М. Психосоматическая медицина: краткий учебник / пер. с нем. Г.А. Обухова, А.В. Бруенка; предисл. В.Г. Остроглазова. М.: ГЭОТАР МЕДИЦИНА, 1999.
6. Веропотвелян П.Н., Тимошенко Л.В. Возможности диагностики бесплодного брака в амбулаторно-поликлинических условиях в крупном промышленном центре (женское бесплодие) Малиенко Н.Д. [и др.] // Журнал экспериментальной и клинической медицины. 1981. Т. 21, № 2.
7. Дейнека Н.В. Психологические проблемы женского бесплодия: диагностика и пути коррекции: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Самара, 2001.
8. Карвасарский Б.Д. Медицинская психология. М.: Медицина, 1982.

9. Кулаков В.И., Пшеничникова Т.Я., Вихляева Е.М. Проблемы и перспективы исследований по проблеме «Бесплодный брак» // Акушерство и гинекология. 1989. № 7.
10. Менделевич В.Д. Клиническая и медицинская психология: практическое руководство. М.: «МЕДпресс», 1999.
11. Менеgetti А. Психосоматика. М.: ННБФ «Онтопсихология», 2004.
12. Мясищев В.Н. Основы общей и медицинской психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
13. Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику. М.: Изд-во МГУ, 1987.
14. Рубинштейн С.А. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
15. Ташлыкoв В.А. Клинико-психологическое исследование «внутренней картины болезни» при неврозах в процессе их психотерапии // Журнал невропатологии и психиатрии. 1981. Вып. 11.
16. Филиппов О.С., Радионченко А.А. Эпидемиологическое изучение индивидуального риска развития бесплодия // Вестник Российской ассоциации акушеров-гинекологов. 1999. № 4.
17. Фоменко Г.Ю. Личность в экстремальных условиях: два модуля бытия. Краснодар: КубГУ, 2006.
18. Шенкер Дж. Стресс и бесплодие // Акушерство и гинекология. 1993. № 2.
19. Abbey A., Halman L.J., Andrews F.M. Psychosocial, treatment, and demographic predictors of the stress associated with infertility // Fertil. Steril. 1992. Vol. 57, № 1.
20. Behrman S.J., Kisther R.W. A rational approach to the evaluation of infertility // Progress in infertility. 1975.
21. Cox L.W. Infertiliti: a comprehensive programme / L.W. Cox // Brit. J. Obstet. Gynaecol. 1975. Vol. 82, № 1.
22. Harrison R.F. [et al] Stress profiles in normal infertile couples // Advances in Diagnoses and Treatment of infertility. Amsterdam: Elsevier, 1987.
23. Kerr J. Опыт лечения бесплодных супружеских пар в Великобритании: результаты исследования, выполненного в 1997 году / J. Kerr // Проблемы репродукции. 1999. № 4.
24. Menning B.E. The emotional needs of infertile couples // Fertil. Steril. 1980. Vol. 34, № 3/4.
25. Morse C.A., Van Hall E.V. Psychosocial aspect of infertility: A review of current concept // Psychosom. Obstet. Gynaecol. 1987. Vol.6, № 3.
26. Stauber M. Psychosomstischen Untersuchungen zur sterilen Partnerschaft // Gynaekologie. 1982. Vol. 15, № 4.
27. Zech H. Психологическая диагностика и терапия при бесплодии // Проблемы репродукции. 1995. № 1.

**ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА
АТТРАКТИВНОСТИ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЖЕНЩИНЫ-
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ И ГОТОВНОСТИ ДРУГИХ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ К СОТРУДНИЧЕСТВУ С НЕЙ**

.....

В.А. Лабунская¹

В условиях постиндустриального общества, развивающего сферу услуг, усиливается интерес к социальной психологии женского предпринимательства. Женщины-предприниматели не только осваивают традиционные для них виды труда, но и успешно работают в ранее труднодоступных для женщин сферах деятельности [1; 7; 9; 31]. Несмотря на это, развитие женского предпринимательства до сих пор сопровождается социально-экономическими и социально-психологическими трудностями. Многие из этих трудностей совпадают с перечнем тех трудностей, с которыми встречается любой предприниматель, но наряду с ними женское предпринимательство испытывает на себе влияние дискриминационных факторов [3; 18; 25; 26; 28]. Сталкиваясь с данной социальной проблемой, современная психология обращается к исследованию взаимодействия между группами предпринимателей, к тем факторам, которые могут повлиять на выраженность стремления к сотрудничеству с представителями женского и мужского бизнеса.

Традиционно в научной литературе в качестве факторов, влияющих на взаимодействие, рассматриваются различия в стилях управления мужчин и женщин-предпринимателей. Кроме того, выделяются и описываются наборы качеств личности женщины-предпринимателя, анализируемые с точки зрения сложившихся в обществе конструкторов феминности-маскулинности. В работах последних лет подчеркивается, что сформировавшиеся в обществе представления о женщине-предпринимателе, включающие противоречивые гендерные

---

¹ Лабунская Вера Александровна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии Южного федерального университета. Эл. почта: vlab@aaanet.ru

роли «настоящей женщины» и «деловой женщины», увеличивают набор требований, относящихся к ее социальному поведению. В этот набор входят не только требования совмещения феминных и маскулинных черт, жесткого и мягкого стилей управления, но и требования, касающиеся имиджа женщины-предпринимателя, ее самопрезентации и внешней невербальной репрезентации ее принадлежности к группе предпринимателей. Включение в состав требований, предъявляемых к организации взаимодействия предпринимателей, целенаправленного создания визуальных кодов, конструирования невербального выражения, внешнего облика, самопрезентаций обусловлено появлением огромного количества работ, подтверждающих, что внешний облик человека выступает в качестве пускового механизма интерпретации его личности [2; 16; 21; 22; 23; 32; 33].

Современные социолингвистические, этнопсихологические исследования, работы, выполненные в области психологии эмоций, психологии невербального выражения отношений подтверждают факт существования устойчивых форм поведения (алгоритмов паттернов) у людей одной эпохи, одного круга, одного уровня культуры. В публикациях отечественных и зарубежных авторов постоянно высказывается мысль о том, что экспрессивные невербальные средства создают образ и выявляют внутреннюю структуру человека, что демонстрируемые личностью невербальные паттерны поведения отражают не только историю формирования, социализации конкретного индивида, но и общности, к которой он принадлежит. Невербальное выражение личности является средством объективизации позиции социума относительно конкретной группы людей, выступает в качестве транслятора социально желаемого спектра черт образа жизни. Из сказанного следует: невербальное выражение принадлежности к социально-профессиональным группам предполагает использование совокупности невербальных средств, указывающих на отличительные черты одной социально-профессиональной группы от другой. Иными словами, предприниматели как социально-профессиональная группа репрезентируют свою принадлежность к данной группе посредством совокупности невербальных средств, отражающих сложившиеся в обществе требования к стилю и образу жизни предпринимателя. Например, машина, телефон, настольная лампа, письменный прибор, мебель, оформление внешнего облика, экспрессивный репертуар становятся способами репрезентации предпринимательства как социально-профессиональной группы.

Невербальное выражение принадлежности к определенной социально-профессиональной группе формируется в пространстве социокультурных и социально-психологических координат, в процессе интериоризации социальных представлений, содержание которых непостоянно. Поэтому изучение невербального выражения принадлежности к такой динамично развивающейся социально-профессиональной группе, как предпринимательство, имеет особое

значение. Такое исследование позволяет определить, как вместе с изменением статуса в обществе данной социально-профессиональной группы изменяются комплексы, совокупности невербальных средств их репрезентации в обществе.

Известно, что невербальные репрезентации человека и группы определяются доминирующими в обществе гендерно-возрастными, статусно-ролевыми конструктами и вместе с этим являются их отражением [2; 8; 13; 26; 33]. В работах констатируется, что невербальный образ женщины-предпринимателя зависит от существующих в обществе сексистских установок, влияние которых не всегда осознается как мужчинами, так и женщинами-предпринимателями. Поэтому невербальный образ женщины-предпринимателя включает как те средства, которые выбираются сознательно, так и те, которые несут информацию о неосознаваемых предпринимателем характеристиках его личности и групповой идентичности. Невербальное выражение личности как специфический визуальный код отражает степень соответствия экспрессивного репертуара предпринимателя заданным в социально-профессиональной группе паттернам поведения. Оно также свидетельствует о том, насколько развита у предпринимателя способность передавать с помощью невербального кода важную для других членов сообщества информацию. Кроме того, невербальное выражение личности как специфический визуальный код будет зафиксировано в том случае, если у наблюдателя имеются представления о том, какой внешний облик должен иметь предприниматель, и достаточно хорошо отрефлексированы критерии, на основе которых осуществляется идентификация человека в качестве представителя той или иной группы [16].

С точки зрения социальной психологии умение человека создавать невербальные, визуальные коды является позитивной культурной ценностью. Ссылаясь на исследования Г.Е. Крейдлина, можно подчеркнуть, что кодирование – это одно из правил невербального выражения внутреннего мира личности, это «невербальная концептуализация» переживаемых чувств и эмоций в рамках определенных правил, характерных для ситуации общения [13].

Компоненты, создающие эффект внешнего Я личности, отличаются степенью динамичности и изменчивости. Наименее динамичные – это индивидуально-конституциональные характеристики человека, которые изменяются, как правило, в соответствии с законами биологического развития человека. К среднеустойчивым компонентам внешнего невербального образа Я личности следует отнести все способы оформления внешнего облика, динамика которых сопряжена с гендерно-возрастными, статусно-ролевыми конструктами, стилем эпохи, модой, с принятой в обществе социальной символикой [2; 8; 13], а к наиболее динамичным – различные элементы и подструктуры выразительного, невербального поведения личности.

Многочисленные исследования показывают, что внешне привлекательные люди добиваются больших успехов, оцениваются как обаятельные, общитель-

ные [6; 21; 23; 32]. Внешняя привлекательность оказывает влияние на отношение к человеку [5; 22; 23], на оценку личности [12; 21]. Идентификация партнера с группой врагов или друзей сопровождается оценкой привлекательности внешнего облика [27]. Внешний облик как один из способов самопрезентации человека влияет на взаимодействие человека с миром и может приводить к формированию кризисных отношений не только в межличностном общении, но и в деловом [2; 15]. Согласно исследованиям сбой и барьеры в общении и взаимодействии возникают не столько потому, что человек не фиксирует внимание на своем внешнем облике, сколько в результате того, что он не придает значения внешнему облику как способу объективизации его внутреннего мира, как средству регуляции отношений.

Таким образом, социально-психологические трудности взаимодействия предпринимателей актуализируются под влиянием многочисленных факторов, среди которых не последнее место занимает оценка привлекательности внешнего облика предпринимателя, особенно женщины. Постановка проблемы влияния оценок привлекательности внешнего облика на выраженность стремления к сотрудничеству между женщинами и мужчинами- предпринимателями входит в круг проблем современной социальной психологии, рассматривающей внешний облик в связи с изучением феномена управляемого впечатления, создания социально желательного образа у партнеров по взаимодействию, в качестве критерия статусно-ролевой дифференциации и категоризации людей. С учетом гендерной традиции в изучении предпринимательства интересным является вопрос о выраженности стремления к сотрудничеству с женщинами-предпринимателями в соответствии с оценкой привлекательности их внешнего облика другими предпринимателями и непредпринимателями, мужчинами и женщинами.

На основе представленного социально-психологического подхода к невербальному выражению и внешнему облику как средствам регуляции взаимодействия проведено специальное исследование, одной из задач которого была проверка гипотезы о влиянии степени привлекательности внешнего облика женщин-предпринимателей, представляющих средний и малый бизнес, на выраженность стремления других предпринимателей сотрудничать с ними. Подробное описание методического инструментария представлено в работах К.Г. Нестеровой-Маликовой [19; 20], выполненных под руководством автора. В данной статье мы ограничимся описанием того методического приема, который был направлен на выяснение оценок степени привлекательности внешнего облика женщин-предпринимателей. Участникам исследования – предпринимателям (50 мужчин и 50 женщин) и непредпринимателям (50 мужчин и 50 женщин) – предъявлялись фотоизображения женщин-предпринимателей, являющихся представителями среднего и малого бизнеса (21 фотопортрет). Подбор фотографий женщин-предпринимателей осуществлялся по следующим критериям: возраст (от 30 до 50–55 лет), вид деятельности (средний и малый бизнес), стаж

работы в данном виде деятельности (не менее 5 лет). Фотоизображения женщин-предпринимателей были взяты из трёх специализированных журналов. С целью обработки полученных данных применялся t -критерий Стьюдента и корреляционный анализ. В разработке методики и в сборе эмпирических данных принимала участие К.Г. Нестерова-Маликова.

На первом этапе исследования перед его участниками стояла задача определить в соответствии с их представлениями, являются ли женщины, изображенные на фотографиях, предпринимателями. На основе результатов идентификации женщин с группой предпринимателей был рассчитан индекс согласованности выбора женщины в качестве предпринимателя. На этом этапе исследования было установлено, что более 50 % женщин-предпринимателей, представленных на фотографиях, имеют низкий индекс согласованности в выборе их в качестве предпринимателей. Иными словами, они практически не относятся участниками исследования к группе предпринимателей. Это означает, что их невербальное выражение не включает те символы и знаки, которые бы способствовали их идентификации в качестве предпринимателей. Кроме того, было выявлено, что мужчины и женщины-предприниматели и непредприниматели используют в качестве критериев идентификации женщин с группой предпринимателей сочетание экспрессии с оформлением внешнего облика. Различия между мужчинами и женщинами-предпринимателями и непредпринимателями в выборе критериев идентификации заключаются в том, что женщины используют более широкий репертуар экспрессивных признаков внешнего облика, чем мужчины, которые чаще обращают внимание на оформление внешнего облика.

О чем говорят эти данные? Они свидетельствуют в пользу того факта, что многие женщины-предприниматели демонстрируют в своем поведении такие визуальные коды, которые отличаются незначительным соответствием экспрессивному репертуару предпринимателя, ожидаемому во взаимодействии. Данные указывают также на то, что у многих женщин-предпринимателей недостаточно развита способность передавать с помощью невербального кода важную для других членов сообщества информацию, что для них создание невербальных, визуальных кодов еще не стало позитивной культурной ценностью. Полученные данные фиксируют также, что у участников исследования сложились определенные требования к внешнему облику женщины-предпринимателя. Но, скорее всего, они сформировались в результате влияния СМИ, обсуждающих внешний облик бизнес-леди. Большинство женщин-предпринимателей, занятых в малом и среднем бизнесе, не соответствуют этому облику. Таким образом, можно говорить о том, что у большинства участников исследования еще не сложились представления о том, как должна выглядеть женщина, если она работает в сфере малого и среднего бизнеса. Они осуществляют идентификацию на основе сложившихся стереотипов, что неизбежно приводит к неадекватной категоризации женщин-предпринимателей, изображенных на фотопортретах. Этот вывод под-

тверждают данные, полученные на следующем этапе исследования, фиксирующем трудности идентификации женщин в качестве предпринимателей на основе их невербального выражения, на основе визуальных кодов.

Участники исследования указали три вида трудностей идентификации женщин с группой предпринимателей: 1) дефицит непосредственного общения с женщиной-предпринимателем; 2) сложившиеся стереотипы внешнего облика женщины-предпринимателя; 3) оформление внешнего облика. Наибольшее количество затруднений в процессе идентификации женщин с группой предпринимателей испытывают женщины-непредприниматели. Мужчины-непредприниматели чаще, чем другие участники исследования, называют стереотипы внешнего облика в качестве причин, затрудняющих процесс идентификации женщин с группой предпринимателей. Для женщин-непредпринимателей причиной, затрудняющей процесс идентификации женщин с группой предпринимателей, чаще выступает недостаток личного общения. Уже на этом этапе исследования стало ясно, что сбои и трения в общении женщин-предпринимателей как с предпринимателями, так и непредпринимателями неизбежны, поскольку их внешний облик как «визуальный текст» не несет необходимую для позитивного сотрудничества информацию. Невербальное выражение женщин-предпринимателей, предьявляемых на фотоизображениях, не способствовало их идентификации в качестве предпринимателей, следовательно, они были отнесены к иным социальным группам, в отношении которых могут демонстрироваться другие стратегии взаимодействия, неадекватные предпринимательской деятельности.

На следующем этапе исследования внешний облик женщин-предпринимателей, изображенных на фотопортретах, оценивался по десятибалльной шкале, крайние точки которой соответствовали оценкам «привлекательный – непривлекательный». Из полученных данных следует, что женщины, занимающиеся предпринимательской деятельностью и не занимающиеся ею, оценивают более высоко привлекательность женщин-предпринимателей, изображенных на фотопортретах, чем мужчины-предприниматели и непредприниматели. Но особенно низко оценивают привлекательность внешнего облика женщин-предпринимателей мужчины-предприниматели. Исходя из полученных данных, можно поставить вопрос о влиянии гендерных стереотипов, лежащих в основе оценки внешнего облика женщин-предпринимателей. Кроме того, можно предположить, что внешний облик женщин-предпринимателей, изображенных на фотопортретах, действительно не является привлекательным, поэтому мужчины оценивают его более адекватно, чем женщины-предприниматели, демонстрирующие в предлагаемой исследовательской ситуации солидарность с ними и «борьбу» с сексистскими установками, проявляющимися в неверии в то, что деловая женщина может обладать необходимыми для предпринимательской деятельности качествами личности и иметь привлекательный внешний облик.

Для того чтобы объяснить полученные данные, рассмотрим вначале результаты исследований, в которых зафиксированы гендерные различия в сфере общения и взаимодействия [3; 4; 10; 11; 17]. Прежде всего, обратим внимание на то, что индивиды, обладающие гендерной ориентацией, соответствующей их полу (полотипичные), предпочитают гендерно-адекватные модели поведения, принимают традиционные гендерные стереотипы общения. Они чаще делают выбор партнера на основе его внешней привлекательности и т.д. Российские исследователи [11; 24] обращают внимание на то, что за последние сто лет очень сильно трансформировался конструкт феминности. Женские конструкты феминности становятся все более эгалитарными, включающими мотивы достижения и обращения к нетрадиционным женским занятиям, например, к предпринимательской деятельности. Но вместе с тем в представлениях женщин о феминности и маскулинности по-прежнему большое место занимают характеристики внешнего облика, подчеркивается умение одеваться, хорошо выглядеть, быть аккуратным, ухоженным и т.д. Именно эти характеристики начинают выполнять роль важных диагностических показателей изменений в гендерно-ролевой идентичности. Поэтому женщины, демонстрирующие в общении паттерны экспрессивного поведения, соответствующие поведению человека, имеющего высокий статус, воспринимаются другими, особенно мужчинами, как «угрожающие». «Соблазняющие» невербальные паттерны поведения интерпретируются как проявления феминности и снижают чувство тревоги мужчин в общении с женщинами. В целом «настоящей» женщине приписывается экспрессивность, выразительность. Демонстрируя эти аспекты невербального поведения, она может прослыть более дружелюбной, открытой, непосредственной, порой инфантильной, доверчивой, т.е. может быть отнесена к категории феминных женщин, поведение которых соответствует сложившемуся конструкту женственности.

Если исходить из результатов и выводов приведенных работ, то интерпретация полученных в нашем исследовании данных, фиксирующих более низкую оценку мужчинами-предпринимателями привлекательности внешнего облика женщин-предпринимателей, может идти в двух направлениях. Первое из них базируется на том, что взгляд мужчин-предпринимателей констатирует изменения в статусно-ролевой идентичности женщин, представленные в невербальном выражении, во внешнем облике. В соответствии с этим порой неосознанно занижается оценка привлекательности внешнего облика женщин-предпринимателей. Второе направление интерпретаций полученных данных основывается на том, что демонстрируемый женщинами-предпринимателями невербальный стиль поведения является фрустрирующим, вызывает тревогу, следовательно, влияет на оценку привлекательности внешнего облика женщины-предпринимателя. Приведем в качестве примера описание внешнего облика женщины-предпринимателя, которая получила низкие оценки привлекательности своего внешнего облика. Сферами деятельности этой женщины-предпринимателя являются ресторанный бизнес, производство продуктов питания, торговля. На фотографии,

которая была помещена в специализированном издании, посвященном деловым женщинам Дона, зафиксирован ее экспрессивный репертуар, который таит в себе угрозу: расслабленная поза и напряженное выражение лица, властная рука и несоответствующий этому жесту наклон головы. Дисгармония невербального выражения свидетельствует о внутренней дисгармонии, что на бессознательном уровне фиксируется участниками исследования и может приводить к снижению оценки привлекательности ее внешнего облика. Кроме того, оформление внешнего облика свидетельствует о стремлении подчеркнуть феминность. В целом сочетание экспрессивного репертуара и оформления внешнего облика вызывает тревогу и влияет на оценку привлекательности этой женщины-предпринимателя.

К отличительным чертам внешнего облика женщин-предпринимателей, получивших высокие оценки привлекательности, относятся прежде всего гармония экспрессивного поведения и оформления внешнего облика, следование стандартам «аккуратности» и «скромности», «выражения искренности» и «добрых намерений». Такой внешний облик соответствует складывающимся представлениям о феминности и гармонизирует две модели поведения: «настоящая женщина» и «деловая женщина». В этой связи женщины-предприниматели, имеющие данный внешний облик, получили высокие оценки привлекательности как со стороны мужчин, так и со стороны женщин. Но в целом между оценками привлекательности внешнего облика женщин и частотой их идентификации в качестве предпринимателей обнаружены обратно пропорциональные связи. Иными словами, чем чаще женщина относится к группе предпринимателей, тем ниже оценивается привлекательность ее внешнего облика, особенно мужчинами.

На следующем этапе исследования были зафиксированы существенные различия ($t = -6,0$, вероятность ошибки $p < 0,0001$) между мужчинами-предпринимателями и женщинами-предпринимателями в выраженности стремления сотрудничать с женщинами-предпринимателями, которое фиксировалось с помощью десятибалльной шкалы, крайние точки которой соответствовали показателям: «очень стремлюсь к сотрудничеству – в любых ситуациях буду избегать сотрудничества». Также были зафиксированы существенные различия ($t = -5,6$, вероятность ошибки $p < 0,0001$) между мужчинами-непредпринимателями и женщинами-непредпринимателями в выраженности стремления сотрудничать с женщинами-предпринимателями.

Оказалось, что мужчины значимо чаще выражают желание сотрудничать с теми женщинами, которых они идентифицировали в качестве женщин-предпринимателей, чем женщины-предприниматели и непредприниматели. Парадокс заключается в том, что мужчины ниже оценивают привлекательность внешнего облика женщин, отнесенных к группе предпринимателей (по сравнению с аналогичными оценками со стороны женщин-предпринимателей), но интенсивность

выраженности стремления к сотрудничеству с ними у них значительно выше, чем такое же стремление у женщин-предпринимателей. Эти данные позволяют высказать предположение о том, что компетентная женщина, имеющая привлекательный внешний облик, таит угрозу не только предпринимательской деятельности мужчин, но и предпринимательской деятельности женщин. Нежелание женщин-предпринимателей сотрудничать с теми женщинами, которые являются предпринимателями, можно объяснить, исходя из социально-психологического содержания их внешнего облика. Завышение оценок привлекательности внешнего облика других женщин-предпринимателей не мешает проявлять участницам исследования свойственный женщинам социальный интеллект и адекватно интерпретировать невербальное выражение женщин-предпринимателей, зафиксированное на фотографиях. В большинстве случаев оно несет информацию об их стремлении к доминированию, властвованию, свидетельствует о жесткости, иными словами, демонстрирует излишнюю маскулинизацию этих женщин. Если допустить, что большинство женщин-предпринимателей, участвующих в исследовании, также склонны к демонстрации указанных стратегий взаимодействия, то нежелание сотрудничать с другими женщинами-предпринимателями является следствием сходства способов взаимодействия, которые ведут к конфронтации.

Приведенное объяснение полученных данных будет недостаточно полным, если не привлечь результаты, свидетельствующие о типе взаимосвязей между оценкой своего внешнего облика и показателями выраженности стремления к сотрудничеству с другими женщинами-предпринимателями. Нами было установлено, что чем выше женщины-предприниматели оценивают свой внешний облик, тем меньшее количество женщин они относят к предпринимателям и тем меньше стремятся к сотрудничеству с другими женщинами-предпринимателями. Эти данные указывают на то, что участвующие в исследовании женщины-предприниматели воспринимают свой внешний облик как соответствующий их профессиональной роли, как некий эталон внешнего облика женщины-предпринимателя. Поэтому обнаруженные ими в процессе восприятия других женщин-предпринимателей несоответствия в их внешнем облике (сложившимся представлениям, своему внешнему облику) понижают не только оценку их привлекательности, но и выраженность стремления сотрудничать с ними. Они, с точки зрения участниц исследования, являются «иными предпринимателями», принадлежат к другой группе, с которой участницы исследования осознанно или неосознанно не хотят себя идентифицировать.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы обнаружили, что влияние степени привлекательности внешнего облика женщин-предпринимателей, представляющих средний и малый бизнес, на выраженность стремления других предпринимателей сотрудничать с ними опосредовано взаимодействием гендерного фактора и принадлежностью участников исследования к группе

предпринимателей и непредпринимателей. Внешний облик женщин-предпринимателей будет выступать в качестве барьера на пути их сотрудничества как с мужчинами, так и с женщинами-предпринимателями. Мужчины-предпринимателями внешний облик женщины-предпринимателя рассматривается прежде всего с позиции угрозы своей маскулинности, приоритетности в сфере бизнеса. Женщины-предпринимателями внешний облик другой женщины-предпринимателя интерпретируется в большей степени на основе оценок своего внешнего облика, с позиции отвержения акцентуированной маскулинности и феминности, что сближает их с мужчинами-предпринимателями. Вместе с тем сбой и трения в сфере взаимодействия между предпринимателями могут быть выражены ярче в процессе сотрудничества женщин, чем мужчин.

Библиографический список

1. Акперов И.Г., Масликова Ж.В. Психология предпринимательства. М.: Финансы и статистика, 2003.
2. Белугина Е.В. Отношение к своему внешнему облику в период середины жизни: дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2003.
3. Бендас Т.В. Гендерная психология. СПб.: Питер, 2005.
4. Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001.
5. Бодалёв А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во МГУ, 1982.
6. Гозман А.А. Психология эмоциональных отношений. М.: Изд-во МГУ, 1987.
7. Ермолаева Е.П. Предпринимательство: Самодиагностика и преодоление психологических барьеров. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
8. Женщина и визуальные знаки. М.: Идея-Пресс, 2000.
9. Журавлев А.Л. Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М.: Когито-центр, 2004.
10. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2002.
11. Клёцина И.С. От психологии пола – к гендерным исследованиям в психологии // Вопросы психологии. 2003. № 1.
12. Короченцева А.В. Представления студентов о внешнем облике политиков и отношение к ним: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2006.
13. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005.
14. Кучеренко Н.В. Личностные особенности предпринимателя как субъекта экономической деятельности // Личность и бытие: субъектный подход. Становление и реализация субъектности личности в профессии: матер. III Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005.
15. Лабунская В.А. Герасимова О.А. Влияние выраженности феминности-маскулинности на самооценки компонентов внешнего облика на различных этапах жизненного пути // Северокавказский психологический вестник (Ростов-на-Дону). 2004. № 2.

16. Лабунская В.А. Осознаваемые и неосознаваемые компоненты невербального выражения личности. Самара: Самарский научный центр РАН, 2007.
17. Лабунская В.А., Буракова М.В. Феминность – маскулинность внешнего облика женщин (психосемантический анализ причесок) // Психологический вестник РГУ. 1998. Вып. 3.
18. Мелия М.И., Розин М.В. Формирование позитивного образа предпринимателя в общественном сознании // Вопросы психологии. 1993. № 1.
19. Нестерова-Маликова К.Г. О методиках изучения имиджа деловой женщины и оценке привлекательности ее внешнего облика // Человек, сообщество, управление: взгляд молодого исследователя (психология): матер. Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. Ч. 2.
20. Нестерова-Маликова К.Г. Особенности идентификации женщин с группой предпринимателей на основе их внешнего облика (на примере изучения представителей среднего и малого бизнеса): автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д: ЮФУ, 2008.
21. Нэпп М., Холл Д. Невербальное общение: учеб. СПб.: Прайм-Евразия, 2004.
22. Панфёров В.Н. Когнитивные эталоны и стереотипы взаимопознания людей // Вопросы психологии. 1982. № 5.
23. Петрова Е.А. Знаки общения. М.: ГНОМ и Д, 2001.
24. Практикум по гендерной психологии. СПб.: Питер, 2003.
25. Рудакова С.В., Джанерьян С.Т. Современные аспекты исследования предпринимательской деятельности в отечественной психологии // Психологический вестник РГУ. 2000. Вып. 5.
26. Суковатая В.А. Бизнес-леди: мифы и реальность // Социологические исследования. 2002. № 1.
27. Тулинова Д.Н. Представления о враге и друге в связи с отношениями к жизни на различных ее этапах: дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2005.
28. Турецкая Г.В., Хащенко В.А. Женщины-предприниматели. Социально-психологическая характеристика // Социологические исследования. 2000. № 1.
29. Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Социальная психология. СПб.: Прайм-Евразия, 2002.
30. Чирикова А.Е. Психологические особенности личности российского предпринимателя // Психологический журнал. 1998. Т.19. № 1.
31. Щербатых Ю.В. Психология предпринимательства и бизнеса. СПб.: Питер, 2008.
32. Янчук В.А. Межличностная аттракция и детерминирующие ее факторы // Адукацыя і выхаванне. 1998. № 5.
33. Яременко С.В. Внешность человека в культуре. Ростов н/Д: Изд-во ДГТУ, 1997.

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

.....

С.Ю. Флоровский¹

Управленческое взаимодействие руководителей организации сравнительно недавно стало осмысливаться в качестве самостоятельного объекта психологического изучения. В отечественной социальной психологии управления эта проблемная область продолжает сохранять статус инновационной и в настоящее время: количество публикаций, посвященных интеракциям руководителей ведущих уровней управления организациями, по-прежнему оказывается на порядок меньшим в сравнении с работами, рассматривающими управленческое взаимодействие в более традиционных координатах: «руководитель–подчиненный» или «руководитель–группа» [2; 3].

Как следствие, менеджеры и психологи сталкиваются с существенными проблемами, пытаясь разобраться, почему в одних случаях управленческие интеракции протекают эффективно, а в других ситуациях этого не происходит; почему одни руководители весьма успешно решают многие, подчас очень сложные, вопросы, активно взаимодействуя при этом и со своим начальством, и с руководителями смежных подразделений, а другие управленцы при осуществлении подобных контактов испытывают непомерную трудность.

В этой связи представляется продуктивным обращение к опыту изучения и совершенствования управленческого взаимодействия руководителей, накоптанному в зарубежной психологической науке, развитие которой, в отличие от отечественной психологии управления и социальной психологии, носило более последовательный и неразрывный характер. В данной статье заинтересован-

---

¹ Флоровский Сергей Юрьевич – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: florowsky@mail.ru

ному читателю предлагается обзор основных направлений и вариантов понимания зарубежными исследователями социально-психологической природы, закономерностей и механизмов регуляции интеракционных процессов, развивающихся на ведущих уровнях управления организациями.

В американской и западноевропейской психологии проведено значительное количество (исчисляемое сотнями публикаций) исследований разнообразных сторон и аспектов деятельности руководителей высшего и среднего уровней управления (топ- и мидл-менеджеров соответственно), так или иначе связанных с процессами их взаимодействия и коммуникации между собой. Социально-психологические процессы, объединяющие руководителей, обозначаются авторами как управленческое взаимодействие (*interaction*), коммуникация (*communication*), кооперация (*cooperation*), межличностные отношения (*interpersonal relations*), а иногда и как совместная деятельность, со-активность (*joint activities*).

При этом в общем массиве публикаций преобладают работы американских авторов. Поэтому вне зависимости от формальной «приписки» того или иного исследования к области социальной психологии, психологии менеджмента или организационной психологии, большинство работ, посвященных рассматриваемой проблематике, по содержательному критерию могут быть соотнесены с теоретическими ориентациями, характерными прежде всего для американской социально-психологической традиции.

Основным объектом большинства исследований, проводимых в рамках бихевиористской ориентации, выступает диадическое взаимодействие руководителей. Как правило, анализ поведения группы взаимосвязанных менеджеров также предполагает его представление в виде совокупности всех возможных интеракций между диадами управленцев. Основу «концептуальной рамки» интерпретации результатов проводимых исследований составляют положения теории взаимодействия исходов Д. Тибо и Г. Келли [39] и теории элементарного социального поведения (справедливого обмена) Дж. Хоманса [34]. Управленческие интеракции трактуются как совершающийся между менеджерами обмен «вознаграждениями» («выигрышами») и «наказаниями» («издержками»). При этом подчеркивается факт существования обоюдной зависимости участников взаимодействия, их взаимного контроля друг над другом, понимаемого как «способность влиять на исходы другого». Понятием «исходы взаимодействия» чаще всего обозначаются разнообразные психологические реальности (например, выигрыш или проигрыш в статусе, власти; обретение новой роли и т.п.). В качестве аксиоматического принимается положение о том, что каждый участник стремится уравновесить вознаграждения и затраты, чтобы сделать взаимодействие устойчивым, прагматически эффективным и эмоционально комфортным [31; 34; 39; 49]. Детально и методически изоциренно изучается детерминационное поле менеджерских интеракций, в котором чаще всего выделяется две категории факторов – экзогенные и эндогенные. Детерминанты первого типа,

привносимые во взаимодействие извне, полностью или частично «в готовом виде», представляют собой индивидуальные потребности и способности участников, сходство–различие в их установках, ценностях, ситуационный контекст их межличностного контакта и т.п. Функцией внешних факторов оказывается определение пределов достижения позитивных исходов («границ возможного»). Эндогенные детерминанты, возникающие лишь в ходе самого взаимодействия как его своеобразный продукт, определяют, будут ли действительно достигнуты «теоретически возможные» исходы взаимодействия [30; 39; 49].

Немаловажное место занимают и проблемы оценки индивидуального вклада менеджера в групповую управленческую интеракцию. В этой связи широко используются идеи Р. Бейлза [7], который предложил описывать процесс группового взаимодействия с помощью четырех категорий, фиксирующих его проявление в области позитивных и негативных эмоций, постановки проблем и решения этих проблем. В каждой из этих областей эмпирически были выделены три наиболее обобщенные поведенческие реакции (например, первая область включает в себя солидарность, снятие напряжения, выражение согласия) и установлены закономерные связи между поведенческими проявлениями партнеров по взаимодействию. Высоко оценивается исследователями и эвристический потенциал модели SYMLOG, предложенной Р. Бейлзом в начале 1980-х гг. [8]. Предполагается, что вклад отдельного менеджера в групповую работу (как и вклад индивида в межличностное взаимодействие вообще) может быть весьма удовлетворительно описан при помощи трёх взаимодополнительных дихотомических категорий: 1) стремление доминировать/склонность к подчинению, уступчивости; 2) дружелюбие/недружелюбие; 3) эмоциональность (ориентация на отношения, сочетающаяся с ослаблением самоконтроля)/аналитичность (ориентация на задачу и хороший самоконтроль).

Практические рекомендации чаще всего нацелены на формирование у руководителей продуктивных паттернов интерперсонального поведения в деловом взаимодействии и элиминацию непродуктивных [31; 49]. При этом учитывается, что усвоение новых поведенческих образцов управленческой интеракции может быть функцией не только собственного поведения человека, но и наблюдения за взаимодействием других руководителей в тех или иных социально-организационных ситуациях [60].

В работах психоаналитической ориентации контекст исследования проблем управленческого взаимодействия отличается большей широтой и разнообразием, включая область как внутригрупповых, так и межгрупповых социальных процессов. При этом подчеркивается приоритет вертикальных взаимодействий и отношений (между членами управленческой группы и её лидером) над горизонтальными (связывающими менеджеров одного ранга). Содержание вертикального взаимодействия соотносится прежде всего с двумя встречными процессами – реализацией групповым лидером патерналистской позиции по отношению

к членам группы («роль отца») и формированием идентификации индивидов со своим руководителем – положительной в отношении сильного лидера и отрицательной в отношении слабого [13; 16; 53]. В 1950–1980-х гг. значительная часть работ выполнялась на материале групп социально-психологического тренинга с последующей экстраполяцией сделанных выводов на сообщества руководителей, функционирующие в реальном организационном контексте.

Управленческие интеракции и коммуникации рассматриваются как детерминированные в первую очередь мотивационно-эмоциональными факторами, имеющими зачастую неосознаваемый и иррациональный характер, связанными с представлениями, переживаниями и конфликтами, вынесенными менеджерами из предыдущих периодов развития организации и более ранних этапов собственной карьеры [30; 43; 49].

Приоритетным фактором успешности взаимодействия, которая понимается как желание продолжения контакта всеми вовлеченными в него сторонами, оказывается степень удовлетворения актуальных потребностей руководителей в условиях осуществления ими совместной активности. В этой связи на одно из первых мест в системе лидерских функций выдвигается комплементарная функция, обусловленная способностью лидера ориентироваться в содержании потребностей и запросов членов группы и удовлетворять их (хотя бы на иллюзорном уровне) [53].

Особое место в работах рассматриваемого направления занимает тема деструктивного взаимодействия, разрабатываемая с опорой на мощные традиции, заложенные в исследованиях причин межгрупповой агрессии (инициированных еще З. Фрейдом), связи агрессии с состоянием фрустрации и чувством гнева (Д. Доллард, Н. Миллер и др.), «авторитарной личности» как субъекта социального поведения (Т. Адорно) [5; 19].

В начале 1980-х гг. эти работы инициировали становление тэвистокского подхода в организационном консультировании. Адепты данного направления находят психоаналитические взгляды более чем релевантными с точки зрения понимания сущности процессов организационного функционирования и развития, постулируя тезис о том, что повседневная жизнь организации представляет собой разыгрывание в драматической форме психопатологии её первых лиц [16; 40; 41].

Трансактный анализ Э. Берна (ТА), представляющий собой своеобразный сплав психоаналитических и бихевиористских идей, пользуется большой популярностью в качестве средства интерпретации управленческого взаимодействия самой различной направленности. Взаимодействие рассматривается как последовательность трансакций – действий (акций), направленных на другого человека и связывающих сходные или различные эго-состояния партнеров («Родитель», «Взрослый», «Ребенок»). В зависимости от особенностей трансакций (параллельные, пересекающиеся, скрытые) взаимодействие в целом может

быть продуктивным и непродуктивным (конфликтным). Психологической основой взаимодействия выступает особая социальная потребность, обозначаемая Э. Берном как потребность в структурировании времени. Выделяют шесть видов межличностного взаимодействия, представляющих собой различные способы реализации этой потребности: отстраненность (замкнутость), ритуал, времяпрепровождение (развлечение), деятельность, игры, близость [1; 14].

Наибольшее внимание уделяется психологическому анализу игровой формы взаимодействия. Э. Берн называет игрой последовательность взаимодополнительных, содержащих скрытые компоненты транзакций с заранее определенным, легко предсказуемым завершением. Игры дают возможность структурировать время в тех случаях, когда потребность в одобрении очень велика, но ощущение неблагополучия препятствует достижению близости. Э. Берн обращает внимание на то, что чаще всего люди выбирают себе друзей, партнеров, близких людей из числа тех, кто играет в те же игры, что и они. Поэтому в данном социальном окружении каждый его представитель приобретает такую манеру поведения, которая покажется совершенно чуждой членам другого социального круга. И наоборот, любой участник какого-либо социального окружения, который начинает играть в новые игры, скорее всего будет изгнан из этого сообщества.

По оценкам многих авторов категории и объяснительные схемы ТА чрезвычайно удачно накладываются на события повседневного организационного функционирования вообще и реалии управленческой деятельности в частности. Так, они оказываются эвристичными при анализе конфликтов и сложных коммуникативных ситуаций (переговоры, проведение деловых совещаний, отборочных и аттестационных собеседований, микрополитические интриги и т.п.), делая более психологически прозрачным их содержание [18; 30; 49]. Реинтерпретация классических стилей руководства в системе понятий «драматического треугольника» содействует более глубокому пониманию и надежному прогнозированию управленческого взаимодействия менеджеров, придерживающихся авторитарных, либеральных или демократических методов управления, предстающих в новом качестве «преследователей», «жертв» и «спасителей» соответственно [43; 59]. Построение индивидом необходимых для успешного карьерного продвижения межличностных отношений связывается с его готовностью освоить игры и сценарии, принятые в том статусном сообществе, членом которого он стремится стать, а также с типом доминирующей личностной позиции по отношению к самому себе и значимым лицам в микросоциальном окружении [9; 45; 59].

В последние два с половиной десятилетия эвристический потенциал ТА активно используется в микрополитике, представляющей собой новый междисциплинарный подход в управленческих науках [17; 45; 47]. С точки зрения микрополитики как научной дисциплины руководство организацией – это интерактивный процесс, осуществляемый совместно разными акторами, имеющими

конфликтные интересы [17; 47, с. 108–126]. Сутью управленческого взаимодействия руководителей оказывается явное или завуалированное манипулирование властью, осуществляемое по определенным сценариям, хорошо интерпретируемым с позиций транзактного анализа (см., например: [45]).

Значительная часть исследований управленческого взаимодействия была выполнена с позиций символического интеракционизма. Процессы взаимодействия руководителей в организации при осуществлении ими своих управленческих функций принадлежат к числу весьма популярных «модельных объектов», на которых разрабатывалась и продолжает разрабатываться основная проблематика этого направления: изучение взаимодействия как непрерывного диалога, в процессе которого люди наблюдают, осмысливают намерения друг друга и реагируют на них [26; 55]. В этой связи активно используется положение Дж.Г. Мида о том, что для успешного осуществления коммуникации человек должен обладать способностью «принять роль другого», т.е. войти в положение того человека, которому адресована коммуникация. В случае более сложного взаимодействия, в котором участвует группа людей, для успешного осуществления такого взаимодействия члену группы приходится как бы обобщать позицию большинства членов данной группы. Поведение индивида в группе, отмечает Дж.Г. Мид, «является результатом принятия данным индивидом установок других по отношению к самому себе с последующей кристаллизацией всех этих частных установок в единую установку или точку зрения, которая может быть названа установкой “обобщенного Другого”» [55, 90].

Еще один аспект анализа социального взаимодействия – понимание интеракции как функции реализации ролей, исполняемых её участниками. Многообразие ролей, реализуемых людьми в их социальных интеракциях, отображается в многочисленных классификациях: различные авторы выделяют роли социальные (конвенциональные) и межличностные, формальные и неформальные, предписанные и достигнутые, активные и латентные. Отдельной областью исследования выступают ситуации нарушения взаимодействия вследствие невозможности выполнения хотя бы одним из вовлеченных в него индивидов предъявляемых ролей требований – ролевые конфликты. Выделяют два типа таких конфликтов: межролевые и внутриролевые. В первом случае конфликт вызывается тем, что индивиду одновременно приходится исполнять слишком много различных ролей и поэтому он не в состоянии делать это сколь-либо удовлетворительно вследствие отсутствия достаточного времени и физических возможностей или же несовместимости ролевых требований. Во втором случае конфликт возникает как результат противоречивости и рассогласования требований со стороны различных социальных групп, предъявляемых к носителям одной роли [10; 26; 30; 31; 55; 59].

Другое принципиальное положение интеракционистской концепции – понимание взаимодействия как сферы формирования личности. В качестве механиз-

ма этого формирования выступает установление контроля со стороны личности над теми представлениями о ней, которые складываются у окружающих.

Это положение наиболее последовательно реализуется в концепции «социальной драматургии» Э. Гоффмана, называемой иногда теорией управления впечатлениями в социальном взаимодействии [25]. Согласно этой теории люди сами создают ситуации, чтобы выразить символические значения, с помощью которых они производят желаемое впечатление на других. При этом Э. Гоффман предпочитает говорить не о ролевых ожиданиях и требованиях, а о «ролевой партии». Он вводит понятие «фасад» (front) исполнения роли, под которым понимаются стандартные выразительные средства, намеренно или непроизвольно используемые индивидом во время исполнения роли. Элементами «фасада» являются окружение, внешность индивида и манера поведения. Партнеры по взаимодействию ожидают друг от друга согласованности между всеми тремя названными «фасадными элементами». Весьма существенным оказывается и место ролевого взаимодействия индивидов, которое подразделяется на «авансцену», где непосредственно происходит это взаимодействие (например, поведение руководителя при взаимодействии с подчиненными), и «кулисы», где совершается деятельность, имеющая отношение к исполнению роли, но недоступная для глаз «аудитории» (например, поведение того же руководителя вне поля зрения сотрудников). Э. Гоффман сосредотачивается на описании определенных приемов и условий успешного выполнения роли. При этом оценка успешности и «правильности» ролевого поведения, по мнению Э. Гоффмана, должна базироваться не на выполнении функциональных требований роли и даже не на сознательности её исполнения, а на создании у окружающих впечатления правильного исполнения роли индивидом.

В последнее время происходило активное заимствование многих идей символического интеракционизма при формировании новых предметных областей управленческих наук. Например, результаты исследований по символической коммуникации, интерпретации ситуаций и т.п. оказались востребованными при разработке проблематики организационной культуры, составив базис самостоятельного подхода к её пониманию [50; 51; 54], положения ролевых теорий выступили в качестве концептуальных ориентиров разнообразных моделей оптимизации и балансировки ролевого взаимодействия в управленческих командах [11; 12; 38; 58], а мидовские идеи об «управлении впечатлениями» и социальная драматургия Э. Гоффмана вошли в интеллектуальный фундамент имиджеологии и «внутриорганизационного пиара» как основа создания технологий продвижения или же, напротив, дискредитации тех или иных членов управленческих сообществ фирм, компаний и учреждений [35; 43].

В фокусе внимания исследований совместной управленческой активности руководителей, выполненных с позиций когнитивистского подхода, оказываются восприятие и субъективная интерпретация менеджерами процесса, резуль-

татов, структуры, содержания и условий осуществляемого или наблюдаемого ими взаимодействия. Наиболее детально исследовалась когнитивная детерминация интеракций руководителей в условиях конфликтов, переговорного процесса, проведения деловых совещаний, управленческих дискуссий, регуляции межгрупповых отношений в организации, преодоления сопротивления инновациям [15; 24; 31; 36; 43; 52; 56].

Разрабатываемые в рамках обсуждаемого подхода теории когнитивного соответствия делают акцент на связи взаимодействия со степенью совпадения–рассогласования представлений, мнений, оценок, верований и т.п., существующих у участников как по поводу предмета общения, так и в отношении друг друга. Взаимодействие групп менеджеров, стремящихся к достижению консенсуса и стабильному функционированию, нередко описывается при помощи теории коммуникативных актов Т. Ньюкома [48]. Исходный тезис этой теории состоит в следующем: когда два человека позитивно воспринимают друг друга и строят какое-то отношение к третьему (лицу или объекту), у них возникает тенденция развивать сходные ориентации относительно этого третьего. Предполагается, что развитие сходных ориентаций может быть увеличено за счет развития межличностной коммуникации и интеракции. Поэтому если в паре или группе возникает расхождение ориентаций по отношению к какому-либо объекту, логично предположить, что потребность в уменьшении этих расхождений приведет к увеличению частоты актов взаимодействия. Стремление к развитию сходных ориентаций Т. Ньюком назвал стремлением к «симметрии ориентаций» и определил их силу как силу уз между двумя людьми или силу их аттитюдов по отношению к третьему. Теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера [4] признается наиболее релевантной для ситуаций управленческого взаимодействия, предполагающих большие или меньшие социальные разногласия между участниками и их попытку в этой связи повлиять на мнения и убеждения другого человека, сохранив свои. Диссонанс рассматривается как неизбежное следствие ситуации, приводящей кого-либо из участников взаимодействия к вынужденному согласию, не сопровождающемуся переменой личных убеждений. В этом случае личные убеждения вступают в противоречие с когнитивными элементами, соответствующими внешнему поведению. С позиций этой теории проводились исследования корпоративной лояльности менеджеров [30; 43], «пострешенче-ского» поведения руководителей при их частичном или полном несогласии с групповыми вердиктами [36; 52], управления коммуникационными потоками в организации [15; 18; 43].

Роль в регуляции управленческого взаимодействия тех схем и способов, при помощи которых участники интерактивного процесса объясняют поведение партнеров и свое собственное, изучалась в исследованиях, опирающихся на многочисленные атрибутивные теории. Было показано, что деструкция управленческих интеракций в организации часто оказывается функцией фундамен-

тальной ошибки каузальной атрибуции, отражающей предрасположенность людей к предпочтению ситуационных способов объяснения причин собственных действий, подчеркивая их обусловленность разнообразными «объективными обстоятельствами», и диспозиционных интерпретаций поведения других людей, трактуя его как функцию их стабильных личностных черт [6; 46]. В этой связи обсуждаются такие когнитивные детерминанты взаимодействия, как использование управленцами «двойного стандарта» в оценке своих и чужих успехов и неудач [10; 30; 43; 59], тенденция к преувеличению собственного вклада (а также вклада своего структурного подразделения) в совместную работу и организационное функционирование вообще [6; 29; 30; 49], склонность менеджеров реагировать на приписанные партнерам мотивы, установки и черты как на приписанные им «на самом деле» [6; 29; 46; 59].

Характерные для организаций проблемы напряженности в отношениях между различными структурными подразделениями чаще всего исследуются в русле разрабатываемой Г. Тэджфелом и Дж. Тернером теории социальной идентичности, фокусирующейся на проблемах дискриминации в межгрупповом взаимодействии. Межгрупповая дискриминация рассматривается как обусловленная следующей цепочкой когнитивных процессов: социальная категоризация социальная идентификация социальное сравнение межгрупповая дифференциация межгрупповая дискриминация. Закономерным следствием категоризации выступает более положительное восприятие участников «своей» группы (ингрупповой фаворитизм) в сравнении с представителями «чужих» для индивида общностей (аутгрупповая враждебность). Соответственно различается и соотношение кооперации/конкуренции во взаимодействии с представителями названных групп: проявления кооперации будут более вероятными по отношению к ингрупповым партнерам, тогда как аутгрупповые интеракции, скорее всего, будут строиться на конкурентной основе [23; 28; 31; 49; 56]. В ряде работ прикладной направленности значимая роль в преодолении межгрупповой дискриминации в организации отводилась руководителям структурных подразделений, которые могут опосредованно влиять на социоперцептивные процессы персонала, организуя взаимодействие сотрудников в соответствии с принципами максимизации кооперации и минимизации соперничества [10; 31; 43; 61].

Следует отметить, что до начала 1980-х гг. количество эмпирических исследований взаимодействия руководителей на высших уровнях организационной иерархии продолжало оставаться весьма ограниченным. Этот факт был особенно заметен на фоне впечатляющего массива публикаций, посвященных изучению управленческого взаимодействия в системе отношений «руководитель первичного звена – сотрудник(и)» и лабораторному моделированию менеджерских интеракций и коммуникаций. Примечательно, что сложившееся положение дел констатировалось во многих обзорах и руководствах, но не рассматривалось как повод для серьезного беспокойства [30; 31; 49]. В итоге это привело к тому, что

в более современных обзорах данную проблематику чаще всего характеризуют как новую, выделяя в качестве «первых вех» истории её разработки проведенные менее двух с половиной десятилетий назад Дж. Коттером исследования деятельности высших руководителей [42] и изучение Д. Дональдсоном и Дж.В. Лоршем культуры топ-менеджмента крупных компаний и органов государственной власти [20].

Описанное положение дел было следствием множества обстоятельств, отличавшихся к тому же разной мерой «рефлексивной открытости» для профессионального психологического сообщества. Чаще всего назывались причины, связанные с низкой респондентской доступностью руководителей ведущих уровней внутриорганизационного управления. Отмечалась высокая занятость менеджеров высшего и среднего ранга, делающая проблематичным их вовлечение в сколь-либо серьезные (а значит, длительные) исследовательские процедуры [21; 22], сопротивление необходимости выступать в роли испытуемого [18; 30], восприятие самими высшими руководителями процесса управления скорее как искусства, нежели науки, в сочетании с искренним неверием в возможность адекватного понимания сути менеджерского труда людьми, которые не являются профессионалами-управленцами [20; 21; 42], и т.п. Немалую роль играли и особенности «общественного заказа» в адрес социальной организационной психологии, сформировавшегося в США в период 1950–1970-х гг. Содержанием контрактов между «заказчиками» и психологами в тот период чаще всего выступало «точечное» решение отдельных проблем, сосредоточенных на нижних этажах «организационной пирамиды» [23; 43]. Не менее существенными (а возможно, и определяющими) были и причины методологического порядка, связанные, в частности, с представлением об универсальности закономерностей и механизмов психологической регуляции социального поведения и взаимодействия людей и групп на различных уровнях функционирования социальных систем. Поэтому обращение к изучению сложных объектов, подобных управленческому взаимодействию топ- и мидл-менеджеров, воспринималось как излишнее вследствие уверенности исследователей в том, что и эти категории социально-психологических процессов подчиняются действию тех же самых «классических» закономерностей, которые в гораздо большей степени доступны изучению на материале достаточно простых и хорошо контролируемых локусов организационной и/или лабораторной реальности [20; 28; 31; 42]. Кроме того, обращение к организационным процессам более высокого уровня сложности не позволяло получить столь же четкую итоговую «картинку» из-за проблематичности применения номотетических методов эмпирического исследования [18; 42].

В то же время следует выделить ряд работ, ставших своеобразным исключением из общего правила: в них процессы интеракции и коммуникации в реальных управленческих группах и сообществах целенаправленно выбирались авторами в качестве объекта исследования. При этом интеракции руководителей,

совместно осуществляющих те или иные управленческие функции, рассматривались как модель для изучения социально-психологических феноменов, закономерностей и механизмов, которые вряд ли могут быть представлены достаточно явно и «выпукло» в каких-то иных группах и условиях.

Многие из этих работ хорошо известны и признаны классикой социальной психологии. Достаточно назвать исследования феномена Groupthink (группы мышления), значимыми условиями возникновения которого, по словам самого И. Джаниса, выступают высокий социальный статус участников группы (который, с одной стороны, служит основанием для формирования «чувства избранности», а с другой – затрудняет получение адекватной информации о процессах и событиях, по поводу которых происходит принятие решений) и длительный опыт успешной совместной работы (повышающий вероятность возникновения «иллюзии неуязвимости») [37]. Поэтому не случайно «испытуемыми» в исследованиях Groupthink оказались высшие правительственные чиновники США (включая президента, госсекретаря и ключевых министров).

К этой категории исследований относятся «вертикальная диадическая модель обмена в организационном лидерстве», разрабатываемая Д. Греном и его коллегами [27; 32; 44], изучение воздействия маргинальности положения личности в должностной иерархии на её организационное поведение, самосознание и субъективное благополучие [26], а также межличностного влияния, опосредованного соотношением властных статусов партнеров [62] и ряд других.

В западноевропейской организационной психологии (испытывающей сильное влияние со стороны «критических тенденций» в социально-психологической науке) подавляющее большинство исследований управленческих интеракций выполняется в рамках реализации проектов и программ организационного развития. Наиболее показательным образцом использования в действии «новой парадигмы» до сих пор остаются исследования, выполненные под руководством Э. Торсруда в Норвегии [57]. Цель этого проекта состояла в том, чтобы «разработать новые формы организации труда и выяснить, стимулируют ли они активное включение работников в деятельность предприятия» [57, р. 251]. Основанием большинства конкретных внутриорганизационных изменений служила так называемая концепция самоуправляемого индивида в организации [23, р. 71–77].

Топ- и мидл-менеджмент организаций рассматривался в качестве особой социальной группы, обладающей собственными ценностями, интересами, мнениями, ожиданиями. Детально исследовались проблемы взаимодействия руководителей с другими участниками внутриорганизационных изменений – профсоюзными комитетами, специалистами, рабочими, внешними консультантами. Акцент делался на выявлении факторов и механизмов повышения (или, напротив, ослабления) готовности руководящей элиты к переориентации на методы небюрократического менеджмента, предполагающие создание в организациях зон, относительно свободных от воздействия централизованного управления,

а также широкое распространение на предприятиях партисипативных отношений.

«Норвежские эксперименты» выступили в качестве своеобразного методологического прототипа, четко зафиксировав «точки расхождения» между западноевропейскими и американскими традициями социально-психологического изучения процесса организационной жизнедеятельности.

В отличие от методологического индивидуализма американской социальной организационной психологии (подмеченного ещё К. Левиным, писавшим об индивидуиде как «генотипе всей американской социальной психологии»), в работах западноевропейских психологов было четко реализовано стремление изучать феноменологию, закономерности и механизмы функционирования и развития организации как целостной социальной системы, сформулирована установка на разработку методов релевантных «организации в целом», позволяющих фиксировать «эффекты синергии» в жизни компаний, предприятий и учреждений. Показательно, что в общем массиве западноевропейских работ по социальной психологии менеджмента тема взаимодействия руководителей, осуществляющих совместное управление организацией (как пример такого синергетического эффекта), имеет гораздо больший удельный вес, нежели в американских исследованиях [22; 23].

К другими отличительным чертам европейской организационно-психологической парадигмы следует отнести: дальнейшее снижение ригоризма (жесткости) и все большую феноменологизацию методов прикладного исследования, обращение к «понимающей» социологии и психологии с их акцентом на том, как сами люди «определяют свою ситуацию»; ориентацию на рассмотрение психологических явлений в единстве с экономическими и организационными процессами (в американской социальной психологии последние преимущественно рассматриваются лишь как стимулы и средства в отношении «чисто психологических» проблем); внимание к аксиологическим аспектам изучаемых и решаемых проблем, признание приоритета их содержательных, а не формально-структурных аспектов, ориентацию на активную и партисипативно-понимающую личностно-профессиональную позицию социального психолога [23; 32; 33; 57].

Таким образом, можно констатировать, что итогом изучения управленческого взаимодействия руководителей в зарубежной психологии стало накопление богатейшего феноменологического материала, раскрытие ряда закономерностей и механизмов управленческих интеракций благодаря использованию эвристического потенциала ведущих теоретических подходов к пониманию психологической сущности общения, взаимодействия и социального поведения, включение взаимодействия менеджеров высшего и среднего ранга в целостную картину организационного функционирования и развития. Это в свою очередь делает актуальной задачу интеграции и систематизации данных представлений, пере-

хода от многообразия разрозненных и зачастую трудно совместимых «теорий среднего ранга» к более высокому уровню концептуального обобщения.

Библиографический список

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы / пер. с англ. М.: Прогресс, 1988.
2. Журавлев А.Л. Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2004.
3. Кабаченко Т.С. Психология управления. М.: Пед. об-во России, 2003.
4. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / пер. с англ. СПб.: Ювента, 1999.
5. Adorno Th.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D., Sanford R. Authoritarian Personality. N.Y.: Harper Books, 1950.
6. Attribution: perceiving the causes of behavior / ed. by E.E. Jones et al. N.Y.: Wiley, 1972.
7. Bales R.F. Personality and interpersonal behavior. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1970.
8. Bales R.F. SYMLOG: A Practical Approach to the Study of Groups // Small Groups and Social Interaction / ed. by H.H. Blumberg et al. N.Y.: Wiley, 1983. Vol. 2.
9. Barley S.R. On Technology, Time, and Social Order // Dubinskas F.A. Making Time. Philadelphia: Temple University Press, 1988.
10. Bass B.M., Barrett G.V. People, Work and Organizations. An Introduction to Industrial and Organizational Psychology. 2 nd. ed. Boston: Allyn & Bacon, 1981.
11. Belbin M.R. Management Teams: Why They Succeed or Fail. Cambridge, Massachusetts.: Univ. press, 1981.
12. Belbin M.R. Team Roles At Work. L.: Butterworth-Heinemann Ltd., 1996.
13. Bennis W.G., Shepard H.A. A theory of group development // Human Relations. 1956. Vol. 9.
14. Berne E. The structure and dynamics of organizations and groups. N.Y.: Grove Press, 1966.
15. Binning J.F., Zaba A.J., Whattam J.C. Explaining the biasing effects of performance cues in terms of cognitive categorization // Academy of Management Journal. 1986. Vol. 29.
16. Bion W.R. Experiences in Groups. L.: Tavistock Publications. 1961.
17. Bosetzky H. Managementrolle: Mikropolitiker // Staehle W.H. (Hrsg.). Handbuch Management. Die 24 Rollen der exzellenten Führungskraft. Wiesbaden: Gabler, 1991.
18. Clark P.A. Action Research and Organizational Change. N.Y.: Harper & Row, 1992.
19. Dollard J., Miller N.E. Personality and psychotherapy. N.Y.: McGraw-Hill, 1950.
20. Donaldson G., Lorsch J.W. Decision Making at the Top. N.Y.: Basic Books, 1983.
21. Drucker P. Management: Tasks, Responsibilities, Practices. N.Y.: Harper & Row, 1973.
22. Economic Psychology and Experimental Economics. IAREP/GEW Joint Conference. Frankfurt-am-Main: International Monetary Fund, 1992.
23. European contribution to organization theory / ed. by G. Hofstede & M.S. Kassem. Amsterdam: Van Gorcum, 1976.

24. Futures of Organizations: Innovating to Adapt Strategy and Human Resources to Rapid Technological Change / ed. by J. Hage. Toronto: Lexington Books, 1988.
25. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. N.Y.: Doubleday, 1959.
26. Graen G.B., Cashman J.E. A role making model of leadership in formal organizations: A development approach // J.G. Hunt and L.L. Larson (Eds.). Leadership frontier. Kent, OH: Kent State University Press, 1975.
27. Graen G.B., Uhl-Bien M. Relationship-based approach to leadership: Development of leader-member exchange (LMX) theory of leadership over 25 years: Applying a multi-level multi-domain perspective // Leadership Quarterly. 1995. №6.
28. Grayson G.J., O'Dell C. American Business: A Two Minute Warning. N.Y.: Free Press, 1988.
29. Green S.G., Mitchell T.R. Attribution Processes of Leaders in Leader-Member Interactions // Organizational Behavior and Human Performance. 1979. Vol. 23.
30. Handbook of Organizational Behavior / ed. by J. Lorsch. N.Y.: Prentice-Hall, 1987.
31. Handbook of Social Psychology / ed. by G. Lindzey, E. Aronson. 3rd ed. N.Y.: Addison-Wesley, 1985. Vol. 1–2.
32. Harre R. Social being. A theory for social psychology. Oxford: Blackwell, 1979.
33. Hofstede G.H. Cultures and Organizations: Software of the Mind. N.Y.: McGraw Hill, 1997.
34. Homans G. Social behavior as exchange // Interpersonal Dynamics / ed. by W.G. Bennis, E.H. Schein et al. Illinois: Univ. press, 1964.
35. Imagery / ed. by N. Block. Cambridge, Mass.: Univ. press, 1981.
36. Jablin E.M. Superiors upward influence, satisfaction, and openness in superior-subordinate communication: A re-examination of the «Peltz Effect» // Human Communication Research. 1980. Vol. 6.
37. Janis I. Groupthink // Small Group and Social Interaction. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1983. Vol. 2.
38. Katzenbach J. The Wisdom of Teams: Creating The High Performance Organization: European Version. N.Y.; L.: McGraw-Hill Professional, 2005.
39. Kelley H., Thibaut G.W. Interpersonal relations. A theory of interdependence. N.Y.: Wiley, 1978.
40. Kets de Vries M.F.R. The leadership mystique // Academy of Management Executive. 1994. Vol. 8.
41. Kets de Vries M.F.R., Miller D. The Neurotic Organization. Diagnosing and Revitalizing Unhealthy Companies. N.Y.: Harper Business, 1984.
42. Kotter J.P. The Leadership Factor. N.Y.: Free Press, 1988.
43. Leavitt H. J., Bahrami H. Managerial Psychology: Managing Behavior in Organizations. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1988.
44. Liden R.C., Graen G.B. Generalizability of the vertical dyad linkage model of leadership // Academy of Management Journal. 1980. Vol. 23.
45. Mintzberg H. Mintzberg über Management: Führung und Organisation, Mythos und Realität. Wiesbaden: Gabler, 1991.

46. Mitchell T.R., Green S.G., Wood R.E. Attribution Model of Leadership and the Poor Performing Subordinate: Development and Validation // Sraw B.M., Cummings L.L. (Eds.). Research in Organizational Behavior. Greenwich, Conn.: JAI Press, 1981.
47. Neuberger O. Mikropolitik // Rosenstiel L.v., Regnet E., Domsch M. (Hrsg.). Führung von Mitarbeitern. Stuttgart: Schäffer-Poeschel, 1991.
48. Newcomb T.M. Social psychological theory: integrating individual and social approaches // Hollander E.P., Hunt A.G. (eds.) Classic Contributions to Social Psychology. N.Y.: Free Press, 1972.
49. Organizational Psychology / ed. by D.A. Kolb et al. Englewood Cliffs. New Jersey.: Prentice-Hall, 1984.
50. Organizational Symbolism / Ed. by L.R. Pondy, P.J. Frost, C. Morgan, T. Dandridge. Greenwich, Conn.: JAI Press, 1983.
51. Pettigrew A.M. On Studying Organizational Cultures // Administrative Science Quarterly. 1979. Vol. 24.
52. Phillips J.S., Lord R.G. Schematic information processing and perceptions of leadership in problem-solving groups // Journal of Applied Psychology. 1982. Vol. 67.
53. Schutz W.K. The Ego, FIRO theory and the leader as completer // Samovar L. et al. (eds.). Leadership and interpersonal behavior. N.Y.: Holt, 1961.
54. Symbols and Artifacts: Views of the Corporate Landscape / ed. by P. Gagliardi. N.Y.: de Greuter, 1990.
55. Symbolic interaction / ed. by J.G. Manis, B.N. Meltzer. 2nd ed. Boston: Allyn and Bacon, Inc., 1972.
56. Tajfel H. Human groups and social categories: Studies in social psychology. Cambridge: Univ. Press, 1981.
57. Thorsrad E. Democratization of work as a process of change towards non-bureaucratic types of organization // G. Hofstede, M.S. Kassem (eds.). European contribution to organization theory. Amsterdam: Van Gorcum, 1976.
58. Vopel K.W. Teamfähif werden: Spiele und improvisationen. Salzhausen: Iskopress, 2000.
59. Weick K. The Social Psychology Of Organizing. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979.
60. Wood R., Bandura A. Social Cognitive Theory of Organizational Management // Academy of Management Review. 1989. July.
61. Yykl G.A. Leadership in organizations. 3rd ed. Englewood Cliffs. New Jersey.: Prentice-Hall, 1994.
62. Yykl G., Tracey J.B. Consequences of influence tactics used with subordinates, peers, and the boss // Journal of Applied Psychology. 1992. Vol. 77.

ТЕОРИЯ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ Д.Б. ЭЛЬКОНИНА КАК ОСНОВАНИЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЭФФЕКТОВ РАННЕЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ В СПОРТЕ

.....

Г.Б. Горская¹

Среди многочисленных видов человеческой деятельности есть такие, в которых достижение высоких результатов возможно лишь при условии ранней профессионализации. Это балетное искусство, инструментальное и вокальное музыкальное исполнительство, спорт. О понимании значимости проблемы ранней профессионализации для развития интеллектуального и творческого потенциала общества свидетельствует появление посвященного ей раздела в Концепции развития образования в сфере культуры и искусства на 2008–2015 гг., утвержденной Правительством Российской Федерации в 2008 г. [6].

Ранняя профессионализация – это многообразное явление. Под ним понимается и включение личности в профессиональное развитие в детском возрасте, и профилирование обучения учащихся средних школ для облегчения их профессионального самоопределения, и приближение содержания обучения студентов вузов к требованиям конкретного направления будущей профессиональной деятельности для ускорения профессиональной адаптации молодых специалистов. Ранняя профессионализация выражается в смещении нормативных этапов профессионального развития на более ранние по сравнению с большинством профессий этапы онтогенеза.

Включение детей в раннюю профессионализацию чаще рассматривается как фактор развития способностей. В меньшей степени принимаются во внимание ее эффекты, проявляющиеся в особенностях социализации детей, их интеллек-

---

¹ Горская Галина Борисовна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. Эл. адрес: gorskayagalina@mail.ru

Исследование выполнено в рамках научного проекта № 08-06-99014, поддержанного грантом РФФИ.

туального и личностного развития. Литературные данные свидетельствуют о том, что влияние ранней профессионализации на психическое развитие не является однозначным. Отмечаются как позитивные, так и негативные ее последствия [13; 15; 18].

Для исследований ранней профессионализации характерно то, что в них констатируется факт смещения нормативных фаз профессионального развития на более ранние возрастные периоды, а также неизбежность влияния этого смещения на психическое развитие детей, вовлеченных в нее [4; 12]. Констатируется и противоречивость влияния ранней профессионализации на психическое развитие. Но остается открытым вопрос о том, являются ли наблюдаемые эффекты закономерными и предсказуемыми.

В данной статье рассматриваются теоретические основания прогнозирования психологических эффектов ранней профессионализации детей-спортсменов.

Полученные в ранее проведенных исследованиях данные говорят о том, что негативные последствия ранней профессионализации чаще касаются личностной сферы детей и реже проявляются в интеллектуальном развитии. Это побудило обратиться к теории психического развития Д.Б. Эльконина, которая рассматривает соотношение интеллектуального и личностного развития на протяжении детства [14]. Суть концепции развития психики Д.Б. Эльконина в авторском изложении состоит в том, что «в детском развитии имеют место, с одной стороны, периоды, в которые происходит преимущественное освоение задач, мотивов и норм отношений между людьми и на этой основе – развитие мотивационно-потребностной сферы, с другой стороны, периоды, в которые происходит преимущественное освоение способов действий с предметами и на этой основе – формирование интеллектуально-познавательных сил детей, их операционно-технических возможностей» [14, с. 75]. Следовательно, можно ожидать, что если включение ребенка в тот или иной вид деятельности способствует реализации магистрального для определенного возрастного периода направления психического развития, то его влияние будет позитивным. Включение же в вид деятельности, осложняющий нормальное развертывание процессов, связанных с магистральным направлением психического развития, повлечет негативные эффекты.

Соотнесение данных о магистральном направлении психического развития на том или ином этапе онтогенеза с данными об эффектах ранней профессионализации позволяет объяснить причины как позитивных, так и негативных ее последствий.

Одна из наиболее распространенных форм ранней профессионализации детей – включение их в профессиональные по своей сути занятия спортом. Профессиональная карьера спортсменов начинается в младшем школьном возрасте, захватывает подростковый, старший школьный возраст и завершается в

большинстве случаев в период ранней взрослости. Мы проанализировали имеющиеся факты о последствиях ранней профессионализации в младшем школьном и подростковом возрастах.

Согласно концепции Д.Б. Эльконина, младший школьный возраст – это период, когда фокус развития находится в области освоения предметной действительности, требующего продвижения в интеллектуальном развитии. Освоение двигательной деятельности требует от юных спортсменов способности к анализу образца двигательного действия, осмысления способов его выполнения, планирования выполнения действия, сопоставления результатов собственного действия с образцом. Следовательно, можно ожидать, что занятия спортом будут способствовать становлению таких психических новообразований младшего школьного возраста, как рефлексия, внутренний план действия, поисковое планирование, постигающий анализ.

Эмпирические данные подтверждают позитивное влияние занятий спортом на становление перечисленных психических новообразований. Согласно данным исследований [11], юные спортсмены младшего школьного возраста опережают своих ровесников, не занимающихся спортом и обучающихся по традиционным программам, по сформированности постигающего анализа, поискового планирования, внутреннего плана действия, содержательной рефлексии. Частота сформированности этих интеллектуальных новообразований намного выше, чем в массовой школе, и близка к той, которая зарегистрирована у детей, обучающихся в начальной школе по методике Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова [10].

Таким образом, специфика спортивной деятельности благоприятствует становлению интеллектуальных новообразований младшего школьного возраста. Этим объясняется ее позитивное влияние на интеллектуальное развитие детей.

Не так однозначно влияние занятий спортом на эмоциональную сферу детей младшего школьного возраста. Ряд психологов высказывают мнение, что детям тяжелы эмоциональные стрессы, связанные с участием в соревнованиях. Эмоциональные перегрузки, перенесенные в этом возрасте, являются фактором преждевременного прекращения спортивной карьеры [17].

В подростковом возрасте фокус развития смещается в сферу освоения социальных отношений, требующего продвижения в личностном развитии, приобретения социального опыта [14]. В подростковом возрасте начинается активное становление самосознания, формирование Я-концепции [16]. Эти процессы протекают нормативным образом в том случае, когда у подростков есть возможность приобретения разнопланового социального опыта. Занятия спортом, которые юные спортсмены сочетают с обучением в общеобразовательной школе, оставляют мало времени на необходимое в этом возрасте неформальное общение со сверстниками. Общение с товарищами по тренировочной группе по мере роста мастерства и включения в соревновательную деятельность неизбежно окраши-

ваются отношением конкуренции. Все эти особенности жизни юных спортсменов подросткового возраста скорее осложняют нормативное развитие самосознания, чем способствуют ему. В то же время имеет место постоянная обратная связь: результаты деятельности и выявление собственных возможностей в ходе соревнований могут стать фактором, побуждающим к формированию реалистичной самооценки. Таким образом, исходя из теоретических представлений о магистральных направлениях психического развития в подростковом возрасте и специфике спортивной деятельности, можно ожидать, что ранняя профессионализация спортсменов-подростков проявится в определенных дисгармониях становления их самосознания, хотя возможны и некоторые позитивные ее влияния.

Правомерность предположений о влиянии серьезных занятий спортом на становление личности, и прежде всего самосознания спортсменов-подростков, может быть подтверждена или опровергнута эмпирическими данными о соотношении характеризующих его параметров у подростков, занимающихся спортом, и у подростков, не вовлеченных в какие-либо формы ранней профессионализации. Рассмотрим имеющиеся на этот счет данные исследований как проведенных под руководством автора, так и имеющихся в литературе.

Сравнение показателей мотивации достижений детей 9–11 и 12–13 лет, занимающихся и не занимающихся спортом, показало, что в младшей возрастной группе между юными спортсменами и их ровесниками, не занимающимися спортом, достоверные различия по параметрам мотивации достижения практически отсутствуют. В группе детей 12–13 лет картина иная. Если по стремлению к успеху дети, занимающиеся и не занимающиеся спортом, достоверно не различаются, то юные спортсмены меньше детей, не занимающихся спортом, опасаются неудач, причем эта тенденция более отчетливо проявляется в группе девочек. Показатели боязни неудач, связанной либо с угрозой санкций, либо с ущербом самооценке, у девочек-спортсменок достоверно ниже, чем у девочек, не занимающихся спортом, по пяти параметрам из шести измеряемых. У мальчиков лишь по одному из шести параметров отмечено достоверное различие между спортсменами и не занимающимися спортом [3].

Сопоставление самооценки и уровня притязаний подростков, занимающихся и не занимающихся спортом, показало, что различия между ними отмечаются в группе детей 12–13 лет. При очень высоких показателях уровня притязаний у всех подростков между юными спортсменами и подростками, не занимающимися спортом, есть различия по самооценке. Причем у мальчиков-спортсменов самооценка достоверно выше, чем у их ровесников, не занимающихся спортом, а у девочек-спортсменок показатели самооценки достоверно ниже, чем у девочек, не занимающихся спортом.

Параметром, характеризующим благополучие личностного статуса, является величина расхождения самооценки и уровня притязаний. Этот показатель до-

стоверно выше у спортсменов обоего пола по сравнению с подростками, не занимающихся спортом. Увеличение расхождения самооценки и уровня притязаний сопровождается ростом тревожности [3]. Это говорит о справедливости точки зрения, что у детей, занимающихся спортом, часто переживающих успехи и неудачи во время соревнований, выше риск психических перегрузок [17]. Однако сопоставление параметров школьной тревожности свидетельствует о том, что они у юных спортсменов обоего пола достоверно ниже, чем у их сверстников, не занимающихся спортом [3].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что включение в занятия спортом дает подросткам важный опыт успехов и неудач, связанных с их усилиями и умениями, что, согласно результатам исследований, повышает готовность к неудачам. Тем самым спортивная деятельность выступает как фактор, способствующий становлению самооценки – одного из важных новообразований подросткового возраста. Вместе с тем спортивная деятельность, ориентированная на достижение максимальных результатов, связанная с демонстрацией достижений в условиях соревнований, может провоцировать рост психической напряженности, в частности, за счет роста расхождения притязаний и самооценки. Риск такого расхождения усиливается получающим все большее распространение давлением взрослых на юных спортсменов.

Анализ особенностей становления Я-концепции младших и старших подростков, занимающихся спортом, обнаружил тенденцию к ее сужению. Оно проявляется в меньшем количестве признаков, воспроизводимых при самоописании спортсменами по сравнению с ровесниками, не занимающимися спортом [5; 8]. Сужение Я-концепции спортсменов можно объяснить ограниченной возможностью включения в различные ситуации взаимодействия с социальным окружением, позволяющие осознать разные стороны собственной личности. Занятость тренировками и соревнованиями, учебой в общеобразовательной школе неизбежно ограничивает возможности приобретения многопланового опыта, без которого сложно представить себе становление полноценной Я-концепции. Активное включение в занятия спортом может сказаться и на модальности Я-концепции. Исследования показывают, что самоотношение спортсменов формируется не только под влиянием спортивных достижений, но и в зависимости от академической успешности, которая, как правило, снижается по мере роста квалификации юных спортсменов и увеличения затрат времени на тренировки и соревнования [18]. Следовательно, возрастает риск усиления негативного самоотношения.

Важной составляющей развития самосознания в подростковом возрасте является полоролевая социализация. Поэтому включение в занятия спортом может сказаться на становлении гендерной идентичности как мальчиков, так и девочек. Несмотря на то что в современных условиях занятия спортом в равной степени доступны для мальчиков и девочек, они в разной степени поощряются

родителями и другими значимыми взрослыми в силу того, что сохраняется стереотип отношения к спорту как более подходящему для мальчиков [2]. С этим связано отмечаемое многими исследователями более критичное отношение к своим спортивным возможностям у девочек по сравнению с мальчиками [2; 3].

Включение девочек в занятия «мужскими» видами спорта вызывает, с одной стороны, снижение социальной адаптации, с другой стороны, своего рода защитные реакции, связанные с утверждением собственного соответствия гендерным стереотипам. Примером такой защитной реакции является преувеличение, например, девушками-футболистками приемлемости футбола для женщин при более жестком отрицании по сравнению с представительницами «женских» видов спорта приемлемости для женщин тяжелой атлетики, бокса, борьбы [2]. Девушки-спортсменки, особенно, занимающиеся «мужскими» видами спорта, имеют более высокие показатели маскулинности, чем девушки, не занимающиеся спортом. Следовательно, спорт до некоторой степени затрудняет становление психологического пола девушек. Но это не означает, что спортсмены-юноши не испытывают давление полоролевых стереотипов.

Спорт в силу своей специфики укрепляет маскулинность мальчиков. Это способствует социальной адаптации, особенно в подростковом возрасте. Однако позитивное в этом плане влияние спорта зависит от степени соответствия избранной спортивной дисциплины гендерным стереотипам. Более маскулинными и социально адаптированными оказываются футболисты по сравнению, например, с мальчиками, которые занимаются спортивными танцами [5]. Вместе с тем необходимость доказывать свою успешность в соревнованиях может быть источником психологического давления на мальчиков, поскольку успешность является значимым компонентом стереотипа мужественности. Это подтверждается более высокими показателями боязни неудач юных спортсменов по сравнению со спортсменками [2].

Ещё одно направление развития личности в подростковом возрасте – становление готовности к профессиональному самоопределению. Занятия спортом снижают интерес спортсменов к выбору будущей профессии [1]. Поглощенность тренировками и соревнованиями заставляет часть спортсменов отодвигать планирование профессионального будущего на неопределенное время. Этому способствует во многих случаях и позиция тренеров, считающих, что мысли о получении профессии, попытки совмещать получение профессионального образования со спортивной карьерой только мешают спортсменам достигать высоких результатов в спорте. Пренебрежение проблемой профессионального самоопределения способствует возникновению кризиса завершения спортивной карьеры у спортсменов высокого класса [12].

Подростковый период – это время приобретения детьми опыта социальных отношений, существенный вклад в который вносит неформальное общение со

сверстниками [14]. Это период, когда дети стремятся, с одной стороны, к автономии от взрослых, а с другой стороны, к доверительным отношениям с ними.

Исследование особенностей взаимоотношений спортсменов подросткового возраста с ближайшим социальным окружением показало, что по сравнению с ровесниками, не занимающимися спортом, они значительно меньше проявляют стремление к автономии. Об этом говорит факт, что у подростков, не занимающихся спортом, наряду со значимым семейным окружением появляются не менее значимые сверстники, что характерно для данного возраста. У спортсменов-подростков, особенно мальчиков, явный приоритет имеет семейное окружение. К наиболее значимым лицам относятся родители. В то же время почти не наблюдается нормативного для данного возраста усиления значимости сверстников [9]. Зафиксированная картина объясняется присущей спорту конкуренцией, усиливающей потребность юных спортсменов в безоговорочном принятии и психологической поддержке, источником которой становится семья. Данную интерпретацию представленных фактов подтверждает отмеченное у спортсменов предпочтение таких типов отношений с социальным окружением, как помощь и защита по сравнению с отношениями понимания и доверия. Другим подтверждением значимости для спортсменов-подростков психологической поддержки семьи являются положительные корреляционные связи показателей социально-психологической адаптации с показателями значимости родителей, а также с показателями значимости отношений помощи и защиты [9].

Особенность взаимоотношений подростков со сверстниками заключается в освоении норм и правил, которые регулируют отношения между людьми, интерес к которым проявляется в появлении в подростковых группах неписаных правил, названных Д.Б. Элькониным и его сотрудниками «кодексом подростков». В числе этих правил важное место занимает верность дружбе. Конкуренция, свойственная спорту, подвергает испытанию дружеские отношения, вовлекая подростков в ситуации соперничества с друзьями [6]. Столкновения со случаями нарушения правил честной спортивной борьбы не только сказываются на моральном развитии юных спортсменов, но и вызывают недоверие к окружающим как раз в тот период жизни, когда у молодых людей возникает потребность в близких доверительных отношениях [13].

Соотнесение представленных эмпирических фактов, отражающих особенности личностного развития спортсменов-подростков по сравнению с их сверстниками, не занимающимися спортом, с характеристикой ведущих направлений психического развития в подростковом возрасте подтверждает предположение о том, что эффекты ранней профессионализации обусловлены тем, способствует или препятствует спортивная деятельность становлению психических новообразований данного возраста.

Таким образом, проведенный анализ подтверждает возможность прогнозирования психологических последствий ранней профессионализации на основе

оценки влияния деятельности, в которую вовлекаются дети, на нормативное течение психического развития в определенный его период.

Библиографический список

1. Багина В.А. Психолого-педагогические условия активации юных спортсменов в профессиональном самоопределении: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2002.
2. Бондаренко Н.А. Влияние полоролевых стереотипов на мотивацию и самоотношение спортсменов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006.
3. Вълканова Я.Х. Влияние занятий спортом на развитие личностных предпосылок устойчивости к стрессу в подростковом возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2005.
4. Горская Г.Б. Психологическое обеспечение многолетней подготовки спортсменов. Краснодар: КГУФКСТ, 2008.
5. Зернова Т.И. Влияние различных форм ранней профессионализации на личностное развитие подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2004.
6. Коломейцев Ю.А. Взаимоотношения в спортивной команде. М.: Физкультура и спорт, 1984.
7. Концепция развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008–2015 гг. URL: http://www.concept_dev_clt_art_rf.
8. Ольшанская С.А. Развитие психологических предпосылок субъектности у спортсменов старшего школьного возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2004.
9. Пархоменко Е.А. Особенности личностного и интеллектуального развития спортсменов в условиях ранней профессионализации: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2002.
10. Психическое развитие младших школьников: экспериментальное психологическое исследование / под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1990.
11. Соленова А.М., Эфендиев С.А. Сравнительный анализ уровня сформированности мышления у детей 7–10 лет, занимающихся и не занимающихся спортом // Физическая культура, спорт – наука, практика. 2008. № 1.
12. Стамбулова Н.Б. Психология спортивной карьеры. СПб: Центр карьеры, 1999.
13. Хайрутдинова Н.У. Социально-психологические проблемы спортивного совершенствования учащихся ДЮСШ: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2002.
14. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.
15. Brettschneider W.-D. Adolescent involvement in top level sport: developmental tunnel or benefit for life. //2004 Pre-Olympic Congress. Proceedings. Thessaloniki, 2004. Vol. 1.
16. Erikson E.H. The life cycle completed. N. Y.: W.W. Norton &Co, 1982.
17. Lidor R. Children in sport: when to begin competitions? // 2004 Pre-Olympic Congress. Proceedings. Thessaloniki, 2004. Vol 1.
18. Wylleman P.R.F. The career development of elite athletes: a life-span perspective // 2004 Pre-Olympic Congress. Proceedings. Thessaloniki, 2004. Vol 1.

ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ

.....

Т.П. Скрипкина¹

Из психологии известно, что первая социальная базовая установка личности, возникающая на ранних этапах онтогенеза, – это доверие к миру. Э. Эриксон считал данную установку краеугольным камнем жизнедеятельности и придавал ей огромное значение. Он писал, что первым и наиболее важным и информативным критерием того, что эта установка сформировалась, является отсутствие беспокойства ребенка при исчезновении матери из поля зрения [6]. На наш взгляд, это означает, что параллельно с установкой на доверие к миру формируется другая базовая установка, связанная с доверием к себе. Таким образом, формирование установки на доверие к миру происходит вместе с формированием установки на доверие к себе.

Указанные положения позволили выдвинуть предположение о том, что формирование названных базовых установок связано с переходом психики ребенка к социальному состоянию или к социальности.

Данное предположение совпадает с идеями Л.С. Выготского, в концепции которого обосновывалась идея единства, внутренней связи, уникального тождества, совпадения, встречи социального и психического в человеке. Имеется в виду идея Л.С. Выготского о социализации как преобразовании интерпсихического в интрапсихическое в ходе совместной деятельности и общения.

Поскольку понятие «социализация» междисциплинарно, это дает основание для выделения трех различных направлений в его интерпретации: 1) направление, в рамках которого социализация рассматривается в контексте субъект-объектной парадигмы (А. Бандура, Т. Парсонс, О. Брим, Р. Кенинг, В. Куртц, Р. Дарендорф, Ф. Тернбурк, К.Л. Энгтон и др.); 2) направление, наделяющее человека активностью в процессе социализации, т. е. рассматривающее этот процесс в

---

¹ Скрипкина Татьяна Петровна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии развития Южного федерального университета (Ростов-на-Дону). Эл. почта: skripkina@rsu.ru

субъект-объект-субъектной парадигме (К. Роджерс, М.В. Демин, Н.П. Дубинин, А.Ф. Полис, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов и др.); 3) направление, рассматривающее формирование личности вне субъект-объектных отношений (Р. Харре, А.Г. Асмолов, В.А. Татенко, В.Е. Клочко).

Третье направление рассматривает процесс принципиально по-новому – как смену уровней субъектности, каждый из которых наполнен своим качественно отличным от других содержанием. Это движение по спирали с переходом всегда на качественно новый уровень в рамках трех координат: «объективная реальность» (мир до человека, без человека) как предметный мир, категоризированный значениями; реальность, наполненная смыслами, переживаемая человеком в ее данности ему (здесь и теперь); мир человека, превращающийся в действительность – расширяющееся, устойчивое (благодаря ценностным координатам) пространство для жизни и развития (как способа сохранения жизни и ее осуществления). Поэтому человек как субъект решает три задачи: познание и преобразование внешнего мира; познание и развитие своего внутреннего мира; познание и развитие себя как субъекта собственной психической жизни и своего бытия вообще. Самосубъектное развитие человека полагается здесь в качестве начального и конечного пункта на каждом из витков спирали его жизнеосуществления. При этом важно учесть, что такое развитие возможно лишь на основе внутренней деятельности, а именно: изнутри мотивированной активности, предполагающей использование исключительно своих внутренних средств. Таким образом, методологическим основанием здесь является субъектный подход к психологическому пониманию человека.

С точки зрения целостного подхода личность становится субъектом только тогда, когда она выступает центром самоорганизации и саморегуляции, который позволяет ей соотноситься с действительностью целостным, а не парциальным способом.

Важнейшим является вопрос о содержательной стороне субъектности и процессе развития личности как смены уровней субъектности. Под субъектностью личности понимается природная склонность человека к самоосуществлению. Придерживаясь неклассического историко-эволюционного подхода в психологии, А.Г. Асмолов говорит о многомерности как исходной, сущностной характеристике понимания личности [1]. С этой точки зрения процесс социализации можно выразить через смену уровней субъектности, каждому из которых соответствует определенное измерение в последовательном становлении «многомерного мира», что и составляет сущность онтогенеза. Становление «многомерного мира человека» имеет структурную иерархию и субординацию, низшие уровни сменяются высшими, входя в них в качестве базальных и обеспечивая преемственность всего движения. За сменой деятельностей скрывается практически неизученный процесс возвышения мерностей мира человека, качественно преобразующий сознание человека, делающий невозможным дальнейшее осу-

ществование сложившегося образа жизни, перестающего соответствовать новому образу мира, что и заставляет перестраивать саму жизнь.

Согласно теории психологических систем В. Е. Клочко мир человека является продолжением самого человека, его частью. Многомерность здесь выделяется как характерная особенность этого «человеченного» пространства, возникающая в результате интеграции в нем объективных и субъективных измерений [2]. Эти идеи позволили по-новому взглянуть на сам процесс развития человека в онтогенезе. Развитие человека в онтогенезе есть последовательное «вдвижение» субъективного в объективное, совпадающее с этапами становления многомерного мира человека. Порождаемый новый уровень субъектности несводим ни к одному другому, не является лишь арифметической суммой предыдущих уровней, имеет собственный онтологический статус.

Однако при рассмотрении социализации как динамического, двустороннего процесса усвоения индивидом социального опыта, в ходе которого создается конкретная личность, необходимо определить, что же является условием гармонизации отношения человека с миром и с самим собой. Таким условием выступает доверие как способность человека априори наделять явления и объекты окружающего мира, их возможные будущие действия свойствами безопасности (надежности) и ситуативной полезности (значимости) [5]. Будучи субъектным феноменом личности, доверие существует в ее внутреннем, субъективном мире и является фундаментальным условием целостного взаимодействия человека с миром.

В этой связи специально рассматривается проблема доверия к себе как феномена субъектности. Доверие к себе позволяет человеку занять определенную (пристрастную) позицию по отношению к самому себе и, исходя из этой позиции, строить собственную жизненную стратегию.

В связи с обозначенными идеями был проведен цикл исследований, объектом которых стали дети – воспитанники детских домов на разных этапах онтогенеза. Основной замысел заключался в том, чтобы выявить, как влияет несформированная на ранних этапах установка на доверие к миру на дальнейшее психическое развитие ребенка.

Поскольку в раннем онтогенезе у детей-сирот не формируются базовые установки на доверие, нами было введено понятие депривации доверия.

Как показали исследования, депривация социального доверия детей, находящихся в условиях детского дома, затрагивает эмоциональную, личностную и поведенческую сферы ребенка. Другими словами, депривация доверия служит причиной значительного количества глубинных личностных деформаций. А.С. Выготский считал, что развитие внутренних индивидуальных свойств личности ребенка имеет ближайшим источником его сотрудничество с другими людьми.

Так как многие отклонения в личностной и эмоциональной сферах детей с депривацией психического развития связаны с отсутствием опыта доверительных отношений с близкими людьми, а также с нарушениями в развитии социальных эмоций, мы предположили, что у детей-сирот не формируются социально-нравственные эталоны и дифференцированность эмоций. На наш взгляд, эти нарушения напрямую связаны с депривацией доверия воспитанников детского дома.

Снижение меры доверия как по отношению к себе, так и по отношению к людям негативно сказывается на психологическом самочувствии детей и приводит к деформации многих личностных особенностей. Из литературных источников известно, что снижение меры доверия к людям связано с повышенной тревожностью, поэтому уровень тревожности может выступать одним из критериев снижения меры доверия как к себе, так и к другим. Более того, анализ литературы показывает, что дети, воспитывающиеся в условиях детского дома, испытывают чрезвычайно выраженное чувство незащищенности, неуверенность, низкий уровень самопринятия и имеют низкую самооценку. Все эти параметры могут выступать критериями того, что у детей с депривацией развития не формируется адекватного отношения к себе, связанного с развитием доверия к себе.

С целью доказательства выдвинутых предположений А.В. Полиной [3] (под нашим руководством) было предпринято специальное эмпирическое исследование, в котором участвовали 80 детей от трех до пяти лет (40 воспитанников детских домов и 40 детей из детских садов). Исследование было направлено на выявление особенностей проявления депривации доверия у детей, воспитывающихся в детском доме.

С целью изучения восприятия детьми близких взрослых и изучения их межличностных отношений использовалась методика «Два дома» (И. Вандвик, П. Экблад). Методика помогает выявить уровень дифференциации людей на «своих» и «чужих».

Результаты показывают, что у детей из детского дома положительных выборов в два раза меньше, чем у детей из детского сада (т.е. воспитывающихся в семье). В то же время отрицательных выборов (черный домик) у воспитанников детского дома больше, в сравнении с контрольной группой.

Эти данные свидетельствуют о том, что у детей, воспитывающихся в условиях детского дома, дифференциация людей на «своих» и «чужих» нарушена. Ответы детей подтверждают не только тот факт, что у них имеет место неудовлетворенная потребность в близком взрослом, но и то, что у многих детей такая потребность просто отсутствует.

Основной вывод, который позволяют сделать полученные данные, заключается в том, что дети с депривацией развития не способны дифференциро-

вать взрослых на «своих» и «чужих», а дифференциация по данному критерию сверстников носит поверхностный, неустойчивый характер. Кроме того, анализ результатов позволяет заключить, что дети, у которых имеет место неудовлетворенная потребность в доверительных отношениях, испытывают чрезвычайно острую потребность в близком взрослом, но у многих из них такой потребности вообще не обнаружено, что и является основным признаком, позволяющим говорить о депривации доверия.

Полученные данные свидетельствуют о том, что, доверительные отношения к людям у воспитанников детского дома отсутствуют. Людей они чаще ассоциируют со злом, особенно это касается сверстников.

Детальный анализ эмпирических данных позволил выделить уровни выраженности социальных эмоций у детей обеих групп.

При качественном анализе выборов детей из детского дома явно проявляются проблемы во всех сферах отношений («ребенок–взрослый», «ребенок–ребенок», «ребенок – повседневные ситуации»). Особенно страдают отношения «ребенок–взрослый», где в положительной или двусмысленной ситуации дети указывали на грустное лицо. У детей из семьи, наоборот, наиболее благополучные отношения как раз в сфере «ребенок–взрослый», здесь наблюдается наименьшее число отрицательных выборов. В сфере отношений «ребенок–ребенок» у детей-сирот также намного выше число негативных выборов. Различия по уровню тревожности в группах детского сада и детского дома значимы при вероятности допустимой ошибки меньше чем 0,1 %.

С целью выявления деформации некоторых личностных качеств, таких, как выраженность чувства незащищенности, низкая самооценка, неуверенность, агрессивность, враждебность, застенчивость и некоторых других, использовалась проективная методика измерения личностных особенностей «Дом–Дерево–Человек».

По таким ведущим показателям симптомокомплексов, как уровень выраженности чувства незащищенности и чувства неполноценности, можно судить о значимости защиты взрослого для детей данного возраста, на фоне которой и формируется базовое доверие.

В итоге оказалось, что только 12,5 % детей из детского дома не подвержены депривации доверия, а значит, имеют тенденцию к формированию социально-доверительных отношений. Остальные 87,5 % – это дети с проблемами в межличностных отношениях, подверженные различным симптомокомплексам, причиной которых является депривация доверия. Данное положение позволяет сделать вывод о том, что наряду с депривацией доверия для детей, воспитывающихся в условиях детского дома, характерна несформированность ценностного отношения к себе, что выражается в отсутствии доверия к себе. Другими сло-

вами, это может означать стагнацию развития субъектных качеств личности у детей, растущих в условиях депривации доверия.

Обобщенный анализ результатов и наблюдения за детьми во время проведения диагностики позволили выделить две характерные формы компенсаторного поведения. Первая группа – это дети с депривацией доверия пассивного типа, для которых характерна тревожность, робость, мнительность, неумение постоять за себя, они чувствительны к мнению других о себе и, боясь порицания со стороны взрослых, уходят от общения. Детям этого типа свойственна заниженная самооценка. Данные трудности в сочетании с эмоциональностью таких детей часто ведут к формированию барьеров в общении, уходу, минимизации контактов. Дефицит в общении вызывает болезненные переживания и усугубляет развитие депривации доверия. Для таких детей в целом характерны конформистские реакции, они редко идут на открытый конфликт, легко признают свою вину в трудной ситуации. Эти дети плохо рефлексировать эмоциональное состояние собеседника и не вызывают ответной симпатии и стремления продолжить контакт. В то же время их эмоциональная отгороженность, уход от конфликтов и низкая заинтересованность в подобном общении снижают негативные последствия их изоляции, что ведет к снижению самооценки и уверенности в себе. Депривация доверия проявляется в высокой подозрительности, эмоциональной закрытости, неуверенности, тревожности, неадекватной самооценке, низкой мотивации на общение. Барьеры в общении, тенденция к уходу, минимизация контактов блокируют процесс формирования доверия к миру.

Вторая группа – это дети с депривацией доверия активного типа, которые внешне общительны, активны, обладают неадекватной, чаще завышенной, чем заниженной самооценкой, ярко демонстративные, агрессивные. Эти дети склонны обвинять других в конфликтных ситуациях, поэтому для них характерны повышенная конфликтность, несдержанность, агрессивность, враждебность. Отрицательные эмоции у таких детей проявляются во многих видах деятельности, в отношениях. Как правило, они демонстративны, очень импульсивны, легко возбудимы, но эмоциональная неустойчивость не позволяет им в достаточной степени контролировать свои негативные эмоции. Их эмоциональные реакции часто протекают в виде бурных вспышек недовольства, обиды, гнева, которые при неблагоприятных условиях могут привести к агрессивному поведению. Детей активного типа также отличает излишняя раскованность, полное отсутствие чувства дистанции, обидчивость, возбудимость. При начальном налаживании отношений эти дети очень активны, но в дальнейшем общении они, как и дети первой группы, закрываются и часто уходят от взаимоотношений. Несмотря на внешнюю общительность, у этих детей прослеживается депривация доверия, которая проявляется в эмоциональной незащищенности, высокой тревожности, неконструктивном характере межличностных отношений, в низком уровне саморегуляции, а также в неадекватности восприятия.

Таким образом, для детей первой и второй групп с депривацией доверия характерны незащищенность, чувство неполноценности, враждебность, конфликтность, трудности в общении. Поэтому, несмотря на внешнее различие поведения детей двух групп, они обладают общими проблемами, связанными с дефицитом доверия к окружающим и к самим себе.

Если ребенок развивается в условиях депривации доверия, имеет негативный опыт базового доверия, то формирование доверия идет по пути стагнации развития доверительных отношений. У таких детей формирование эмоционально-нравственных эталонов деформировано или отстает в развитии, у них не дифференцированы эмоции, что одновременно подкрепляется ситуативными факторами негативного опыта взаимодействия с окружающими людьми. В итоге основные формально-динамические характеристики доверия не формируются, происходит дальнейшая деформация развития как эмоционально-нравственной, так и личностной сферы, что неблагоприятно сказывается на отношениях ребенка с социальным окружением. Более того, в результате всех перечисленных особенностей у детей с депривацией доверия оказываются несформированными адекватные поведенческие реакции. Их поведение оказывается не ориентированным на установление нормального человеческого контакта, на развитие форм совместной игровой деятельности, на развитие навыков совместной деятельности, а сводится просто к защите своего Я в виде компенсаторных форм.

Формирование доверительных отношений находится в тесной взаимосвязи не только с доминирующей формой общения, преобладающим содержанием коммуникативной потребности, но и с общим направлением развития ребенка, той социальной ситуацией, в которой оно происходит. В исследовании показано, что доверие, с одной стороны, выступает как одно из важных условий развития и изменения самого человека, а с другой стороны, как результат развития.

В другом исследовании, выполненном под руководством автора, А.В. Роженко [4] изучались дети-первоклассники из неблагополучных семей и дети с депривацией психического развития. Цель исследования – показать, что эти группы детей будут по-разному входить в новую социальную ситуацию развития, связанную с поступлением в школу, что обусловлено различиями в деформациях доверительных отношений. Были сформулированы три гипотезы.

1. У детей с депривацией психического развития, воспитывающихся вне семьи, депривированы и доверительные отношения; у детей из неблагополучных семей доверительные отношения к себе и к другим людям выражены дисгармонично: уровень выраженности доверия к себе не соответствует уровню выраженности доверия к другим.

2. К концу периода школьной адаптации (конец первой – начало второй четверти) дети из неблагополучных семей и дети с психической депривацией придут с различным уровнем эмоциональной, социальной и личностной адаптации и будут проявлять различные деформации (для них будут характерны различ-

ные признаки, затрудняющие эмоциональную, личностную и социальную адаптацию).

3. К концу первого года обучения в школе у детей с психической депривацией кризис доверия усугубится, а у детей из неблагополучных семей появится положительная динамика эмоционального, мотивационного и личностного развития.

В данном исследовании участвовали 68 первоклассников муниципальных общеобразовательных школ и 32 первоклассника, проживающих в социальном приюте социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних. Общая выборка состояла из трех групп детей: а) дети из благополучной семьи (они классифицировались как дети с развитой гармоничной системой доверительных отношений); б) дети из неблагополучной семьи (классифицировались как дети с деформированной системой доверительных отношений); в) дети без семьи (классифицировались как дети с депривацией доверительных отношений). Поскольку в исследовании прослеживались особенности развития различных сфер психики и личности детей, в банк диагностических методик были включены:

– для исследования эмоционально-личностных особенностей первоклассников: проективная методика «Дом–Дерево–Человек»; методика диагностики самооценки Дембо – Рубинштейна; проективная методика «Несуществующее животное»; методика диагностики школьной тревожности Филлипса, тест личностных отношений, социальных эмоций и ценностных ориентаций «Домики»;

– для исследования школьной мотивации: анкета Н.Г. Лускановой «Оценка уровня школьной мотивации»; проективная методика «Школа зверей»;

– для исследования межличностных отношений первоклассников: проективная методика «Дом–дерево–человек», методика диагностики школьной тревожности Филлипса.

Цель первого диагностического замера – определить различия в особенностях эмоциональной, социальной и личностной адаптации к школе детей с депривацией доверия и детей с деформацией доверительных отношений в период вхождения в школьную жизнь.

Результаты исследования показали полное отсутствие у детей из приюта коммуникативных навыков, необходимых для продуктивного общения, следовательно, существуют проблемы взаимодействия как в системе «ребенок–ребенок», так и в системе «ребенок–взрослый». В целом у детей данной категории имеются значительные нарушения социального взаимодействия, они оказываются не в состоянии формировать позитивные отношения с окружающими, что приводит к деформации личностных качеств.

Цель второго диагностического замера состояла в изучении влияния сформированности доверительных отношений на успешность эмоциональной, соци-

альной и личностной адаптации к школе у первоклассников с депривацией доверия и детей с деформацией доверительных отношений к моменту завершения периода школьной адаптации.

Результаты данного этапа эмпирического исследования подтвердили гипотезу о том, что дети из неблагополучных семей и дети с психической депривацией к концу периода школьной адаптации приходят с различным уровнем эмоциональной, социальной и личностной адаптации. Так, выявлены следующие деформации, затрудняющие процесс адаптации:

– для детей, воспитывающихся в неблагополучных семейных условиях, характерны нарушения в эмоциональных показателях адаптации (это высокий уровень общей тревожности и агрессии, направленной на окружающих);

– для детей – воспитанников социального приюта спектр деформаций более широк: в эмоционально-личностной сфере они показывают высокий уровень агрессии, направленной как на окружающих, так и на себя (аутоагрессия), незащищенность, фрустрацию, несформированность положительного отношения к себе; в мотивационной сфере у них отсутствует мотивация на деловое взаимодействие во взаимоотношениях с взрослыми; в межличностной сфере у них наблюдаются трудности в общении, недоверие к окружающим, страхи и проблемы в отношениях с учителями, контакты со сверстниками бедны по содержанию, эмоционально мало насыщены, ситуативны, общий эмоциональный фон отношений с взрослыми – негативный и проявляется в формальном характере общения и уходе от общения.

Целью третьего этапа диагностического исследования было изучение динамики эмоциональной, социальной и личностной адаптации к школе, а также в целом динамики школьной мотивации первоклассников с депривацией доверия, первоклассников из неблагополучных семей и детей из благополучных семей в течение учебного года.

Обобщая полученные данные, мы пришли к выводу, что детям как с явной, так и со скрытой депривацией психического развития свойственны некоторые общие особенности в доверительных отношениях с окружающими: тревожность, подозрительность, излишняя раскованность и агрессивность или эмоциональная закрытость.

Однако самый высокий уровень тревожности наблюдается у детей из приюта, и особое напряжение вызывают межличностные взаимоотношения и ситуации, сопряженные с необходимостью самораскрытия. Таким образом, необходимые для продуктивного взаимодействия коммуникативные навыки, основанные на доверительных отношениях, к концу учебного года у детей из приюта так и не формируются.

Высокий уровень агрессии к концу учебного года выявлен у детей из неблагополучных семей и у детей из приюта. Причем агрессия детей из неблагополуч-

ных семей направлена в основном на окружающих, а детей из учреждения – не только на окружающих, но и на самого себя (аутоагрессия).

К концу учебного года уровень школьной мотивации у детей из приюта на статистически значимом уровне снизился по сравнению с начальным этапом исследования, а у детей как из благополучных, так и из неблагополучных семей вырос.

Итак, проведенное исследование со всей очевидностью показало, что адаптация детей к обучению в школе, воспитывающихся в разных социальных условиях, проходит по-разному. При этом у детей с явной депривацией психического развития к концу обучения в первом классе происходит углубление кризиса доверия, которое характеризуется такими показателями, как: недифференцированность социальных эмоций; неконструктивный характер межличностных отношений (страх общения со взрослыми и детьми); неблагоприятное эмоционально-личностное состояние (снижение чувства самооценности, игнорирование ценности Я, чувство незащищенности, недоверие, высокий уровень тревожности); снижение школьной мотивации, связанное с низкими успехами в учебе и негативным характером отношений как с одноклассниками, так и с учителем.

В то же время к концу учебного года у детей из неблагополучных семей наблюдается положительная динамика эмоционального, мотивационного, личностного развития и межличностных взаимодействий: снижение межличностных страхов, увеличение уровня общительности и физиологической сопротивляемости стрессу, школьной мотивации, снижение депрессивности, враждебности, недоверия.

В целом полученные данные позволяют сделать вывод о том, что эмоциональная, социальная и личностная адаптация первоклассников к школе имеет прямую зависимость от уровня сформированности базовой установки на доверие, а дезадаптация связана с депривированной установкой детей на доверие.

Библиографический список

1. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Академия, 2002.
2. Клочко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал 1998. Вып. № 8–9.
3. Полина А.В. Психологические особенности детей младшего школьного возраста с депривацией доверия и возможности её коррекции: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2005.
4. Роженко А.А. Особенности эмоциональной, социальной и личностной адаптации к школе детей, воспитывающихся в разных социальных условиях: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2006.
5. Скрипкина Т.П. Психология доверия. М.: Академия, 2000.
6. Erikson E.H. Identity: youth and crisis. N.Y.: Norton & Company, Inc, 1968.

МОТИВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СФЕРЕ ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА И КУРОРТНОГО ДЕЛА

.....

Л.Н. Ожигова¹

В течение последних десяти лет гостиничный бизнес в России стремительно развивается. В крупные российские города приходят международные отели, увеличивается число маленьких частных отелей, реконструируются старые советские гостиницы. Аналитики отмечают, что тяжелые времена для сферы гостеприимства миновали и уже выделились лидеры по развитию гостиничного бизнеса. Так, по данным Российской гостиничной ассоциации, на Москву и Санкт-Петербург приходится около 70 % всего оборота гостиничного рынка России, но с каждым годом соотношение постепенно меняется в пользу регионов [9].

Помимо Москвы и Петербурга, сегодня бум строительства гостиниц и отелей наблюдается в Краснодарском крае (в частности, в Сочи на всей прибрежной 100-километровой полосе и в Геленджике). За последние пять лет объем инвестиций в курорты Кубани увеличился в 17 раз и составил около 20 млрд р. [4]. И хотя срок окупаемости гостиниц и ресторанов варьируется от 7 до 15 лет, интерес инвесторов к курортному комплексу Краснодарского края высок даже в условиях экономического кризиса [11].

Такой строительный бум в комфортной рекреационной зоне страны открывает большие перспективы для социально-экономического развития Краснодарского края, это и привлечение средств в бюджет от торгового и гостиничного бизнеса, и создание рабочих мест, и многое другое. Однако интен-

---

¹ Ожигова Людмила Николаевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: topvolna@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке и на средства, выделенные Конкурсной комиссией Роснауки по предоставлению грантов Президента РФ для поддержки молодых российских ученых (проект МД-3956.2008.6)

сивность роста должна соответствовать разумному планированию и прогнозированию дальнейших рисков, которые не всегда осуществляются как самими инвесторами, так и управляющими холдингов и компаний. Мало здание построить, его нужно «одушевить», заполнить к приему гостей, суметь привлечь отдыхающих и самое главное – получить из этого выгоду. Не случайно большинство форумов и выставок, посвященных перспективам развития гостиничного и ресторанного бизнеса, маркирует эту сферу услуг как «прибыльное гостеприимство».

Обзор экспертных мнений специалистов и ведущих туроператоров позволил нам выделить несколько серьезных проблем, существующих в данный момент:

1. *Сезонность.* Краснодарский край – уникальная рекреационная зона, но основной приток отдыхающих здесь приходится на лето. Среднегодовая заповняемость гостиниц – 35–40 %, причем пик наблюдается в июне-сентябре, а остальные месяцы пансионаты и гостиницы стоят пустые или вообще закрываются.

2. *Территориальные приоритеты отдыхающих.* По статистике 80 % людей предпочитают отдыхать в регионе своего проживания, особенно если учесть подорожание авиабилетов и риски от недобросовестных перевозчиков [7].

3. *Слабая реклама.* В борьбе за первенство среди стран, претендующих на организацию зимней Олимпиады 2014 г. Сочи и курорты Краснодарского края выиграли в основном за счет сильнейшей пропаганды и рекламы. В сезон лета 2008 г. продажа путевок в Сочи уже снизилась на 10–15 %.

4. *Дороговизна среднего уровня гостиниц.* Уже сейчас понятно, что расцвет гостиничной недвижимости и успешно проведенная Олимпиада могут поднять Сочи до курортов мирового уровня и привлечь иностранных туристов, однако сейчас дороговизна среднего уровня гостиниц не позволяет большинству россиян и самим жителям Краснодарского края воспользоваться отдыхом на побережье. При этом соотношение «цена–качество» часто заставляет российских отдыхающих делать выбор в пользу заграничного курорта [18]. Возможно, после проведения Олимпиады цены на размещение снизятся, что увеличит доступность отдыха и туристический поток.

5. *Качество обслуживания и уровень сервиса.* Гостиничные услуги неосязаемы – гость не знает, что его ждет, пока лично не посетит отель. Но даже если клиент приезжает в тот же отель какое-то время спустя, это не означает, что его будут обслуживать на том же уровне, что и раньше. Непостоянство качества гостиничных услуг – важное свойство и проблема гостиничного бизнеса. Многое зависит от человеческого фактора: например, раньше работал

другой портье — более приветливый, а сейчас гость не получил должного внимания [9].

То есть персонал гостиницы от горничной, официанта, охранника до ведущего менеджера – это важнейший фактор конкурентоспособности. Успех курортного сезона в гостиничном бизнесе зависит от того, как реализуются и контролируются стандарты обслуживания, как ценовая категория гостиницы отражается на качестве сервиса, включающего буквально взгляды и вздохи обслуживающего персонала в адрес гостей, т.е. от всей совокупности впечатлений отдыхающего. Это значит, что подбор, подготовка и мотивирование персонала, занятого на всех должностях гостиницы или отеля, требуют четкой и согласованной системы, работающей на имидж, привлечение и удовлетворение запросов клиентов.

Осознание мотивационных механизмов и определение структуры мотивации человека, мотивации к труду и профессии в настоящее время является достаточно разработанной темой в социологии, менеджменте и психологии. Но, несмотря на обилие теоретического и эмпирического материала по мотивационной проблематике, общепринятого объяснения всей системы мотивации к труду сегодня нет.

Существует большое число западных и отечественных теорий, объясняющих мотивацию личности сотрудника. Здесь выделяются работы западных исследователей: инструментальная теория Ф. Тейлора; теории содержания мотивации – теория иерархии потребностей А. Маслоу, теория ERG К. Альдерфера, теория приобретенных потребностей Д. МакКлелланда, теория двух факторов Ф. Герцберга и др.; теории процесса мотивации – теория ожидания К. Левина, теория предпочтения и ожидания В. Врума, теория подкрепления Б.Ф. Скиннера, теория справедливости Портера–Лоулера, модель выбора риска Д. Аткинсона, теория «Икс» и «Игрек» Д. Мак-Грегора, теория постановки целей Э. Локка, теория равенства С. Адамса и др. [1; 14].

Многочисленны исследования и российских ученых в этой области (В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов, Н.Ф. Наумова, Ю.П. Кокин, Е.Д. Катувский, А.А. Сарно, И.Ф. Беляева и др.) [8; 10; 13]. Одни из них посвящены вопросам классификации потребностей, другие – процессам мотивации. Среди прикладных исследований внимания заслуживают работы В.И. Герчикова, В.С. Магуна, А.Г. Шмелева [3; 12].

Проблемы мотивации сотрудника рассматриваются в различных аспектах: анализируются внешние и внутренние факторы, влияющие на мотивацию; изучаются особенности мотивации на разных этапах профессионального становления и развития личности; особое внимание уделяется вопросам адаптации и дезадаптации личности в организации, проблеме эмоционального выгорания и т.д. [2, 6].

Но при всем многообразии подходов к описанию мотивации личности к профессии или управлению этой мотивацией практически во всех работах мы находим ведущую мысль – определяющим фактором успеха той или иной компании на рынке являются не передовые технологии и финансовые инвестиции, а люди. А чтобы получить от людей полную отдачу, нужно дать им возможность делать то, что они любят [5].

Наиболее эффективен высокомотивированный сотрудник. И здесь работодатель сталкивается с вечной проблемой: мотивировать сотрудника или нанять мотивированного? Конечно, экономически выгоднее нанять мотивированного, но его нужно найти. И здесь работодателя в первую очередь интересует молодой контингент специалистов, обучающихся той или иной профессии.

Открывшиеся во многих российских столичных и областных вузах специальности сервиса, туризма и курортного дела часто базируются или относятся к факультетам экономики, управления, географии и даже физической культуры. Практика подготовки специалистов в сфере курортного и туристического бизнеса нарабатывается в среднем уже 15 лет, имеются учебные программы и базы практики, но сама система профессионального сопровождения личности студента пока отсутствует.

То есть учебно-методическая база подготовки специалистов в сфере гостиничного бизнеса и курортного дела развивается интенсивно, но сама эта деятельность еще не оформилась в профессию, а студенты часто даже затрудняются представить себя в ней, наметить некоторый карьерный план, не осознают мотивов своего профессионального обучения, в то время как осмысление личностью мотивов своей профессиональной деятельности является важнейшим условием успешной реализации в профессии и жизни.

Насколько студент, обучающийся специальности, связанной с сервисом, курортным и гостиничным делом, мотивирован на собственную профессиональную реализацию? Ответом на этот вопрос отчасти можно считать результаты нашего исследования, направленного на выявление мотивов профессиональной реализации студентов, обучающихся на факультете туризма, курортного и гостиничного дела.

Цель исследования, представленного в данной статье, – описать особенности профессиональной мотивации и направленности личности студентов специальности сервиса, туризма и курортного дела. Исследование проводилось в сентябре–ноябре 2008 г. в рамках проекта «Смысловые механизмы гендерной и профессиональной реализации личности в полиэтнической среде», поддержанного Конкурсной комиссией Роснауки по предоставлению грантов Президента РФ.

В целом проект направлен на разработку технологии социально-психологической поддержки смысловых механизмов профессиональной и гендерной

реализации личности в полиэтнической среде Краснодарского края. В результате реализации проекта будет апробирован комплекс психодиагностических методик, выявляющих ведущие мотивационные стратегии и смысловые механизмы профессионального поведения личности в зависимости от ее гендерной, профессиональной и этнической идентичности; создана объяснительная модель, описывающая приоритеты профессиональной и гендерной реализации личности в полиэтнической среде, и разработан социально-психологический тренинг, направленный на повышение эффективности профессиональной и карьерной реализации личности.

Выборка исследования составила 116 чел. в возрасте 19–23 лет, среди них 30 юношей и 86 девушек. Все обследуемые являются студентами 3-го курса двух вузов г. Краснодара и г. Сочи. В ходе исследования были использованы методика на выявление ведущего мотива профессиональной деятельности (опросник «Якоря карьеры») и методика диагностики направленности личности «Ориентировочная анкета». Обе методики позволяют выявить различные мотивы, а затем увидеть ведущие ориентиры личности, которые и направляют ее реализацию в профессии.

В результате были выявлены особенности мотивов профессиональной реализации студентов.

1. Ведущим мотивом профессиональной деятельности у юношей и девушек является «стабильность работы» (по 8 баллов в обеих выборках). Это потребность в безопасности и стабильности, желание чтобы будущие события были предсказуемы. Человек с такой ориентацией (его часто называют «человеком организации») ответственность за управление карьерой перекладывает на нанимателя.

Другими ведущими мотивами (по 8 баллов) у девушек являются автономия и предпринимательство, а у юношей – интеграция стилей жизни. Хотя значимых различий между мотивами юношей и девушек не выявлено, но интерпретация показателей в рамках методики позволяет говорить о том, что девушки больше ориентированы на создание чего-то нового, не хотят преодолевать препятствия, но готовы к риску, не желают работать на других, предпочитают иметь свое дело, обрести финансовую независимость (мотив «предпринимательство»). Одновременно с этим девушки стремятся освободиться от организационных правил, предписаний, ограничений, хотят все делать по-своему, самостоятельно решать, когда, над чем и сколько работать (мотив «автономия» (независимость)).

Для юношей актуальна интеграция различных сторон образа жизни. Они не хотят, чтобы в их жизни доминировала только семья, или только карьера, или только саморазвитие. Они стремятся к тому, чтобы все было сбалансировано. Человек с мотивом-ориентацией «интеграция стилей» больше ценит

свою жизнь в целом (где живет, как совершенствуется), чем конкретную работу, карьеру или организацию.

У всех студентов на довольно высоком уровне (7 баллов) выявлен мотив «служение», т.е. «работа с людьми», «служение человечеству», «помощь людям», «желание сделать мир лучше». Такой профессиональный мотив может достаточно сильно и долго поддерживать нахождение человека в сфере услуг.

Интересно, что самые невысокие баллы юноши и девушки набрали по шкалам «стабильность места жительства» (4 балла) и «профессиональная компетентность» (5 баллов). Низкая выраженность мотива «стабильность места жительства» хороша для менеджера в сфере услуг, так как повышает его карьерную мобильность в случае повышения, связанного с переездом. Но низкий балл по мотиву «профессиональная компетентность» свидетельствует, о том что в большинстве случаев студенты не рассматривают свою данную трудовую занятость ни как профессию, ни как деятельность, требующую специальной профессиональной подготовки.

Данное обстоятельство позволяет сделать неутешительный вывод о том, что, возможно, студенты или не видят перспектив в профессии, или не собираются надолго оставаться в данной сфере. Этот вывод подтверждается еще и тем, что менее 20 % опрошенных указали, что работали в качестве горничной или официанта в период летних каникул или практики. То есть студенты не имеют опыта работы в гостинице или ресторане даже в пределах 3–9 месяцев, не знакомы с «кухней» гостиничного бизнеса изнутри, что является обязательным условием при обучении менеджеров в европейской системе. С работой туроператоров и турагентов, как оказалось, студенты вообще не имели возможности познакомиться на практике.

Таким образом, студенты специальности «туризм и курортное дело» ориентированы на стабильную работу, которая может находиться не в месте проживания, связана со свободным графиком и реализацией своей индивидуальности, позволяет совмещать карьеру, семью и хобби. Они готовы помогать людям, но не рассматривают свою деятельность как особую профессиональную позицию, требующую повышения уровня знаний, умений и компетенций. Это значит, что обучение в вузе может быть неинтересно студенту, так как его профессиональная мотивация, скорее всего, базируется на более глубинных личностных интересах и смыслах, которые связаны с его личностью и ценностями.

2. Этот вывод подтверждается тем, что ведущим личностным мотивом студентов является «направленность на себя» (по методике «Ориентировочная анкета»). Выявлено, что большинство юношей и девушек ориентированы на себя, т.е. описывают себя как человека, ожидающего прямого вознаграждения и удовлетворения независимо от того, какую работу и с кем он выполняет. Человек с такой ведущей ориентацией представляет группу театром, в котором можно удовлетворить определенные общие потребности, показать свои

личные трудности, приобрести достоинство, уважение или общественный статус, быть агрессивным или господствовать. Такой человек интроспективен, властен, не реагирует на потребности окружающих его людей. Он занимается преимущественно собой, игнорирует людей или работу, которую обязан выполнять.

Мотив на взаимоотношения также достаточно высоко проявляется в ведущих приоритетах студентов. Направленность на взаимоотношения отражает интенсивность, с которой человек старается поддержать хорошие взаимоотношения, но лишь «на поверхности», что часто препятствует выполнению конкретных заданий или оказанию искренней помощи людям. Такой человек проявляет большой интерес, когда речь идет о коллективной деятельности, но сам не вносит никакого вклада в осуществление трудовых заданий группы.

Интересно, что ориентация на задание, на дело проявилась у юношей несколько больше, чем у девушек. Причем у девушек этот мотив выражен самыми низкими баллами и по сравнению с юношами, и по сравнению с другими мотивами. Направленность на задание отражает интенсивность, с которой человек выполняет задание, решает проблемы, и меру заинтересованности в выполнении своей работы как можно лучше. Несмотря на свои личные интересы, такой человек будет охотно сотрудничать с коллективом, если это повысит эффективность группы. В коллективе он стремится отстоять свое мнение, которое считает полезным для работы.

Таким образом, ведущим мотивом у обследуемых студентов является ориентация на себя, свои интересы, которые личность стремится удовлетворить, поддерживая хорошие отношения с другими. Причем ориентация на хорошее выполнение работы у девушек проявляется меньше, чем у юношей.

Возможно, в полученных результатах проявилась такая особенность молодого возраста, как стремление быть в центре внимания, потребность в общении и некоторой демонстрации себя. Но то, что студенты не ориентированы на качественное выполнение работы и на развитие профессиональных компетенций, очевидно, будет отражаться на их учебной работе: студенты, скорее всего, проявят низкий интерес к занятиям и невысокие учебные результаты.

В итоге можно сказать, что формирование знаний, умений и навыков в процессе профессионального обучения у студентов, обучающихся сервису, курортному и туристическому бизнесу, может быть затруднено их низкой мотивацией на развитие профессиональных компетенций и высокой ориентацией на себя. То есть студенты продолжают реализовывать себя скорее в общении, чем в профессиональных ценностях и достижениях.

Поэтому обучение специалистов в этой сфере требует, с одной стороны, дальнейшего серьезного изучения мотивации личности, а с другой – формирования специальной системы психолого-педагогического сопровождения

студентов. Такая система поддержки личности прежде всего должна способствовать расширению представлений о том, что избранная специальность – это деятельность, требующая специальных умений и навыков. Затем может быть организована дальнейшая психологическая работа, направленная на то, чтобы студент смог идентифицировать себя с образом специалиста в этой области, интегрировать этот образ в свою общую Я-концепцию и жизненную перспективу. Другими словами, перевести мотив «служение людям», который нашел выражение в ценностной картине мира студентов, из сферы личностных особенностей в профессиональную компетентность.

Библиографический список

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами / пер. с англ. под ред. С.К. Мордовина. 8-е изд. СПб.: Питер, 2005.
2. Артамонова В.Г., Шаталов Н.Н. Профессиональные болезни. М.: Медицина, 1988.
3. Безносов С.П. Профессиональная деформация и воспитание личности // Психологическое обеспечение социального развития человека. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
4. Бизнес для малого и среднего бизнеса // Краснодарский бизнес-журнал. 2008. № 20 (100).
5. Дмитриевич А. Не \$-м единым // Туризм: практика, проблемы, перспективы. 2008. Ноябрь.
6. Зеер Э.Ф. Психология профессий: учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб., доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
7. Литовченко Е. Краснодарские курорты: от «элит» до «эконом» // Туризм: практика, проблемы, перспективы. 2008. Октябрь.
8. Мишурова И.В., Кутелев П.В. Управление мотивацией персонала: учеб.-практ. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: «МарТ», 2004.
9. Развитие гостиничного бизнеса в России. URL: http://www.hotelcom.ru/article.php?id_art=34.
10. Рачкова С.Б., Григорьева О.Н. Особенности трудовой мотивации сотрудников организации // Фармацевтическое обозрение. М.: Юнико Информ, 2006.
11. Реальный бизнес // Краснодарский информационный бизнес-журнал. 2008. № 10 (72).
12. Ричи Ш., Мартин П. Управление мотивацией: учеб. пособие для вузов / пер. с англ. под ред. проф. Е.А. Климова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
13. Рубцов С.В. Целевое управление в корпорациях. Управление изменениями. М.: Дело, 2001.
14. Травин В.В., Магура М.И., Курбатова М.Б. Мотивационный менеджмент: Модуль III: учеб.-практ. пособие. 2-е изд., испр. М.: Дело, 2005.
15. Харламова Т. Российские курорты: пришло время перемен // Туризм: практика, проблемы, перспективы. 2008. Август.

КЛИНИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ ВРАЧА

.....

Б.А. Ясько¹

Процесс профессионального становления личности – системное явление, в котором психологическая составляющая занимает особое место. Сейчас нередко можно встретить мнение о том, что психологический компонент профессионализма – это совокупность заданных компетенций, осваиваемых субъектом в процессе овладения профессией. Однако более детальный анализ психологии профессионального становления личности показывает, что в рамках компетентного подхода не раскрывается вся многогранность данного процесса. В частности, трудно найти ответ на вопрос: какими требованиями практики обусловлен процесс формирования профессионального мышления, какими закономерностями он обусловлен? Для сложных видов профессионального труда, к которым, несомненно, относится труд врача-клинициста, сформулированный вопрос приобретает особую актуальность, поскольку научно обоснованный ответ на него позволяет определить наиболее существенные методы позитивного воздействия на процесс профессиогенеза, особенно на его ранние этапы.

Цель статьи – анализ профессионального мышления врача и его важнейшего компонента – клинического мышления.

Говоря о влиянии профессии на формирование у специалиста необходимых для данного рода деятельности качеств, К.К. Платонов отмечал: «Предметы и явления, которые воспринимает человек в различных видах труда и на которые он воздействует, в свою очередь, воздействуют на него, формируя у данного лица не только профессиональные понятия, но и определенный профессиональный склад мышления» [13, с. 96–97]. Интересный вклад в развитие психологического обеспечения образовательной подготовки врача внесли исследо-

---

¹ Ясько Бэла Аслановна – доктор психологических наук, профессор кафедры управления персоналом и организационной психологии Кубанского государственного университета, shabela@yandex.ru

вания, проведенные в 1980–1990-е г. в Мордовском медицинском университете [2; 3; 4; 15]. В них профессиональное медицинское мышление определяется как «рефлексивная умственная деятельность врача, обеспечивающая постановку и решение диагностических, лечебных и профилактических задач через анализ генезиса и развития патологических процессов и их этнологических факторов» [2, с. 33]. Опираясь на экспериментальные данные, В.П. Андронов утверждает, что имеет место зависимость между уровнем профессионализма и индивидуальным типом мышления врача. По приводимым автором данным более половины (66,7 %) исследованной группы врачей-хирургов с высоким уровнем профессиональной квалификации обладают теоретическим типом профессионального мышления [3, с. 92]. При решении профессиональных задач эти специалисты обнаружили способность на основе знаний нормальной и патологической анатомии и физиологии переходить от восприятия внешних проявлений заболевания к установлению патогенетических связей, к воссозданию внутренней картины течения болезни. При этом, решая две-три, а иногда и более задач, они выделяли общий принцип и использовали его в последующей деятельности. Для диагностики или определения тактики лечения испытуемые назначали необходимый минимум лабораторных и специальных исследований, особое внимание уделяли выявлению причин и условий возникновения заболевания, раскрытию взаимосвязи между этиологическими факторами и организмом, а также механизмам возникновения и развития болезни (патогенезу). При обосновании диагноза они не ограничивались простым перечислением симптомов, характерных для данного заболевания, а отражали логику развития патогенетической картины. Если какой-либо симптом не укладывался в картину данного заболевания, то предпринималась попытка объяснить его происхождение. Ставя дифференцированный диагноз, врачи основывались главным образом на клинической картине заболевания, а не только на дифференциально-диагностических признаках, описанных в литературе. Лечебная тактика и техника хирургического вмешательства, профилактические мероприятия определялись с учетом показаний и противопоказаний для конкретного больного. В целом автор исследования считает, что наибольших успехов в клинической деятельности достигают врачи с теоретическим типом профессионального мышления.

Р. Конечный и М. Боухал, авторы одного из первых трудов, посвященных психологии в медицине, утверждают, что «способ мышления врача обязательно имеет характер диалектический и динамический; способ мышления здоровых и больных людей немедицинских профессий – характер логическо-механический и статический» [9, с. 211]. Критикуя категоричность данного высказывания, Г.С. Абрамова и Ю.А. Юдциц предполагают иное: процесс обучения врача формирует в его мышлении функциональный подход к человеку. «Происходит это при овладении методами воздействия на другого, когда алгоритмы осуществления профессиональной деятельности становятся обоснова-

нием действий профессионала. «...» Врач в процессе обучения и практической деятельности исходит из того, что материальные причины (инфекции, токсины, травмы и т.д.) вызывают ощутимые, реальные, осязаемые структурные изменения в органах и системах, проявляющиеся в симптомах заболеваний» [1, с. 61]. Отсюда, по мнению указанных авторов, проистекает особенность профессионального мышления медработника, которая состоит в уверенности, «что современными методами диагностики, лабораторными исследованиями можно обнаружить те или иные структурные изменения или отклонения в состоянии здоровья человека. Для врача, как правило, процесс лечения заключается в воздействии оперативных или фармакологических средств...» [1, с. 61–62]. Такой подход, утверждают авторы, ведет к нарушению динамических характеристик мышления, формирует главенство категории объектности в мышлении врача, когда духовный мир пациента остается за пределами реального профессионального анализа [1, с. 62]. Стандартизация мышления специалиста обусловлена, с точки зрения Г.С. Абрамовой и Ю.А. Юдчиц, двумя объективными условиями профессионализации и профессиональной деятельности врача. Первое состоит в освоении субъектом готовых форм знания, позволяющих клиницисту оценивать логичность собственных действий. Второе определяется высокой профессиональной ответственностью за принимаемые решения и совершаемые действия. Стандартизация мышления есть способ не брать на себя эту ответственность, защититься от случайности, атипичных ситуаций, встречающихся в работе врача [1, с. 62].

Однако анализ профессиональной деятельности врача свидетельствует об ином. Именно структурированность врачебной деятельности позволяет специалисту выделить синдромы, симптомокомплексы и соответствующие им алгоритмы действий (манипуляций). Структурированность и есть то, что авторы приводимого пособия определяют понятием «стандартизация», которая, по нашему мнению, как раз и является первичным условием профессиональной смелости, уверенности врача, позволяющей специалисту *брать* на себя профессиональную ответственность за лечебно-диагностический процесс.

Г.С. Абрамовой и Ю.А. Юдчиц выделены устойчивые характеристики в содержании профессионального мышления врача:

- мышление о себе (Я-концепция, самооценка);
- мышление о другом человеке (другой – пациент или другой – человек);
- осознание своих профессиональных возможностей, границ воздействия на другого человека [1, с. 61].

Существенным с точки зрения психологического анализа специфики формирования и активизации мышления врача является определение *предмета* исследования. В работах В.П. Андропова, Б.Б. Вознесенского используются три обозначения профессионального мышления. Первое обозначение в на-

ибольшей степени соответствует общепсихологической терминологии: предмет исследования определяется как *профессиональное мышление врача* [2]. Во втором обозначении говорится об изучении *врачебного мышления* [5]. Третье используется в контексте всех приведенных работ и рассматривается как синоним первых двух: *клиническое мышление*.

Развитие профессионального мышления относится к числу важных сторон профессионализации субъекта и служит предпосылкой успешности профессиональной деятельности. А.К. Маркова определяет понятие профессионального мышления как единство пяти составляющих:

- процесса обобщенного и опосредованного отражения человеком профессиональной реальности (предмета труда, задач, условий и результатов труда);
- путей получения человеком новых знаний о разных сторонах труда и способах их преобразований;
- приемов постановки, формулирования и решения профессиональных задач;
- этапов принятия и реализации решений в профессиональной деятельности;
- приемов целеобразования и планообразования в ходе труда, выработки новых стратегий профессиональной деятельности [10, с. 90].

В данном определении достаточно четко выделены компоненты профессионального мышления, что дает возможность дифференцировать понятия «профессиональное мышление врача» («врачебное мышление») и «клиническое мышление». С точки зрения А.К. Марковой, специфика предмета, средств, результатов труда, по отношению к которым осуществляются мыслительные операции, позволяет использовать в качестве синонима профессионального мышления врача понятие «клиническое мышление» [10, с. 91]. Однако это несколько противоречит содержанию ключевого термина, определяющего в данном сочетании сущность понятия. «Клинической» является врачебная деятельность, непосредственно направленная на пациента (выполнение профессиональных действий у постели больного). Клиническая врачебная деятельность по определению имеет всегда *прикладной* характер, ее цель – оказание лечебно-диагностической помощи пациенту. О *клиническом мышлении* врача в медицинском сообществе принято говорить в связи с оценкой *умения специалиста видеть, оценивать, определять лечебно-диагностическую проблему во всех аспектах ее профессиональной и субъект-субъектной репрезентативности*. Специализация есть, по сути, формирование клинического мышления врача в конкретной сфере деятельности. В медицине используются понятия терапевтического, хирургического, педиатрического мышления как видов клинического мышления, отражающих специфику областей и предметов профессиональной деятельности, которая выражается в различии компонентов

предмета и средств труда, а также особенностей нозологических состояний пациента.

С нашей точки зрения, в понятии «профессиональное мышление врача» интегрируются два компонента: клиническое мышление и рефлексия профессиональной субъектности. Процесс развития личности врача на всех этапах (уровнях) профессионального образования неперенной подструктурой имеет формирование профессиональной идентичности, Я-концепции, которая соотносится с рефлексивно оцениваемым актуальным Я-образом. Результатом развития этого компонента профессионального мышления является формирование в сознании профессионала динамичного «образа субъекта врачебного труда», в совокупности всех присущих ему ПВК, включение механизмов профессиональной адаптации и самоактуализации. «Если говорить о развитии субъекта труда, – пишет Н.С. Пряжников, – то, прежде всего, следует говорить о развитии его способности самостоятельно осмысливать свою деятельность, самостоятельно находить смыслы этой деятельности и искать пути совершенствования себя в этой деятельности» [14, с. 78].

Опираясь на известное психолого-философское определение сути мышления, приведенное С.Л. Рубинштейном [16, с. 309], мы определяем *профессиональное врачебное мышление как отражение профессионального бытия субъекта врачебной деятельности в его связях и отношениях, в его многообразных опосредованиях*. Основой для выделения таких связей и отношений служит психологический анализ профессиональной врачебной деятельности, который позволяет наметить, в соответствии с двумя основными компонентами профессионального мышления специалиста врачебного труда, два его ведущих вектора развития:

- 1) вектор рефлексии профессиональной субъектности (формирование «образа субъекта», развития профессиональной аутентичности личности врача);
- 2) вектор осмысления и преобразования «образа объекта» врачевания (формирование клинического мышления).

Далее рассмотрим на ряде примеров взаимосвязь типичных профессиональных задач, решаемых врачом в процессе труда, с вектором осмысления и преобразования «образа объекта» врачевания, т.е. с клиническим мышлением. Результаты нормативно-параметрического анализа врачебной деятельности показывают, что в труде врача значительна доля «рутинного элемента» [21]. Так, в Квалификационной характеристике врача – специалиста в области лечебного дела определены 29 типов нормативных алгоритмов, которыми должен владеть врач при формулировании и обосновании клинического диагноза или постановки предварительного диагноза с последующим направлением к врачу-специалисту (третий из восьми основных видов деятельности).

При диагностике и оказании экстренной врачебной помощи детям и взрослым на догоспитальном этапе (четвёртый вид деятельности) врач должен быть готов к выполнению 26 действий-операций, имеющих алгоритмический тип и относящихся к 72 синдромам и симптомо-комплексам [7].

В состав итоговой государственной аттестации выпускника медицинского вуза входит междисциплинарный экзамен, проходящий в три этапа: 1) проверка уровня освоения практических навыков; 2) проверка уровня теоретической подготовленности (тестовый экзамен); 3) оценка умений решать конкретные профессиональные задачи в ходе собеседования. При выполнении заданий первого этапа молодой специалист активизирует два основных вида мышления: *репродуктивное* и *наглядно-действенное*. Положительная оценка практических навыков есть условие допуска к последующим этапам аттестации. Тестовые задания второго этапа (проверка уровня теоретической подготовленности) типологически могут быть отнесены к проверочным тестам первого уровня сложности. Они представляют собой типовые вопросы (задания), ответы на которые выбираются из предложенных нескольких вариантов. К примеру, стандартный вариант тестов междисциплинарного экзамена 2002 г. по специальности «Лечебное дело» состоял из трех блоков: терапевтического, хирургического и блока фундаментальной медицины [18]. В целом требования Государственного образовательного стандарта подготовки специалиста в области лечебного дела в части основ профессиональных знаний отражены в 3164 типовых тестовых заданиях. Для выпускников по специальности «Педиатрия» тестовые задания в 2002 г. включали 2017 вопросов, выделенных в 33 предметных раздела [19]. Выпускник по специальности «Стоматология» в 2002 г. должен был знать правильные ответы на 2613 тестовых вопросов [20]. Ни одно из 7794 проанализированных нами заданий не предполагает актуализации продуктивного или рефлексивного (теоретического) вида мышления у молодого специалиста.

Уровень оценки выпускника, прошедшего второй этап итоговой аттестации, определяется в рейтинговом диапазоне и зависит от двух параметров: количества заданий, на которые он дал ответы в отведенное для этого время, и правильности ответов. Очевидно, что успешность здесь определяется не только наличием знаний, но и высокой скоростью протекания процессов *репродуктивного* мышления, способностью к быстрому воспроизведению материала, хранящегося в оперативной памяти.

На третьем этапе аттестационных испытаний выпускник обнаруживает умения оперировать профессиональными знаниями. Для анализа ситуационных клинических задач и объяснения логики рассуждений, определивших принятие того или иного лечебно-диагностического решения, молодой специалист должен интегрировать разнообразные виды мышления: *репродуктивное*, *продуктивное* (творческое), *наглядно-образное*, *визуальное*, *наглядно-*

действенное, словесно-логическое, аналитическое. Готовность к такому виду интеллектуальной деятельности формируется в процессе профессионального образования и является значимым итогом прохождения первого уровня профессионализации.

Таким образом, психологический анализ аттестационных испытаний, определяющих субъектную готовность выпускника медицинского вуза к выполнению профессиональных видов деятельности, позволяет утверждать, что репрезентативный образ врача-специалиста включает в качестве высокозначимых все виды мыслительных характеристик. На конкретном этапе актуальной клинической ситуации принятие лечебно-диагностического решения обеспечивается готовностью клинициста к мыслительным операциям соответствующего вида.

Результат диагностических действий врача – принятие решения – представляет собой «горячий когнитивный процесс» [17, с. 116]. Он протекает нередко на фоне интенсивных эмоциональных переживаний пациента, его близких, при высоком социальном контроле, сопровождающем деятельность врача, повышенных физических и психоэмоциональных нагрузках. В этих условиях успешность лечебно-диагностической деятельности обеспечивается оптимальным сочетанием разнообразных видов клинического мышления, включенных в процесс принятия решения:

- практического, нередко развертывающегося в условиях дефицита времени, сопровождающегося «чутьем» ситуации и связанного с целостным видением ситуации, прогнозированием ее изменений, с постановкой целей, выработкой планов;
- репродуктивного, воспроизводящего определенные способы, приемы профессиональной деятельности по образцу (алгоритму);
- продуктивного творческого, позволяющего ставить проблемы, выявлять новые стратегии, противостоять экстремальным ситуациям;
- словесно-логического;
- наглядно-действенного;
- аналитического, логического, включающего все развернутые во времени и имеющие выраженные этапы мыслительные операции;
- интуитивного, характеризующегося быстротой протекания и минимальной осознанностью.

Этот перечень необходимо дополнить активно исследуемым в настоящее время *визуальным* типом мышления, которое занимает специфическое место в деятельности врача [6].

В качестве примеров, подтверждающих системный характер клинического мышления, рассмотрим процесс принятия диагностического решения в усло-

виях дефицита времени в практике хирурга, педиатра, стоматолога (эпизоды комментировались квалифицированными экспертами в составе эмпирической выборки нашего исследования, представлявшими соответствующие врачебные специализации).

1. Экстренная хирургия. *Вид неотложного состояния*: синдром острого живота [12, с. 482–498]. *Врачебная задача*: поставить дифференцированный диагноз и оказать экстренную врачебную помощь. *Алгоритм диагностических действий хирурга*: 1) сбор жалоб и анамнеза жизни; 2) осмотр по органам и системам: а) измерение температуры, подсчет частоты пульса, дыхания; б) осмотр стоя, лежа, на боку, осмотр кожи; в) перкуссия, пальпация, аускультация; г) определение эмоциональной окраски болей, остроты, интенсивности и времени возникновения; д) клиничко-лабораторные исследования: общий анализ крови, общий анализ мочи, коагулограмма, биохимия крови, С-реактивный белок, группа крови, резус-фактор; е) инструментальные методы обследования: УЗИ; R-графия органов брюшной полости, грудной полости и др.; ж) NB! исключение слабительных, обезболивающих, тепла на область живота до выяснения причины, вызвавшей острое состояние; 3) постановка диагноза и определение тактики ведения больного.

2. Неонатология. *Состояние пациента*: новорожденность. *Врачебная задача*: проведение теста жизнеспособности новорожденного (шкала Апгар). *Алгоритм диагностических действий неонатолога*: 1) оценка частоты дыхания и сердцебиения; 2) оценка состояния рефлексов; 3) оценка мышечного тонуса; 4) осмотр кожных покровов; *диагностическая задача*: 5) определение балла по шкале Апгар и жизнеспособности новорожденного; 6) решение вопроса о необходимости интенсивной терапии. *Актуализированные виды мышления* (соответственно последовательности диагностических действий): 1) наглядно-действенное; 2) наглядно-действенное, визуальное, репродуктивное; 3) наглядно-действенное, визуальное, репродуктивное; 4) наглядно-образное, визуальное; 5) репродуктивное, аналитическое; 6) продуктивное, творческое; интуитивное (предположение о возможном патологическом процессе).

3. Стоматология терапевтическая. *Вид неотложного состояния*: острая зубная боль. *Алгоритм лечебно-диагностических действий стоматолога*: 1) беседа для выяснения характера жалобы; 2) получение данных анамнеза; 3) системный осмотр и пальпация больного зуба и рядом расположенных зубов; 4) принятие решения о проведении специальных методов обследования и их назначение, анализ полученных данных (рентгенографии и др.); 5) постановка предварительного и окончательного диагноза, отражающего сущность заболевания, его нозологическую форму, степень морфологических, функциональных нарушений, этиопатогенетические особенности проявления; сопутствующие заболевания, которые будут влиять на стоматологический статус (аллергический фон, эндокринная и сердечно-сосудистая патология и пр.); 6) составление

плана лечения, включающего подготовку полости рта, инструментария и лечебные мероприятия; 7) проведение лечебных мероприятий по плану и ведение дневника терапевтического лечения, заполняемого по нормативным требованиям к форме и содержанию; 8) эпикриз и прогноз терапевтического лечения, составляемые также по нормативной форме (Ф.И.О., возраст, жалобы пациента в день обращения в клинику; диагноз; данные, полученные по результатам специального обследования; содержание проведенного лечения, его результат; прогноз) [11, с. 47–54]. Здесь, несомненно, имеет место системная организация всех видов мыслительной деятельности специалиста: от алгоритмичного, репродуктивного, практического до аналитического и интуитивного.

Таким образом, клиническое мышление врача можно рассматривать как системный психический процесс, направленный на решение задач профессиональной деятельности. Принимая концепцию временного анализа труда, предлагаемую Ю.К. Стрелковым [17], можно предположить, что в роли системообразующего феномена данного процесса выступает фактор времени. Это время, отраженное в этапах профессиогенеза; время принятия лечебно-диагностического решения; время, в течение которого развивается каждый индивидуальный клинический случай и накапливается клинический нозологический опыт врача.

В целом клиническое мышление – субъектное свойство, формирующее значимые психические регуляторы врачебного труда. В развитии состояния клинического мышления есть результирующая разносторонних медицинских и гуманитарных знаний, продолжительного опыта, профессиональной интуиции врача. Развитие исследований в данном направлении – одна из актуальных задач психологии медицинского труда.

Библиографический список

1. Абрамова Г.С., Юдчиц Ю.А. Психология в медицине: учеб. пособие. М.: ЛПА «Кафедра-М», 1998.
2. Андронов В.П. Профессиональное мышление врача и возможности его формирования // Психологическая наука и образование. 1999. № 2.
3. Андронов В.П. Психологические основы формирования профессионального мышления врача // Вопросы психологии. 1991. № 4.
4. Андронов В.П. Психологические основы формирования профессионального мышления (на материале профессии врача – хирурга): дис. ... д-ра психол. наук. Саранск, 1992.
5. Вознесенский Б.Б. Врачебное мышление. Формирование и способы его оценки (психолого-педагогические аспекты). М.: ЦОЛИУВ, 1980.
6. Иванов Л.М. Роль визуальных представлений врача-рентгенолога в процессах опознания патологии на рентгенограммах: автореф: дис. ... канд. психол. наук. М., 1989.

7. Квалификационная характеристика выпускника по специальности 04.01.00 – «Лечебное дело». М.: Министерство здравоохранения РФ, 2000.
8. Климов Е.А. Введение в психологию труда. М.: Изд-во МГУ, 1998.
9. Конечный Р., Боухал М. Психология в медицине. Прага: Авиценум, 1983.
10. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996.
11. Методические разработки к практическим занятиям по пропедевтике терапевтической стоматологии. Краснодар: КГМА, 1999.
12. Неотложные состояния: диагностика, тактика, лечение: справочник для врачей. Минск: «Беларусь», 1999.
13. Платонов К.К. Вопросы психологии труда. М.: Медицина, 1970.
14. Пряжников Н.С. Психологический смысл труда: учеб. пособие к курсу «Психология труда и инженерная психология». М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО МОДЕК, 1997.
15. Психологические основы формирования профессионального мышления / под ред. В.П. Андропова. Саранск, 1984.
16. Рубинштейн С.А. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.
17. Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология. М.: Академия; Высшая школа, 2001.
18. Типовые тестовые задания для итоговой государственной аттестации выпускников высших медицинских учебных заведений по специальности 040100 «Лечебное дело». М.: ГОУ ВУНМЦ МЗ РФ, 2001. Ч. 1–3.
19. Типовые тестовые задания для итоговой государственной аттестации выпускников высших медицинских учебных заведений по специальности 040200 «Педиатрия». 3-е изд, перераб. и доп. М.: ГОУ ВУНМЦ МЗ РФ, 2001.
20. Типовые тестовые задания для итоговой государственной аттестации выпускников высших медицинских учебных заведений по специальности 040400 «Стоматология»: в 3 ч. М.: ГОУ ВУНМЦ МЗ РФ, 2002.
21. Ясько Б.А. Психология личности и труда врача: учеб. пос. Ростов н/Д: Феникс, 2005.

ВЛИЯНИЕ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОДИТЕЛЕЙ НА КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ РЕБЁНКА

.....

Т.К. Хозяинова, Л.А. Макухина¹

Современная семья переживает изменения, которые характеризуются как кризисные. Разрушение традиционного уклада семьи, рост числа разводов, сокращение рождаемости – признаки, сопутствующие этим изменениям. Чаще всего к причинам этого относят изменение ценностей супругов, и прежде всего женщины [3; 4]. Происходит активное смещение ее интересов в профессиональную сферу, что приводит к изменению традиционных семейных ценностей не только у женщин, но и у мужчин, которые не могут не считаться с тем, что женщина меньше уделяет внимания и времени семейным обязанностям, традиционно считающимися женскими. Изменения в ролевой структуре семьи зачастую порождает напряженные отношения между супругами или выливается в открытые конфликты. Кроме того, возникает так называемая проблема двойной идентичности, касающаяся дилеммы работа–семья.

Для ребенка отношения между его родителями как супругами являются составляющей социальной ситуации его развития, поэтому изменения, происходящие в отношениях родителей, касаются личности ребенка. Вместе с тем закономерности становления личности ребенка в контексте изменяющихся отношений между родителями – малоизученный аспект в психологических исследованиях.

В нашем исследовании была выдвинута гипотеза о том, что качества личности ребенка обусловлены характером отношений между его родителями как

---

¹ Хозяинова Татьяна Константиновна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: hozjainova@mail.ru;

Макухина Людмила Александровна – соискатель кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета, старший преподаватель кафедры психологии Краснодарского института переподготовки педагогов образования. Эл. почта: aaa.psiholog@rambler.ru.

супругами, и поставлена *цель*: изучить связи между качествами личности ребенка и супружескими отношениями родителей ребенка.

В ходе теоретического анализа были выделены наиболее важные характеристики супружеских отношений: семейные ценности супругов и их согласованность, особенности общения, удовлетворенность браком. Проведен анализ факторов становления личности ребенка в семье, в частности, отношения в основных семейных подсистемах – детско-родительской и супружеской. Изучение супружеских отношений как фактора становления личности ребенка представлено исследованиями влияния деструктивных отношений (конфликтных, ситуации развода) между родителями на ребенка [6; 7]. Но разнообразные отношения, которые связаны с изменяющимися ценностями, распределением ролей между супругами, будут также менять условия, в которых развивается ребенок. Для выявления особенностей влияния супружеских отношений родителей на качества личности ребенка было проведено эмпирическое исследование. В исследовании приняли участие 74 семейные пары и их дети дошкольного возраста (74 ребенка).

Для оценки супружеских отношений использовались методики: опросник «Общение в семье» [1], тест-опросник «Удовлетворенность браком» [5], опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) [2]. Качества личности ребенка изучались с помощью методики «Кинетический рисунок семьи», теста тревожности Р.Темпла, методики Рене–Жиля, а также разработанной авторами статьи анкеты оценки качеств личности ребенка воспитателем детского сада.

Анализ семейных ценностей супругов, выявленных по методике РОП (см. таблицу) позволил сделать следующие выводы. Для женщин в среднем по выборке наибольшую значимость имеют эмоционально-психотерапевтическая функция семьи и сфера личностной идентификации. На третьем месте – сфера социальной активности. Традиционно женская сфера материнства (родительско-воспитательная ценность) занимает лишь четвертое место в иерархии ценностей, разделяя его с желанием иметь привлекательный внешний вид; хозяйственно-бытовая оказалась на шестом месте. Все это свидетельствует о том, что у женщин происходит уход от традиционных ценностей семьи.

У мужчин отмечается аналогичная тенденция. Для них наиболее значимы родительско-воспитательная функция семьи и сфера личностной идентификации. На третьем месте находится эмоционально-психотерапевтическая функция. Традиционно приоритетная для мужчин сфера социальной активности оказалась на четвертом, а хозяйственно-бытовая сфера – на последнем месте. Приведенные данные говорят о том, что у мужчин также происходит трансформация традиционных семейных ценностей.

С помощью методики РОП были рассчитаны показатели ролевой адекватности каждого из супругов. Это значение представляет собой разность ожиданий и притязаний супругов. По показателям средних значений ролевой адекватности

Иерархия семейных ценностей респондентов (в среднем по выборке)

Шкала ценностей	Балл	Ранг
Мужчины		
Родительско-воспитательная	6,9 ± 1,18	1–2
Личностная идентификация	6,9 ± 1,52	1–2
Эмоционально-психотерапевтическая	6,8 ± 1,14	3
Социальная активность	6,6 ± 1,48	4
Интимно-личностная	6,5 ± 2,01	5
Внешний вид	6,3 ± 1,58	6
Хозяйственно-бытовая	6,0 ± 1,23	7
Женщины		
Эмоционально-психотерапевтическая	7,4 ± 1,16	1
Личностная идентификация	7,3 ± 1,49	2
Социальная активность	6,8 ± 1,43	3
Родительско-воспитательная	6,7 ± 1,27	4–5
Внешний вид	6,7 ± 1,42	4–5
Хозяйственно-бытовая	6,2 ± 1,57	6
Интимно-личностная	5,6 ± 1,83	7

мужчины больше соответствуют ожиданиям своих жен, чем женщины ожиданиям своих мужей ($t = 2,52$, различия статистически значимы на уровне 95 %). Вероятно, это связано с тем, что современные социально активные женщины все менее соответствуют традиционному представлению мужчин об идеальной жене (прежде всего как о хорошей хозяйке и матери).

Таким образом, подтвердилась обсуждаемая многими исследователями тенденция изменения семейных ценностей супругов [3; 4; 7]. Традиционные гендерные ценности оказались во второй половине списка семейных ценностей как у мужчин, так и у женщин.

Анализ среднегрупповых показателей общения между супругами выявил, что вклад женщин в обеспечение качества общения в семье более значителен, что признается их супругами. Иногда жены оценивают вклад своих супругов выше, чем сами мужья, что можно объяснить высокой ценностью для них эмоционально-психотерапевтической сферы семейной жизни и высокими ожиданиями участия в ней супругов. Наибольшее внимание супруги уделяют факторам взаимопонимания и психотерапевтичности общения в семье.

Среднегрупповые показатели удовлетворенности браком у мужчин и женщин свидетельствуют о семейном благополучии, но удовлетворенность браком мужчин в исследуемых семьях значимо выше, чем у женщин ($t = 1,79$, уровень значимости – 90 %).

Для выявления типичных сочетаний характеристик супружеских отношений был проведен кластерный анализ в соответствии с иерархией ценностей супругов. На основе полученных данных выделены 4 типа брачного партнерства с характерными симптомокомплексами супружеских отношений.

1. Социально активные супружеские пары с приоритетом у мужа и жены ценности социальной активности характеризуются сходством во взглядах, психотерапевтичностью общения, взаимопониманием между супругами, средним показателем удовлетворенности браком. К негативным показателям супружеских отношений этого типа супружества относятся разногласия в оценке хозяйственно-бытовой сферы и низкий уровень доверительности общения (всего 25 семей).

2. Детоцентрические супружеские пары характеризуются преобладанием ценности родительско-воспитательной сферы у обоих супругов. Супружеские отношения отличаются высокой согласованностью взглядов в хозяйственно-бытовой сфере, высокой степенью удовлетворенности браком обоих супругов, а также взаимопониманием, сходством взглядов, доверительностью общения. К отрицательным показателям относятся высокая рассогласованность ценностей в сфере личностной идентификации с супругом (супругой), что может свидетельствовать об отсутствии любви между супругами, когда брак сохраняется и отношения строятся только на основе любви к детям (всего 17 семей).

3. Супружеские пары с комплементарным распределением ролей в сферах родительско-воспитательной и социальной активности (или хозяйственно-бытовой) с преобладанием в большом количестве семей доминирования жены в сфере социальной активности. Супругам свойственна высокая доверительность общения, взаимопонимание, сходство взглядов в интимно-личностной сфере (всего 25 семей).

4. Супружеские пары, у которых родительско-воспитательная сфера и сфера социальной активности приоритетны как для мужа, так и для жены – «полицентрические». Супружеские отношения отличаются большими расхождениями в оценке интимно-личностной и хозяйственно-бытовой функций, а также низкой оценкой мужем и женой их психотерапевтичности общения, отсутствием сходства взглядов, по мнению супруги, невысокой удовлетворенностью браком обоих супругов. Такие отношения относятся к дисфункциональным (всего 7 семей).

Выявленные типы супружеских отношений характеризуются различными симптомокомплексами супружеских отношений и наиболее типичны для данной выборки респондентов.

Для выяснения влияния каждой составляющей супружеских отношений и их типичных сочетаний на качества личности ребенка был проведен статистический анализ данных. С помощью корреляционного анализа были выявлены статистически значимые связи каждой из составляющих супружеских отноше-

ний (семейных ценностей супругов и их согласованности, особенностей общения, удовлетворенности браком) с качествами личности ребенка ($0,23 < r < 0,51$, уровень значимости – 95 %). Поясним эти положения.

С показателями качеств личности ребенка выявлены связи с семейными ценностями мужа и жены: родительско-воспитательной, хозяйственно-бытовой, интимно-личностной, эмоционально-психотерапевтической – для мужа и жены; социальной активности – для жены; внешней привлекательности – для мужа. Влияние этих ценностей родителей на ребенка неоднозначно. Преобладание у супругов значимости родительско-воспитательной, хозяйственно-бытовой и эмоционально-психотерапевтической сфер связано с позитивными характеристиками личности ребенка, такими, как общительность, любознательность, психологическая близость к родителям, положительное отношение к воспитателю. Но есть ценности супругов, связанные с негативными проявлениями личности ребенка. С увеличением значимости социальной активности матери у ребенка ухудшается отношение к родителям как к супружеской чете, появляется отгороженность во взаимоотношениях с окружающими. Повышение значимости для жены интимно-личностных отношений с супругом приводит к появлению конфликтности у ребенка, а важность для мужа внешнего вида усиливает застенчивость и агрессивность ребенка.

Выявлены связи качеств личности ребенка с такими особенностями общения между его родителями, как сходство во взглядах, взаимопонимание, доверительность общения, легкость общения, наличие общих символов семьи и психотерапевтический потенциал общения. При изменении общения между супругами в сторону позитивности у ребенка снижаются негативные качества – конфликтность, нерешительность, застенчивость, тревожность, также для них не характерно чувство неполноценности, враждебности семейной ситуации, при этом проявляется позитивное отношение к другим людям и близость к отцу.

Меньше связей выявлено между согласованностью семейных ценностей, ролевой адекватностью супругов, их удовлетворенностью браком и качествами личности ребенка. С увеличением сходства семейных ценностей супругов в сферах эмоционально-психотерапевтической, личностной идентификации ребенок становится исполнительным, у него снижается нерешительность и капризность. При проявлении ролевой адекватности мужа для ребенка характерна любознательность, а ролевая адекватность жены связана со снижением застенчивости ребенка. Удовлетворенность браком супругов снижает тревожность детей.

Были также установлены связи между выявленными типами супружеских отношений и качествами личности ребенка. Для этого в каждом из выделенных типов семьи были рассчитаны средние показатели характеристик личности ребенка и затем сопоставлены оценки по всем качествам личности детей из разных типов семей. Были выявлены различия на 95 % уровне значимости между показателями качеств личности детей, что позволило сделать следующие выводы:

– дети из семей с ориентацией родителей на социальную активность по сравнению с детьми из других типов семей обладают наименьшей тревожностью, застенчивостью и нерешительностью, но в то же время у них снижена общительность, а отношения с родителями и другими детьми характеризуются психологической дистанцией;

– дети в семьях с детоцентрической ориентацией родителей отличаются положительным отношением к родителям, друзьям, воспитателю, повышенной общительностью, отсутствием чувства неполноценности, но для них характерны и отрицательные качества – конфликтность, тревожность;

– дети в семьях с комплементарным распределением ролей между родителями отличаются исполнительностью, открытостью общения, низкой конфликтностью, но в то же время для них характерна высокая тревожность;

– в полицентрической семье с дисфункциональными отношениями между родителями у детей проявляются негативные качества, дети тревожны, необщительны, отличаются отгороженностью, чувством неполноценности и отдаленностью от отца.

Таким образом, данные эмпирического исследования подтвердили выдвинутую гипотезу об обусловленности качеств личности ребенка супружескими отношениями: каждая из характеристик супружеских отношений родителей ребенка оказывает влияние на определенные качества личности ребенка. Также была выявлена тенденция изменения традиционных семейных ценностей у супругов и показаны наиболее типичные симптомокомплексы супружеских отношений, которые обуславливают качества личности ребенка.

Результаты исследования могут использоваться для совершенствования психологической помощи супругам, в качестве научного обоснования при разработке коррекционных программ психологической поддержки личности ребенка.

Библиографический список

1. Алёшина Ю.Е. Индивидуальное и семейное консультирование. М.: Класс, 2000
2. Волкова А.Н., Трапезникова Т.М. Методические приемы диагностики супружеских отношений // Вопросы психологии. 1985. № 5.
3. Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю. Российская семья на европейском фоне. М.: Эдиториал УРСС, 1998.
4. Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Академия, 2003.
5. Столин В.В., Романова Т.Л., Бутенко Г.П. Опросник удовлетворенности браком // Вестник МГУ. Психология. 1984. № 2.
6. Сысенко В.А. Супружеские конфликты. М.: Мысль, 1989.
7. Целуйко В.М. Психология неблагополучной семьи. М.: Владос-Пресс, 2003.

**НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНОГО
ПОДХОДА: НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ
75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН А.В. БРУШЛИНСКОГО
(МОСКВА, 15–16 ОКТЯБРЯ 2008 Г.)**

.....

А.Н. Кимберг¹

В октябре 2008 г. в Институте психологии РАН состоялась Всероссийская научная конференция «Личность и бытие: субъектный подход». Для нас она особо важна тем, что впервые Кубанский государственный университет выступал со-организатором столь крупного научного мероприятия на главной академической научной площадке страны. Руководил подготовкой конференции в Институте психологии известный российский психолог, ученик и последователь А.В. Брушлинского, автор нескольких хорошо известных нам монографий, доктор психологических наук Виктор Владимирович Знаков. С психологами Кубанского государственного университета Виктора Владимировича Знакова связывают давние дружеские отношения и опыт плодотворного научного сотрудничества. Конференция 2008 г. подводит своего рода итог серии научных конференций под общим названием «Личность и бытие: субъектный подход», которые Кубанский государственный университет совместно с Институтом психологии РАН проводил в 2002, 2003 и 2005 гг.

В конференции, посвященной юбилею Андрея Владимировича Брушлинского, видного ученого и мыслителя, в течение многих лет руководившего Институтом психологии РАН, приняли участие более двухсот человек. Среди них была и представительная команда психологов нашего университета. Подводя итоги состоявшейся встречи, мы можем говорить сегодня о том, что во многом сложилось научное поле, в котором различные исследова-

---

¹ Кимберг Александр Николаевич – кандидат психологических наук, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: akimberg@gmail.com

тели ставят проблемы, относящиеся к таким конструктам, как субъект, субъектность, со-бытие, человеческое бытие. Это поле и осуществляемые в нем поиски эффективного теоретического инструмента для описания и объяснения настоятельных и часто неожиданных проблем современного мира уже доступны рефлексивному анализу.

Я опушу в своем обзоре детальный рассказ о самой конференции с ее разнообразными дискуссиями, встречами в коридорах Института психологии и гостиницы, о безусловно удавшемся фуршете и обращусь к темам ведущих сообщений и текстам тезисов участников конференции.

Но вначале о некоторых количественных характеристиках складывающегося научного поля. Привлекательность конференции, которая в рассылках оргкомитета называлась кратко «Брушлинский-2008», а именно: статус главного организатора – Института психологии РАН, грантовое финансирование публикаций, широкое и оперативное информирование обо всех этапах подготовки позволяет мне обоснованно считать, что в толстом голубом томе материалов конференции мы найдем всех (или почти всех) активных психологов, кто хотел бы, чтобы их работа была видна коллегам, работающим в этом поле, и, естественно, сам претендует на работу в нем. Так вот, итоговый сборник материалов конференции объединяет тексты докладов 208 авторов, идентифицировавших себя как исследователей, по научным интересам близких проблеме бытия субъекта в современном мире и желающих вести научное общение в складывающемся сообществе.

Мы можем наблюдать также те психологические центры и коллективы, которые включены в создание и развитие идеологии концептов субъекта и субъектности. Это, прежде всего, Институт психологии РАН, представленный 37 авторами, причем 12 из них выполняли исследование, о котором сообщали, в рамках грантов РФНФ и других научных фондов. Затем идет второй со-организатор конференции – Кубанский государственный университет и ассоциированные с ним исследователи, представленный 22 учеными, из которых только двое (и для нас это должно быть поводом для размышлений) опирались на институционализированную поддержку своих научных исследований.

Далее в числе ведущих научных коллективов этой области идут, естественно, Психологический институт Российской академии образования (12 участников, четыре гранта), Московский государственный университет (11 участников, один грант), Ярославль (главным образом государственный университет, но не только – 10 участников, четыре гранта), Казанский государственный университет (9 участников, один грант), Самара (государственный университет и не только – 9 участников, один грант), Санкт-Петербург (8 участников), Саранск (7 участников), Кострома, Смоленск, Курск, Ростов и Таганрог (Южный федеральный университет), которые прислали на конференцию по 4–5 авторов. Приятной новостью оказалось активное участие в исследовании

проблемы коллег из Таганрога, где на трех участников пришлось два поддерживаемых грантами исследования.

В проблематику субъекта включены также и ученые Армавира, Братска, Волгограда, Воронежа, Ижевска, Иркутска, Кургана, Магнитогорска, Набережных Челнов, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Обнинска, Омск, Перми, Пятигорска, Тулы, Ульяновска, Уссурийска, Челябинска и Шадринска.

Разумеется, количественный обзор такого рода не может дать прямого представления о научных вкладах, но он отчетливо показывает те точки, в которых складываются коллективы исследователей, использующих методологию субъектно-бытийного подхода.

Теперь об уровне участников: в конференции участвовали ведущие исследователи в поле субъектно-бытийного подхода, психологии саморегуляции, экономической и социальной психологии. Поскольку в новом научном поле статусы и ранги еще устойчиво не распределились и движение продолжается, то следует рассказать о коллегах, которые выступали на пленарных заседаниях и руководили секциями. О некоторых личных пристрастиях и оценках я постараюсь рассказать позже, возможно, в тексте, который будет иметь более авторский характер.

Итак, пленарные заседания: прозвучало приветственное слово директора ИП РАН доктора психологических наук, члена-корреспондента Российской академии наук А.Л. Журавлева, затем воспоминания об Андрее Владимировиче Брушлинском его друга, известного отечественного философа В.А. Лекторского.

После этого начались собственно содержательные доклады основных носителей субъектно-бытийного дискурса и значимых в научном сообществе экспертов. Прозвучали доклады В.В. Знакова (ИП РАН) «Психология субъекта А.В. Брушлинского, герменевтика субъекта М. Фуко и психология человеческого бытия», З.И. Рябикиной (КубГУ) «Теоретические перспективы интерпретации личности с позиций психологии субъекта А.В. Брушлинского», Д.А. Леонтьева (МГУ) «К проблеме субъекта и субъектности в психологии», И.Б. Дермановой (СПбГУ) «Парадигма субъекта: структурно-функциональный подход», В.И. Моросановой (ПИ РАО) «Развитие осознанной саморегуляции как основа и критерий становления человека как субъекта», Е.А. Сергиенко (ИП РАН) «Развитие идей психологии субъекта А.В. Брушлинского: системно-субъектный подход».

Во второй день работы конференции на вечернем пленарном заседании выступили с докладами А.Н. Ждан (МГУ) «Преемственность в развитии идей: проблема субъекта в творчестве А.В. Брушлинского и Г.Г. Шпета», В.Т. Кудрявцев (РГГУ, Москва) «А.В. Брушлинский и В.В. Давыдов: мировоззренческая общность», гостя из дружественной Болгарии М.Д. Няголова (Велико

Търново) «Проблема свободы субъекта в творчестве А.В. Брушлинского», В.В. Селиванов (Смоленский ГУ) «Онтогенез субъекта», Н.Е. Харламенкова (ИП РАН) «Парадоксы развития субъекта», М.И. Воловикова, М.Ю. Колпакова (ИП РАН) «История разработки А.В. Брушлинским микросемантического анализа и современные перспективы применения», Д.Б. Богдавленская (ИП РАН) «А.В. Брушлинский: следуя традиции школы» и В.А. Кольцовая (ИП РАН) «Рыцарь психологии (к юбилею А.В. Брушлинского)».

Всего на конференции работало пять секций:

- «Личность в отношениях со-бытия с другими людьми»;
- «Субъектные и личностные характеристики саморегуляции человека»;
- «Индивидуальный и групповой субъект в современных социальных условиях»;
- «Субъект развития, субъект деятельности, субъект жизни»;
- «Психология субъекта и психология человеческого бытия».

Работой секций руководили ведущие исследователи в заявленных направлениях. С удовольствием могу отметить, что наши коллеги как организаторы мероприятия активно работали во многих секциях. Итак, вот руководители секций: Г. Б. Горская (КГУФК, Краснодар), А.Н. Дёмин (КубГУ), Л.Н. Ожигова (КубГУ), З. И. Рябкина (КубГУ), Г.Ю. Фоменко (КубГУ), А.А. Журавлев (ИП РАН), В. В. Знаков (ИП РАН), В.И. Моросанова (ПИ РАО), Е. А. Сергиенко (ИП РАН), Н. Е. Харламенкова (ИП РАН), В. А. Лабунская (ЮФУ, Ростов-на-Дону), А.О. Прохоров (Казанский ГУ), Н. В. Гришина (СПбГУ), Т. Л. Крюкова (Костромской ГУ), А. С. Чернышев (Курский ГУ).

Теперь некоторая рефлексия по поводу состояния нашего научного поля. Несмотря на явный интерес участников к совместной работе, общее видение содержания базовых конструктов и приемлемых методологических ходов скорее складывается, чем присутствует. Поле продолжает формироваться, и предложения по поводу того, как должен быть оформлен доминирующий в нем дискурс, продолжают озвучиваться. При этом ведущие теоретики нового научного пространства ведут себя очень аккуратно, хорошо понимая все множество еще не решенных вопросов и нащупывая возможные точки соприкосновения, полевые же исследователи часто полагают, что все вопросы уже решены, и активно применяют различные измерения субъектности или списки составляющих ее качеств. Попытаюсь выделить те точки, вокруг которых завязываются явные или неявные дискуссии.

Первая из них – это перманентная дискуссия о главенствующем теоретическом понятии: «что во что входит». Основными действующими конструктами здесь выступают субъект и личность. Позиция А.В. Брушлинского по поводу самодостаточности понятия «субъект» хорошо известна, ее разделяют ряд психологов, вместе с тем возможность корректно оперировать конструк-

том субъекта требует отчетливой договоренности внутри сообщества об его отношении к конструкту личности. Основной упрек звучит так: философское понятие субъекта некритично перенесено в психологию, нельзя использовать конструкт субъекта так же расширительно, как личность, он всегда привязан к чему-либо: «...статус субъекта (или несубъекта) не может характеризовать действующего индивида вообще, вне конкретного взаимодействия с миром. Только применительно к конкретной ситуации деятельности, взаимодействия, познания, отношения, бытия-в-мире и можно говорить о том, выступает ли в данном случае индивид как полноценный субъект этого отношения или нет» (Д.А. Леонтьев [1, с. 71]).

И для сравнения тут же: «Личность – это стержневая структура субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвития. <...> Личность задает направление движения, а субъект его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека» (Е.А. Сергиенко [1, с. 57]).

И еще один способ уложить наиболее компактным образом оба эти понятия, который предлагает З.И. Рябикина: «Становление личности есть следствие субъектной позиции, которую человек занимает по отношению к миру и к самому себе. <...> Субъектность может быть доличностной, личностной, внеличностной, а личность в различных пространствах своего бытия в разной степени способна реализовывать субъектную позицию» [1, с. 51]. «Именно активность субъекта придает целостность, неразрывность всем разнообразным качествам человека» [1, с. 52].

Следующая точка для дискуссии относится к тому, является ли человек субъектом многих видов активности, т.е. множественным субъектом, либо субъект всегда один, а если так, то как обеспечивается его единство (по умолчанию участники этой дискуссии полагают, что такое единство необходимо). Цитирую Ю.К. Стрелкова: «Множественность ролей и сценариев, которые, прерываясь, продолжают, указывает на множество и разнообразие норм и даже ритмов, временных режимов поведения человека в различных ситуациях, представляет собой полезную модель социального поведения человека. Но следует ли при этом отказываться от деятельностного подхода? Может быть, следует признать ограниченность объяснительной силы понятия “субъект” и искать переходы между понятиями “личность” и “субъект”, “человек и субъект”, “человек и личность” и т.д.?» [1, с. 192].

Переход, или «транзит», между деятельностью, процессами, субъективными мирами акцентирует, вводя конструкт единого субъекта, и М.Ш. Магомед-Эминов, задавая нам образ транзитного субъекта, перемещающегося по мирам собственного существования «между одним бытием и другим бытием, между индивидуацией и приобщением, между одной культурой и другой культурой» [1, с. 271].

Понятно, что овладение ведущим дискурсом не только мило сердцу его автора, но и предоставляет ему разнообразные дивиденды, что, безусловно, оживляет академическую жизнь. Позволю здесь сослаться на собственное выступление, в котором также обсуждалась проблема сочетания различных подходов и формулировалась идея прагматического компромисса: признания, что для решения различных задач уместны различные теоретические конструкции и не стоит, во всяком случае, на начальном этапе развития научного поля пытаться создавать моноконструкции на базе любимого базового понятия (на самом деле, это выполнимо, но бесполезно для становящегося сообщества). Важно только отчетливо формулировать исходные посылки и характер задач, для решения которых предлагается данный конструкт (А.Н. Кимберг [1, с. 38–40]).

Довольно сильная исследовательская линия связана с попыткой обработать проблематику субъекта и субъектности в теоретической модели саморегуляции: «...именно понятие саморегуляции выводит представления о субъекте из философского и методологического поля в психологическое» (В.И. Моросанова [1, с. 417]). Субъект в этом подходе – это «индивид как индивидуально своеобразная система самоорганизации, регуляции поведения и саморегуляции личности...» (В.И. Моросанова [1, с. 418]), «высшим уровнем саморегуляции является уровень субъектной саморегуляции...» (Л.Г. Дикая [1, с. 423]).

Еще в одном направлении, представленном на конференции А.В. Карповым и его учениками, метакогнитивные процессы рассматриваются как основа феномена субъекта: «...базовым качеством субъекта фактически и выступает метапознавательная активность, которая лежит в основе саморегуляции, сознательной компенсации ограничений, определения пути и перспектив когнитивного и личностного развития» [1, с. 66]. В трактовке автора метакогнитивные процессы становятся таким качеством, которое в какой-то момент делается тождественным сущности. Как иначе можно понять такое определение свойства рефлексивности: «...именно рефлексивность является свойством, позволяющим психике дифференцировать, выделить и зафиксировать в самой себе те или иные стороны своей качественной определенности, репрезентировать их затем как свои собственные свойства. В этом проявляется генеративно-порождающий потенциал рефлексивности: она раскрывается как такое качество субъекта, суть которого состоит в его способности к экспликации, выявлению, “распознаванию”, а в известной степени – и к формированию своих новых качеств; к их осознанию и репрезентации как своих и образующих “самость” психики, т.е. фактически, субъектность как таковую» [1, с. 69].

Тема рефлексивности как ведущей способности субъекта примыкает к одной из наиболее разработанных в данном направлении областей – психологии понимания (в ином прочтении – герменевтике субъекта). «Познавая себя, субъект познает мир, а любое познание основано на самопонимании, – пишет

В.В. Знаков. – Познание и понимание, основанные на ценностных суждениях, невозможны без изменения субъекта: преобразование себя открывает ему другой взгляд на мир, в котором значимы иные, чем ранее, ценности» [1, с. 36]. Различные аспекты исследования самопонимания субъекта, выполненные в этой методологии, представлены также в сообщениях Е.А. Аверкиной, В.Г. Аникиной, А.О. Руслиной, Д.И. Степанова, О.В. Стольниковой.

Отдельная тема, уже имеющая достаточную историю, – это исследование сущности и структуры коллективного или группового субъекта. Основы концепции коллективного субъекта были сформулированы в свое время А.Л. Журавлевым и теперь успешно конкретизируются на различном эмпирическом материале: от предпринимателей до больших социальных групп (в частности, в сообщениях В.П. Познякова, А.Б. Купрейченко и А.С. Моисеева, А.В. Микляевой, А.С. Чернышева, С.Ю. Флоровского).

Теперь подробнее о темах докладов моих коллег, представляющих психологическое сообщество Кубанского государственного университета. Все исследования, естественно, выполнены в рамках субъектно-бытийного подхода. Применения или приложения субъектно-бытийного подхода многообразны. Собственно, достаточно работать с регулятивными механизмами, действующими в масштабах целостного человека (так называемый субъектный уровень саморегуляции), и наблюдать особенности их функционирования в различных ситуациях, чтобы исследование можно было бы классифицировать как основанное на принципах субъектно-бытийного подхода.

Итак, обзор вклада нашей делегации (если я пропустил что-то важное или прибавил что-то лишнее – заранее приношу извинения).

С.Ю. Флоровский (КубГУ) добавляет в проблемную область коллективного или группового субъекта теоретически проработанные и эмпирически исследованные модели такого механизма его функционирования, как совместная управленческая деятельность. Модель СОУД наполняет реальным содержанием все три необходимых признака коллективного субъекта: взаимозависимость, координированную активность, рефлексивность [1, с. 403–406].

Г.Ю. Фоменко (КубГУ) описывает феномен «обрыва личностной перспективы» у действующих сотрудников внутренних дел и квалифицирует его как разрушительный для личности: «... “жизнь без будущего” – это не оптимальный приспособительный маневр... При видимой разумности подобной позиции она является ущербной для самой личности, для продуктивности периода ее служебной деятельности и организации жизни личности в целом» [1, с. 219]. Хотелось бы заметить, что отчуждение сущностных сил личности является психологическим феноменом лишь отчасти: душевные и физические силы, время жизни, а вполне вероятно, здоровье и даже жизнь сотрудника силовых структур присвоены институтами государства, что уже далеко не психологическая реальность.

Соотношение психологических и непсихологических факторов в бытии субъекта обсуждается в теоретически насыщенной статье А.Н. Дёмина (КубГУ). Автор, вводя представление о «границе преобразовательной активности субъекта», предлагает сильный методологический ход: «Посредством границ своей активности субъект присутствует в непсихологическом и одновременно допускает его в себя, осмысливая, переживая, определенным образом его присваивая. Это важный методологический момент, поскольку он обосновывает возможность анализа непсихологической реальности психологическими средствами» [1, с. 365]. На легитимированное таким образом пространство исследователь может «проецировать для последующего анализа контекстуальные переменные (организационно-экономические характеристики предприятия, параметры местного рынка труда), индивидуально-психологические и социально-психологические переменные (способы объяснения успехов и неудач, преданность организации, структура личной социальной сети и др.), а также изменения в поведении, социальном статусе и других характеристиках человека» [1, с. 366]. Предлагаемая методология – хороший предмет для дискуссии, возможно, и на страницах нашего журнала.

Е.В. Улько (КубГУ) обсуждает проблему интерпретации субъектом жизненных ситуаций. На конкретном эмпирическом материале выделены параметры, которыми реально различаются люди: «мера склонности к определению ситуации как неоднозначной и непонятной; готовность к формулировке различных вариантов интерпретации; характер предположительных действий, направленных на устранение неопределенности»; предложена эвристичная типология субъектов, встречающихся со сложными жизненными ситуациями [1, с. 306–307].

Г.Б. Горская (КГУФК) с сотрудниками представила сообщение об эмпирическом исследовании связи становления субъектности студентов вуза с моделью самодетерминации Е. Деси и Р. Райана. В результате исследования сделан вывод о том, что показатели мотивации самодетерминации могут использоваться как «мотивационный предиктор субъектности студентов в сфере учебной деятельности» [1, с. 454–457].

А.А. Лузаков (КубГУ) в своем докладе раскрывает ряд положений когнитивно-мотивационной концепции субъективной категоризации. Конструируемый субъектом образ другого человека или самого себя предстает одновременно и результатом когнитивных процессов, и порождением ценностно-смысловой сферы личности, ее представлений о должном и значимом. Такое единство когнитивных и ценностных процессов обеспечивает регуляцию поведения на субъектном уровне. В сообщении представлен также ряд эмпирически установленных типов организации семантических пространств у субъектов познания [1, с. 375–378].

С.Д. Некрасов (КубГУ) акцентирует внимание на видах учебной субъектности младшего школьника: «...учебная субъектность, обретаемая ребенком под влиянием социальных условий, зависит от осознания им процесса и результатов решенных учебных задач» [1, с. 150]. В этой формулировке условия субъектности (психологические и непсихологические параметры в одном поле) я нахожу подтверждение необходимости дискуссии по проблеме методологии, о которой упоминал ранее.

Л.Н. Ожигова (КубГУ) продолжает развивать теоретическую модель гендера и гендерной идентичности, позиционируя их в пространстве смыслов личности «как субъекта своего бытия». Гендерная идентичность, по мнению автора, включает в себя «биологический пол, который приписывает себе человек; особенности маскулинности и феминности, которые также определены личностью в соответствии с нормами ее культуры; гендерные характеристики, через которые личность конструирует свой Образ Я как женщина, как мужчина или как некоторая другая нонконформистская личность» [1, с. 274]. Разделяя конструкционистский поход автора, позволю себе выразить только робкое сомнение в необходимости «приписывать себе» биологический пол: иногда все же можно и просто посмотреть...

С.А. Сухих (КубГУ) представил убедительное обоснование того, что лингвопсихологическое измерение может быть чрезвычайно продуктивно в исследованиях субъекта и субъектности. «В дискурсе как “отпечатке” личности находят отражение многие составляющие психики, которые также могут представлять своеобразную градуацию осознания содержания бессознательной сферы» [1, с. 578]. Действительно, текст является пока основным средством символического опредмечивания субъективной (и субъектной!) реальности личности.

Ю.Б. Шлыкова (КубГУ) продолжает эту тему на материале исследования биографии. Исходя из результатов эмпирического исследования, она выделяет практические критерии оценки и интерпретации автобиографических текстов, эвристичные при решении задач диагностики личности [1, с. 504–507].

Е.В. Харитоновна (КубГУ) обсуждает конструкт востребованности, возникающий в процессе со-бытия личности с Другими. Востребованность понимается автором как «многомерная, многоуровневая и динамическая система субъективных отношений личности к себе как к Значимому для других» [1, с. 587–589]. Представляется, что это удачная операционализация одного из аспектов со-бытия – конструкта, ставшего распространенным, но пока не вышедшим из статуса метафоры.

Т.К. Хозяинова (КубГУ) представляет результаты исследования связи самоактуализации матери с ее отношением к детям. Автор подтверждает, что «самоактуализация матери является существенным фактором ее отношения

к детям, а отношение матери к ребенку является областью ее самоактуализации»[1, с. 592].

В сообщениях М.В. Верстовой, Е.Н. Диденко, И.Л. Наприева, Я.В. Розевика, М.В. Тютюнник излагаются результаты их эмпирических исследований (как правило, кандидатских диссертаций), выполненных в русле субъектно-бытийного подхода.

В завершение этого субъективного отчета о прошедшей в 2008 г. конференции «Личность и бытие: субъектный подход» хочу поблагодарить моих коллег З.И. Рябикину и А.Н. Демина, которые мягко, но настойчиво добились того, что я прочел все 603 страницы материалов конференции, включая список авторов.

Выражаю огромную признательность и понимание Виктору Владимировичу Знакову за огромный труд по организации и проведению этой действительно рубежной для становления сообщества конференции, а также за редактирование и подготовку сборника ее материалов (в полной мере я оценил этот труд только сейчас).

Следующая конференция «Личность и бытие: субъектный подход» состоится у нас – в Кубанском государственном университете в 2010 г. Зинаида Ивановна Рябикина уже пригласила всех участников конференции с высокой трибуны заключительного заседания.

Несколько слов о содержании: стремление овладеть бытием, используя для этого психологические средства, становится ведущей методологической идеей Кубанской психологической школы, и тут я оказываюсь в сложном положении. С одной стороны, я тоже хочу овладеть чем-нибудь или кем-нибудь или хотя бы что-то присвоить и в этом полностью солидарен со школой, с другой стороны, в моем словаре со времен иного общественного строя и методологии марксизма остался термин «психологизм», означающий использование психологических объяснительных конструкций там, где действуют иные силы и иные интересы.

Для справки: большая часть обсуждавшихся выше философских и методологических вопросов была проговорена двумя немцами в тезисах по поводу критики третьего немца в 1845 г. [2].

Библиографический список

1. Личность и бытие: субъектный подход: матер. науч. конф., посвящённой 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского. М.: Институт психологии РАН, 2008.
2. Маркс К., Энгельс Э. Тезисы о Фейербахе // Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛОКУСА КОНТРОЛЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЯХ

.....

Ю.Б. Шлыкова¹

Современная психология все больше внимания уделяет развитию личности как активного начала собственной жизни, ее субъектной позиции [3]. Ситуация такова, что даже краткосрочные мероприятия по развитию ресурсов личностного роста и самопознанию ведут к серьезным изменениям в психике человека. У обычного человека нет времени на длительное и глубокое самопознание, но проблемы неудовлетворенности жизнью, социальными отношениями, самим собой лежат в глубинных структурах психического и требуют серьезной работы.

На наш взгляд, разрешить данное противоречие способна работа с жизненным опытом личности, которая в современной психологии выходит на новый виток развития. Современные психологические методы и техники работы с жизненными планами, стратегиями, воспоминаниями, стилями жизни построены на уникальных техниках, способных за короткое время активизировать глубинные личностные структуры, развернуть человека лицом к собственному Я, собственной жизни [1; 2].

Идея работы с воспоминаниями первоначально разрабатывалась в рамках психоанализа. В психоанализе появляются некоторые основополагающие выводы, касающиеся истории жизни личности, связи психического акта с мотивом, генетически восходящей к аффективным переживаниям, имевшим место в истории жизни субъекта и наложившим отпечаток на формирование и реализацию его мотивов [4].

Это положение поставило множество исследовательских вопросов о механизмах влияния прошлого на настоящее, о функциях прошлого опыта, о способах отбора информации как значимой и др.

¹ Шлыкова Юлия Борисовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. адрес: magnoly@mail.ru

Современные представления о функциях автобиографических воспоминаний согласуются с идеей З. Фрейда и предполагают наличие функции, при которой автобиография конструируется как механизм защиты личности, ее целостности и устойчивости. Человек конструирует историю собственного прошлого в соответствии с актуальными потребностями [2]. Учитывая внешние обстоятельства, он выдвигает на первый план те воспоминания, которые в большей степени соответствуют тому образу Я, который намерен транслировать человек.

Современные психологи, занимающиеся работой с воспоминаниями личности, считают, что субъективно переживаемый опыт взаимодействия человека с окружающим миром отражен в структуре личности как система социальных отношений. Она проявляется в типичных способах взаимодействия с окружающими, определяет отношение к прошлому, настоящему и будущему, а также отношение к жизненным трудностям и способам их преодоления [1].

В автобиографических воспоминаниях человека отражены особенности уникального опыта взаимодействия личности с миром. Личность изначально базируется на воспоминаниях о жизненных событиях, а в дальнейшем автобиографическая память служит как сохранению целостности личности, ее защите, так и ее изменению, развитию.

Автобиографическая память представляет собой «подсистему памяти, оперирующую воспоминаниями о лично значимых событиях и состояниях» [2, с. 74]. На ее основе создаются предпосылки для формирования личности как системы, а личность определяет критерии оценки воспоминаний как значимых для нее. Личность выбирает, оценивает и переосмысляет как отдельные события, так и всю систему личностных смыслов.

Таким образом, участвуя сознательно и неосознанно в конструировании собственной истории, личность проявляет себя как субъект этой истории. Личность творит собственное Я, создает в памяти линию собственного развития со всеми имеющимися конфликтами, потерями, достижениями и радостями. Содержание этих воспоминаний отражает устойчивые личностные особенности. На наш взгляд, локус контроля является одной из базовых характеристик человека, понимание которой может способствовать раскрытию личности в системе отношений с миром. Кроме того, локус контроля можно довольно легко и адекватно диагностировать через анализ автобиографии личности.

Цель данной статьи – продемонстрировать возможность выявления локуса контроля через анализ автобиографических воспоминаний личности.

Методологической базой послужили психоаналитические модели анализа детских воспоминаний З. Фрейда и А. Адлера; модифицированный вариант работы с ранними воспоминаниями Е.Н. Исполатовой и Т.П. Николаевой; кон-

цепция локализации контроля Дж. Роттера; концепция автобиографической памяти В. Нурковой; идеи А.В. Брушлинского, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной о личности как субъекте жизнедеятельности.

В ходе исследования использовались два метода – качественный анализ автобиографических воспоминаний, связанных с различными сферами жизнедеятельности личности, и опросник УСК.

В исследовании принимали участие студенты 1–4-х курсов факультета управления и психологии КубГУ: на предварительном этапе сбора данных – 115 чел., на последующих этапах работы – 67 респондентов.

На *первом этапе* перед нами стояла задача продемонстрировать возможности определения уровня интернальности/экстернальности локуса контроля личности в воспоминаниях различных сфер жизнедеятельности. Для решения задачи мы выбрали модифицированную технику анализа ранних воспоминаний Е.Н. Исполатовой, Т.П. Николаевой [1].

Испытуемым предлагалось описать несколько воспоминаний, связанных с 6 заданными сферами: достижения, неудачи, семья, профессия/учеба, межличностные отношения и здоровье. Данные сферы были избраны в соответствии со сферами, представленными в опроснике УСК [5]. При анализе воспоминаний нами использовались два критерия анализа воспоминаний, отражающих локализацию контроля личности:

1) активность личности в воспоминании: автор как источник динамики в событии, главный персонаж, контролирующей описываемый процесс;

2) наличие «Я/Мы-ситуации»: «Я-ситуация» предполагает наличие единственного персонажа – автора, участвующего в событии, «Мы-ситуация» предполагает описание совместной с кем-либо деятельности.

Анализируя воспоминания по критерию активности личности, мы обнаружили, что лишь 27 % респондентов описывают воспоминания с активной позиции, 61 % – представлены в воспоминании пассивно, 12 % имеют смешанные воспоминания. Эти результаты свидетельствуют о преобладании в нашей выборке пассивной стратегии поведения.

Учитывая возраст испытуемых (18–22 года) и отнесенность большинства воспоминаний к событиям детства, мы пришли к выводу: пассивность связана с тем, что студенты проявляют активность в настоящем, в построении планов и новых социальных контактов, но в принятии важных, ответственных решений еще предпочитают внешний контроль (т.е. подсознательно находятся в ситуации детско-родительских отношений).

По наличию «Я/Мы-ситуаций» преобладающей позиции не выявлено. «Я-ситуация» преобладает у 42 % испытуемых, «Мы-ситуация» – у 48 %. У 10 % нет явного преобладания одной из позиций. Равномерное распределение показателей по сравнению с предыдущим критерием мы связываем с тем, что в

детских воспоминаниях чаще всего активны родители или близкие родственники.

Анализ воспоминаний по данным критериям позволил выявить особенности локализации контроля личности:

- интернальный локус контроля имеют респонденты, считающие себя источником события, представленные в воспоминании как главный персонаж, занимающие активную позицию в описываемом событии;
- экстернальный локус контроля у респондентов, считающих главными в событии других людей, занимающих пассивную позицию по отношению к описываемым событиям.

Рассмотрим распределение локуса контроля по сферам.

Таблица 1

Преобладающий локус контроля в воспоминаниях различных сфер

Сфера воспоминания	Преобладающий локус контроля
Достижения	Интернальный
Неудачи	Экстернальный
Семья	Экстернальный
Профессия	Интернальный
Межличностные отношения	Смешанный
Здоровье	Экстернальный

Из табл. 1 видно, что, описывая сферы достижений и профессиональной/учебной деятельности, респонденты чаще используют интернальный локус контроля. То есть в воспоминаниях автор является главным, активным действующим лицом. Как правило, в этих сферах используется «Я-ситуация» («В классе была специальная парта для отличников, и я постоянно за ней сидела. Мне нравилось, что я выделяюсь из всего класса...»). Если в воспоминании встречаются другие люди, то это либо родители, оценивающие деятельность («Когда я сделала самую красивую поделку, мама меня похвалила и я поняла, что могу делать красивые вещи...»), либо своеобразный «фон». В профессиональной/учебной сфере встречается и «Мы-ситуация», где главный персонаж активно включен в совместную деятельность с другими участниками («Подготовка к экзаменам в то время представляла собой наши бесконечные ночные посиделки: смеемся, поем под гитару, а с утра невыспавшие и совершенно неподготовленные к экзамену»).

Сферы неудач, семейных отношений и здоровья чаще описываются с позиции экстернального локуса контроля. В этих воспоминаниях используется в основном «Мы-ситуация». Человек в этих воспоминаниях пассивен, активность принадлежит родителям, врачам, другим людям и внешним факторам

(«Мама ведет меня в больницу и говорит, что врач сделает мне укол очень аккуратно. Наверное, мама думала, что мне от этого станет легче. Потом приходит врач, я ору, а они все вместе меня уговаривают»; «Родители сели в машину и поехали, оставив меня одну. Они даже не пытались подумать, что ребенок чувствовал в этот момент»).

Сфера межличностных отношений наиболее разнообразна и выражена как «экстернальными» воспоминаниями, так и «интернальными».

Таким образом, усредненные результаты согласуются с общепринятыми представлениями о сферах, преимущественно «экстернальных» или «интернальных». В сфере достижений человеку более свойственно брать ответственность за успех на себя, а при неудачах винить других людей или обстоятельства. Это отражает защитную функцию воспоминаний, поддерживающих позитивное отношение личности к себе.

Семейные отношения (с родительской семьей) чаще всего представлены как «экстернальные», так как воспоминания дошкольного возраста связаны с процессами социализации, усвоением норм, правил, стратегий поведения, предлагаемых социумом в лице родителей.

Сфера здоровья также «экстернальна», поскольку большинству людей свойственно обращаться к этой сфере только при возникновении проблем, а тогда и ответственность перекладывается на плечи специалиста-врача.

То, что сферы межличностных и профессиональных отношений оказались в нашем исследовании «интернальными», мы склонны связывать с возрастными особенностями. Во-первых, возраст активного поиска партнера межличностных отношений, во-вторых, этап профессионального становления личности, на котором модели построения карьеры идеализированы и имеется ощущение реализуемости любых личных планов и замыслов.

На *втором этапе* нами сравнивались показатели экстернальности/интернальности по двум методикам: УСК и анализа воспоминаний. Согласно теоретическим посылкам, анализ воспоминаний дает возможность выявить неосознаваемые установки и особенности социальных отношений личности. Опросник УСК позволяет получить осознанный образ себя, определить особенности самопрезентации личности. Таким образом, сопоставив результаты двух методов, мы выявили наличие рассогласования в осознаваемых и неосознанных представлениях личности о локализации контроля.

С помощью методики УСК нами были выделены 2 группы респондентов:

- 1) выраженные «экстерналы» – 36 чел., в данной группе во всех сферах «экстернальность» имеет высокий или средний уровень выраженности;
- 2) выраженные «интерналы» – 31 чел., представители данной группы имеют интернальный локус контроля во всех сферах.

Испытуемые, имеющие смешанные стили, далее не анализировались.

Отметим, что для нас было важно безоценочное отношение к локусу контроля, который лишь отражает индивидуально-стилевые особенности личности, а его эффективность можно оценить лишь с точки зрения субъективных и объективных показателей успешности личности и ее удовлетворенности собственной жизнью.

Рассмотрим полученные результаты каждой группы. Мы выявляли частоту встречаемости «экстернальных» (у «экстерналов») и «интернальных» (у «интерналов») воспоминаний в различных сферах жизнедеятельности.

Таблица 2

Уровень выраженности «экстернальных» воспоминаний у группы «экстерналов», %

Сфера жизнедеятельности	Уровень выраженности «экстернальных» воспоминаний
Достижения	Низкий (13,8)
Неудачи	Высокий (94,4)
Семья	Высокий (97,2)
Профессия	Средний (75)
Межличностные отношения	Высокий (86,1)
Здоровье	Высокий (97,2)

Из табл. 2 мы видим, что у группы с экстернальным локусом контроля результаты двух методик практически совпадают. Так, в сферах неудач, семейных и межличностных отношений в группе высокие показатели «экстернальности» по методике УСК (7,8–8,9 ст.) и практически у всех испытуемых высокий уровень «экстернальных» воспоминаний.

В сфере профессиональной/учебной деятельности средние значения по УСК (6,2 ст.) и средняя выраженность «экстернальных» воспоминаний.

В сфере здоровья средние показатели по УСК (5,8 ст.), но у всех респондентов высокий уровень «экстернальных» воспоминаний. Здесь наблюдается некоторое преувеличение собственной роли в сохранении здоровья, по сравнению с содержанием воспоминаний.

В сфере достижений «экстернальность» выражена на среднем уровне по УСК (5,6 ст.), а в воспоминаниях практически у всех преобладает «интернальность». Это интересный момент, так как человек при ответе на вопросы методики УСК несколько занижает собственные заслуги по сравнению с воспоминаниями. Мы связываем это с проявлением факта социальной желательности при ответе на вопросы, тогда как при описании прошлых событий человек не знал, что именно будет анализироваться, и позволял себе довольно лестные воспоминания.

В целом субъективная локализация контроля по двум методикам у «экстерналов» совпадает. Отметим, что есть люди, у которых имеются конфликтные оценки, но это единичные случаи.

Рассмотрим результаты группы с интернальным локусом контроля.

Таблица 3

Уровень выраженности «интернальных» воспоминаний у группы «интерналов», %

Сфера жизнедеятельности	Уровень выраженности «интернальных» воспоминаний
Достижения	Высокий (96,7)
Неудачи	Низкий (12,9)
Семья	Низкий (9,7)
Профессия	Средний (64,5)
Межличностные отношения	Высокий (77,4)
Здоровье	Низкий (22,5)

По результатам опросника УСК вся группа по всем сферам представлена интернальным локусом (1,4–3,1 ст.). Анализ воспоминаний выявил противоречивые данные. Так, сферы неудач и семейных отношений практически у всех респондентов «интернальные», воспоминания имеют низкий уровень выраженности. Сфера здоровья также преимущественно «экстернальна». На осознаваемом уровне респонденты явно стремятся преувеличить собственную роль в этих сферах.

Сфера профессиональной/учебной деятельности «интернальна» только у 64 % респондентов. Наименее конфликтными оказались сферы достижений и межличностных отношений.

Мы видим, что у людей с интернальным локусом контроля сознательная и бессознательная оценки собственной активности и ответственности в нескольких сферах противоположны. Такую большую конфликтность мы связываем с тем, что: а) «интерналы» более склонны к самоанализу и чаще приводят идеальное Я, к которому стремятся, как следствие преувеличения собственной субъектности; б) эти респонденты отрицают роль других людей в их жизни с целью субъективного усиления собственной значимости, которую они зачастую не могут продемонстрировать в реальном поведении.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд *выводов*.

1. В автобиографических воспоминаниях достаточно четко проявляется локус контроля личности. Одно воспоминание не дает объективных представлений о локализации контроля человека, но работа с разными воспоминаниями, представленными разными сферами жизнедеятельности личности, дает достаточно полные и адекватные результаты. Их достоверность проверяется

в беседе с респондентом или при наблюдении за его поведением в различных жизненных ситуациях.

2. Люди, диагностируемые как «экстерналы», описывают собственный биографический опыт через экстернальный локус контроля, т.е. адекватны собственному образу, выявленному с помощью методики измерения УСК в большинстве представленных сфер.

3. Люди, имеющие интернальный локус контроля согласно опроснику УСК, в описании автобиографических событий используют как «экстернальную», так и «интернальную» позиции. Это свидетельствует о рассогласовании позиции, предъявляемой при тестировании, и позиции, используемой при работе с воспоминаниями.

4. Выявление локализации контроля через анализ воспоминаний открывает широкие возможности для консультативной и коррекционной работы. Экстернальный локус контроля легко диагностируется при анализе воспоминаний. Интернальный локус контроля как показатель субъектности личности более сложен для диагностики и имеет противоречия в когнитивном и поведенческом компонентах самосознания личности.

Таким образом, работая с автобиографическими воспоминаниями каждой отдельной личности, можно обнаружить уникальные, уже выработанные самой личностью стратегии преодоления противоречий и выхода из кризисных ситуаций, подобрать адекватные конкретному человеку способы саморазвития и самореализации с учетом особенностей его субъективной локализации контроля.

Библиографический список

1. Исполатова Е.Н., Николаева Т.П. Модифицированная техника анализа ранних воспоминаний личности // Вопросы психологии. 1999. № 1.
2. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: УРАО, 2000.
3. Рябикина З.И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия. М.: Институт психологии РАН, 2005.
4. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. СПб.: Питер, 2004.
5. Шевандрин Н.И. Диагностика, коррекция и развитие личности. М.: Владос, 2001.

ИЗ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ ПСИХИАТРИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОБСЛЕДОВАНИЙ ПРИЗЫВНИКОВ И ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

.....

О.А. Оберемко¹

Иностранные военные советники, находившиеся в Китае во время Второй мировой войны, мобилизацию в китайскую армию описывали следующим образом: оцеплялся густонаселенный городской квартал и задерживались все мужчины в гражданской одежде, внешне пригодные к армейской службе. Их гнали на ближайший сборный пункт, где стариков и увечных выбраковывали, а людям с достатком иногда предоставлялся шанс «убедить» комиссию в своей непригодности к военной службе. Остальных маршем отправляли на передовую, иногда за тысячи километров, и по дороге контингент нес потери двух видов: дезертирами и умершими. При такой «транспортировке» иногда до фронта доходило не более 15 % мобилизованных. Высшее командование, исходя из неисчерпаемости человеческих ресурсов страны, не видело смысла организовывать предварительный отбор [9, р. 30]. Отсюда очевидно, что идея о привлечении специалистов для психолого-психиатрического отбора призывников в вооруженные силы может возникнуть при понимании того, что людские ресурсы даже в военное время могут иметь ценность не только в качестве пушечного мяса.

Пионерами в массовых психологических обследованиях для отбора призывников выступили США еще в Первую мировую войну, как принято объяснять, под давлением экономических причин: на выделенные конгрессом финансы нужно было в кратчайшие сроки многократно увеличить численность вооруженных сил для участия на европейском театре военных действий. Задача осложнялась тем, что армия не имела в достаточном количестве педагогических

¹ Оберемко Олег Алексеевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского госуниверситета, старший научный сотрудник Института социологии РАН. Эл. почта: ooberemko@yandex.ru

кадров, и упор делался на широкое использование печатных материалов в обучении. В таких условиях учитывать только физическое состояние призывников было недостаточно [9, р. 31].

Подчеркнем: при неограниченных временных и финансовых ресурсах можно и зайца научить курить. Психологов привлекли для отбора тех, кто способен овладеть курсом молодого бойца быстро и самостоятельно – с помощью печатных учебных материалов и с минимумом персонального внимания со стороны сержанта.

За время мобилизационной кампании 1917–1918 гг. протестировали громадное число призывников – около 5 млн чел., из которых 821 тыс. были признаны негодными по состоянию здоровья, по причине эмоциональной неустойчивости, низкого образовательного, интеллектуального или морального уровня [9, р. 142]. Однако итоги тестирования впоследствии признали неудовлетворительными. Министерство обороны пришло к выводу, что число инвалидов, среди которых было несколько тысяч молодых людей, получавших пенсии по нетрудоспособности в результате увечий и заболеваний, полученных на военной службе, было неоправданно велико. Подчеркивалось, что хорошие показатели физического состояния, уровня интеллекта и субъективной готовности к службе в вооруженных силах и добровольная присяга (т.е. соответствующие ценностные ориентации) недостаточны без учета эмоциональной и моральной устойчивости.

На основании этого опыта в период мобилизационной кампании во время Второй мировой войны армейское командование решило, что граждан, у которых в биографии есть факты «плохого поведения в обществе», военная форма едва ли переделает, а нарушающий уставы и нормы солдат не только неэффективен, но и отрицательно влияет на свое непосредственное окружение. В ходе этого призыва по четырем общим критериям – физическое состояние, умственное развитие, эмоциональная устойчивость и законопослушность – было обследовано беспрецедентное количество призывников – около 18 млн, из которых были признаны годными лишь 21 % [9, р. 35].

После Второй мировой войны в США ученых снова привлекли, чтобы смоделировать отбор успешных солдат на основе статистической обработки данных тестирования и личных дел досрочно уволенных из вооруженных сил по немедицинским причинам в период активных боевых действий. Командование полагало, что эти данные можно использовать и для призыва в мирное время: если обучение резервистов вести на случай возможных военных действий, то резерв должен быть во всех отношениях полноценным. Такая логика предполагает использование вооруженных сил исключительно по прямому назначению, т. е. для отражения внешней агрессии, а не для выполнения функции общего воспитания. Также нужна уверенность в наличии достаточного количества молодых людей, способных пройти через сито отбора.

Наиболее известный проект по изучению неэффективного солдата был реализован под руководством Э. Гинзберга [1; 9]. В первые послевоенные годы о низком моральном духе американской армии не говорил только ленивый, и каждый объяснял его по-своему. Священники говорили об ослаблении религиозного воспитания юношей. Психологи искали причины массовой «эмоциональной неустойчивости» в травмирующих переживаниях детства. Моралисты-консерваторы ссылались на общую изнеженность населения, растущую приверженность потреблению, утрату способности к самопожертвованию. Малочисленная оппозиция указывала на обострение межрасовых противоречий [1, с. 74–78]. Перед учеными ставилась цель: выявить параметры неуспешного солдата на основании двумерных распределений, где в качестве независимых переменных использовались пункты анкеты и данные тестов, а в качестве зависимых – досрочная демобилизация, медико-психиатрические диагнозы и отклоняющееся поведение. С методической точки зрения предстояло решать два вида задач: 1) обнаружить статистически значимые различия между успешными и неуспешными солдатами; 2) обнаружить различия и сходства между отдельными категориями неуспешных солдат [9, р. 104]. О масштабе проделанной работы дает представление сводная статистика, имевшаяся в распоряжении авторского коллектива.

Таблица 1

Признанные негодными к военной службе призывники в возрасте от 18 до 37 лет за период с 01.01.1942 по 01.08.1945 [9, р. 36]

Причины негодности	Признанные негодными, чел.	Доля от общего числа обследованных, %	Доля от общего числа признанных негодными, %
Физические дефекты	3 447 000	19,2	66,2
Эмоциональные расстройства	970 000	5,4	18,5
Несоответствие по умственным и образовательным критериям	716 000	4,0	13,6
Нежелательные элементы	87 000	0,5	1,7
Итого	5 250 000 ²	29,2	100,0

Авторы отдавали себе отчет в ограниченности корреляционного анализа как метода. По межгрупповым различиям в принципе нельзя установить *точные причины* неуспешности; можно лишь в социально-демографических и биографических категориях составить самое общее представление о *стандартных условиях* неадаптации к боевым условиям и осторожно наметить коррективы политики призыва [9, р. 104–105]. Как мы убедимся далее, фиксиро-

² Расхождение между «Итого» и суммой цифр в колонке в 20 000 допущено в цитируемом источнике.

вавшиеся в личных делах дисфункции относились к разным уровням иерархической структуры личности, что исключало возможность построения моделей (дез)адаптации.

Также оказалось, что тонкие статистические методы нет смысла применять, ибо качество архивных данных не отвечало стандартным требованиям к научным данным. В частности, политика призыва претерпевала постоянные эволюции. Например, ограниченно годные по здоровью, т. е. со слабым зрением и слухом, плоскостопием, отклонениями в весе, дефектами скелета и др., призыву подлежали только в 1942–1943 гг. В 1944–1945 гг. они подлежали безусловной демобилизации, что, естественно, отразилось в статистических данных. В то же время по другим параметрам требования снижались, о чем свидетельствуют массовые случаи повторного тестирования [9, р. 33–35]. При избыточности призыва командиры могли себе позволить не тратить время и средства на физически годных, но психологически неустойчивых и малограмотных призывников и списывали их при первой же возможности. Когда к 1944 г. образовался дефицит призывников, условия призыва и политика командиров были скорректированы. Таким образом, одни и те же статистические показатели в разные годы могли наполняться разным содержанием.

Таблица 2

Досрочная демобилизация в 1942–1945 гг. (на 1000 военнослужащих) [9, р. 62]

Причина демобилизации	Армия	Флот	Морская пехота	Все рода войск
Психические отклонения	32,9	24,1	35,7	30,8
Неспособность интеллектуальная и физическая	12,1	25,3	25,0	15,9
Нежелание служить и нарушение дисциплины	5,0	10,1	7,1	6,3
Итого	50,0	59,5	67,8	53,0

Политика призыва и ее изменения не были едиными для всех родов войск, что нужно учитывать при сопоставительном анализе данных. На флот до 1943 г. набирали только добровольцев, и отбор был гораздо жестче, чем в армии. Негодных списывали еще охотнее, ибо на судне несоответствие обнаруживалось быстрее, а возможностей подобрать «нестандартному» военнослужащему подходящую позицию меньше. В отличие от армии, на флоте призывники в учебном центре проходили психиатрическую проверку, и в случае сомнений их могли даже госпитализировать для более тщательных наблюдений. При этом доля психиатрических диагнозов на флоте меньше, чем в других родах войск, отчасти потому, что морское командование при списании предпочитало пользоваться простыми процедурами и к психиатрическому освидетельствованию старалось прибегать только при явных симптомах [9, р. 62]. Отсюда и вывод ав-

торов: «Конечно, личностные характеристики призванных на военную службу влияют на успешность их деятельности, но границы между успешностью и неуспешностью часто находится в сфере политики призыва» [9, р. 71].

Данные тестирования во многом обесценивались отсутствием необходимых условий для качественного обследования и необеспеченностью квалифицированными кадрами. Один военный психиатр свидетельствовал, что на осмотр призывника и оформление заключения приходилось не более трех минут, в течение которых можно было задать 2–3 простых вопроса: «На здоровье жалуешься?», «Нервничаешь часто?», «Как думаешь, справишься со службой?» [1, с. 38]. На одном из призывных пунктов «психиатр» в течение нескольких недель (до увольнения), диагностируя эмоциональную устойчивость, сильно бил в живот совершенно голого во время осмотра призывника и «наблюдал реакцию на неожиданный стресс».

После реализации проекта «Неэффективный солдат» Д. Гинзберга, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. обозначилось два направления в развитии исследований: 1) массивы количественных данных стали дополняться качественными материалами – самоотчетами военнослужащих; 2) из любых доступных источников стали формировать *life history* – информацию об условиях жизни, социальной среде и чертах личности. Обновленная исследовательская программа предполагала улучшить предсказание адаптивности к военной службе более полным учетом «внутренних и внешних» черт личности, а также взаимодействия между ними. На методологическом уровне произошла переориентация от статистических корреляций к построению объяснительных моделей и их эмпирической проверке, которая тематизировалась в идее о разработке *биографических конструкторов*. Целостный анализ человеческого поведения сквозь призму биографических данных предполагал нахождение связей между социологическими (демографическими, культурными и социально-институциональными) параметрами и индивидуальными способностями, установками и личностными характеристиками, изучаемыми психологией. Ценность представляли не общие характеристики социальной среды и поведения, а успехи и неудачи в конкретной среде обитания [13, р. 81–82]. К. Бэк [5] предлагал рассматривать жизнь индивида – цепь лично значимых событий и принимаемых решений – сквозь призму социально-демографических трендов общества, поскольку такие события, как социальное происхождение, получение образования, выбор профессии, географическая и социальная мобильность и т.п., оказывают громадное влияние на судьбу человека, являясь стандартными поворотными точками в жизни индивида.

Р. Лазарус с коллегами исследовал преодоление психологического стресса в терминах перцептивных, когнитивных, эмоциональных и поведенческих диспозиций индивида по отношению к среде взаимодействия. Стресс и адаптацию предлагалось рассматривать в комплексе, как результат опыта прошлых

трансакций между личностью и средой, чтобы понимать не только, как индивид достигает успеха, но и как терпит неудачи [12].

Особый теоретический интерес представляют те исследования, в которых вскрывалась темпоральная природа индивидуальной биографии [4; 6]. На основе обширного эмпирического материала было обнаружено, что наибольшую предсказательную силу имеют события, непосредственно предшествующие военной службе. Например, оказалось, что биографические данные первых двух лет службы в ВМФ лучше предсказывают успешность последних двух лет, чем данные о жизни до службы [14]. Исследование кадровых офицеров ВМФ США, переживших психологические потрясения, показали, что на успешность реадaptации в большей степени влияют события, которые переживаются непосредственно перед регистрацией болезненных симптомов [8].

Сложнейшие трудности биографического исследования связаны с неясностью вопроса о (не)прерывности биографии. Нет удовлетворительного объяснения, почему одни сохраняют преемственность прошлых образцов поведения и состояния здоровья, а другие вступают в новый период жизни, как *tabula rasa*, не обремененные прошлым опытом.

* * *

Рассмотрим эмпирически обнаруженные корреляции (не)успешности прохождения воинской службы с биографическими переменными.

Образование и обучаемость (интеллектуальные способности). Ни один гражданский человек не готов сразу к выполнению боевых задач. Чтобы он стал полноценным солдатом, его нужно сначала обучить. Поскольку проблема военных педагогических кадров в США и в Первую, и во Вторую мировые войны всегда вставала остро и «неожиданно», упор делался на самостоятельную подготовку с использованием печатных материалов и неграмотные, а также с низкими интеллектуальными способностями на службу не призывались.

Военные психологи исходили из предположения, что способность призывника к обучению в значительной степени зависит от того, чему он уже смог научиться, т. е. от его прошлых достижений. Начиная с 1940-х гг., психологи достигнутый уровень образования уже не связывали напрямую с интеллектом. Таким образом, они отошли от чисто операциональной трактовки интеллектуальных способностей, квинтэссенция которой выражена в изречении времен Первой мировой войны: интеллект есть то, что измеряется тестами. Нужно было измерять наличие устойчивых навыков к обучению, причем обучение понималось как сложный, целостный процесс, ибо новобранцу предстоит не только освоить обращение с оружием, но и *научиться жить* в социальной среде с весьма специфическими для гражданского человека нормами и практиками [9, p. 116].

Таблица 3

Эмпирическая вероятность досрочной демобилизации в зависимости от уровня образования по различным категориям в 1941–45 гг.
(на 1 000 военнослужащих) [9, р. 118]

Образовательный уровень	Психоневроз	Психоз	Серьезные нарушения воинской дисциплины	Отсутствие способностей	Общая частота
Первая ступень	32,8	7,1	6,2	30,0	76,1
Вторая ступень	22,8	4,9	2,6	4,2	34,5
Третья ступень	28,9	5,9	4,2	7,1	46,1
Четвертая ступень	19,9	4,2	1,6	2,3	28,0
Пятая ступень	16,1	4,1	1,4	1,8	23,4

Оказалось, что адаптивность призывников положительно связана с уровнем образования (табл. 3). Образованные военнослужащие в армии США реже обнаруживали психологическую неустойчивость, допускали серьезные нарушения воинской дисциплины и оказывались неспособными освоить учебную программу. Очевидно, что низкий уровень образования положительно связан не только с отсутствием способностей, но и с косвенными показателями, какими следует считать нервные расстройства и серьезные нарушения воинской дисциплины. Примечательно, что образовательный уровень гораздо сильнее влиял на адаптивность, чем регион проживания (Север–Юг), место жительства (город–село) и раса.

Опираясь на приведенные данные, авторы высказали ряд гипотез о влиянии уровня образования на адаптацию военнослужащих. Относительно молодых призывников они предположили отрицательное влияние неуспеха в освоении школьной программы, который мог стимулировать эмоциональную устойчивость. Согласно этой модели вхождение в новую роль актуализирует выработанные ранее неэффективные образцы взаимодействия с обучающей средой, а жесткость армейской среды снижает шансы на совладание со стрессом и выработку более эффективных образцов. Корни дезадаптации новобранцев могут уходить и в застарелые нерешенные конфликты личностного развития. В частности, известно, что трудное детство часто приводит к плохой успеваемости, а у плохо успевающих детей чаще развиваются эмоциональные проблемы. Поэтому авторы не исключали, что «малоопытные или впечатлительные» военные врачи могли и ошибаться, ставя психиатрический диагноз [9, р. 117].

Конечно, адаптивность не сводится к количеству лет, проведенных на школьной скамье. Многие призывники имеют определенные профессиональные навыки, которые находят самое непосредственное применение на службе. Однако трудно рассчитывать, что подавляющее большинство гражданских

лиц приходят с готовыми навыками, необходимыми в бою, а потому большое значение приобретает способность новобранца к научению.

Между интеллектуальными способностями и уровнем образования также есть определенная связь. Необразованного можно выучить в короткий срок, но только при постоянной и жесткой опеке. Уровень образования, таким образом, может репрезентировать определенные интеллектуальные способности, а именно способности к самостоятельному обучению и самостоятельной адаптации к новой ситуации. С. Стауффер, например, обнаружил, что высокий уровень образования коррелирует не просто с адаптированностью, но и с высоким моральным духом воина, большей эмоциональной вовлеченностью в выполнение обязанностей и одновременно повышенным критицизмом к армии [15, p. 105–154].

Р. Артур, на протяжении десяти лет занимавшийся исследованием призывников в ВМФ США, обнаружил, что дезадаптацию с большой вероятностью предсказывают исключение из школы и оставление на второй год [3]. Это исследование модифицировало трактовку переменной «образование». К двум традиционным трактовкам уровня образования (интеллектуальное развитие и способность к научению) прибавилась третья – отсутствие открытого конфликта со школьными властями и широкое понимание опыта самодисциплины и самоконтроля.

Эмоциональная устойчивость. Важнейшим новшеством в 1940-е гг. в практике научно обоснованного отбора призывников стало тестирование на эмоциональную устойчивость. В любом поселении найдутся парии, неспособные удовлетворять даже минимальным требованиям общества: удержаться на работе, выполнять семейные обязанности и т.п. Некоторых ставят на учет в лечебные учреждения. К 1940-м гг. диагностика сильных эмоциональных расстройств уже давно была делом обычным.

Новшество заключалось в том, что психиатрическому обследованию подлежало большое количество лиц, которые демонстрировали хорошую, а иногда и очень хорошую адаптивность к гражданской жизни: колледж, высокооплачиваемая работа, уважаемый глава семьи. Но даже среди тех, кто в гражданской жизни успешен и даже очень успешен (в пределах принятых норм), психологам с помощью тестов удавалось находить негодных к службе из-за эмоциональной неустойчивости, без которой невозможно пережить лишения солдатской жизни. Поэтому военное командование поставило перед разработчиками тестов задачу определять на стадии призыва тех, кто скорее всего не справится, и таким образом избежать бесполезных затрат времени и средств на подготовку к участию в боевых действиях.

Однако специалисты отмечали, что едва ли военное командование по собственной инициативе взялось бы за разработку и внедрение массового тестирования призывников, если бы психологи и психиатры не убедили их, что

несложное психологическое тестирование быстро отделит эмоционально устойчивых «агнцев» от эмоционально неустойчивых «козлищ» [9, р. 38]. На 1 августа 1945 г. число забракованных призывников с диагнозом эмоциональных расстройств достигло 970 тыс. чел., что составило вторую по величине категорию после категории лиц с физическими дефектами [9, р. 36]. По мнению критиков, организаторы и идеологи тестирования взялись за выполнение непосильной для себя задачи. Прежде всего, критерии эмоциональной устойчивости выбирались исходя из психологических и психиатрических теорий, а не из военного опыта. Под сомнение ставилась и базовая посылка о тесной взаимосвязи между симптоматикой эмоциональных расстройств и эффективностью несения службы [9, р. 145–146].

Преждевременной оказалась надежда на возможность предсказывать поведение по данным осмотров и тестирования без достаточных знаний о детерминирующих поведение на войне факторах. В отличие от интеллекта, который является относительно постоянной характеристикой личности, эмоциональная стабильность характеризуется изменчивостью на протяжении жизни индивида. Большинство людей в подростковом и в старшем пожилом возрасте эмоционально нестабильны; некоторые сохраняют самообладание в одних ситуациях и теряют его в других, некоторые демонстрируют неизменное присутствие духа, третьи совершенно теряют голову, как только лишаются привычного социального окружения [9, р. 167]. Трудность заключалась и в том, что эмоциональная устойчивость определяется не только «внутренней» силой или слабостью, но и наличием или отсутствием поддержки, помощи, группового и организационного давления. Солдат может переживать стрессы как во время несения службы, так и в личное время. Он может сохранять способность нести службу, несмотря на нерешенные личностные проблемы, успешно справляться со своими обязанностями и стрессами под непосредственным внешним контролем, но сорваться в отсутствие командира и наоборот, для достижения психического равновесия нуждаться в относительной свободе действий и т.п.

Сама процедура тестирования была недостаточно формализована. Во-первых, тестирующий и ставящий диагноз специалист никогда заранее не знал будущих обязанностей солдата, во-вторых, при интерпретации одних и тех же результатов тестирования и осмотра один специалист мог исходить из представлений о героических боевых подвигах, другой – о повседневных тяготах. Кроме того, на интерпретацию данных могли влиять неявные или недостаточно отрефлексированные допущения эксперта о процессе превращения гражданского лица в военного человека и необходимых личностных качествах призывника.

Если «бравому сержанту» легче работать с «материалом» физически крепким, но податливым на высших уровнях иерархической структуры личности, он предпочтет тех, кто в стрессовой ситуации курса молодого бойца совершит

быстрый личностный регресс, а затем в ходе восстановления и достройки личностной структуры избирательно будет оживлять свой прошлый опыт взаимодействия с учетом новой социальной среды. Такая модель воспитательного процесса требует жесткого и всеобъемлющего внешнего контроля.

Другая модель может предполагать относительную автономность личности солдата в процессе адаптации к новой ситуации, а следовательно, и большую деликатность командира по отношению к личностным особенностям солдат, более других преуспевших в выработке своей личностной структуры и личностного стиля. В первой модели разрешение внутриличностных конфликтов и конфликтов между личностью и социальной средой целиком выносятся вовне, т. е. за адаптацию призывника ответственность несет контролирующий ситуацию командир. Во второй модели конфликт переносится вовнутрь личности и решается за счет личного потенциала солдата. При этом жесткость командира не выходит за чисто функциональные рамки распорядка и боевой задачи, во всем остальном он играет роль чуткого «ночного сторожа».

Если к концу войны специалисты смогли разработать тесты для отбора тех, кто в кратчайшие сроки способен одолеть курс молодого бойца и применять полученные навыки на практике, то найти психолого-психиатрические критерии психологической устойчивости новобранцев им так и не удалось [9, p. 140].

Возраст. Возрастной фактор тесно связан с физическими характеристиками индивида: доля негодных к строевой службе по здоровью растет вместе с возрастом. Молодежь отличается выносливостью и энтузиазмом. Однако обыденное сознание взрослых склонно отказывать молодости в психологической устойчивости и нередко ищет подкрепление своим предрассудкам в научных психологических теориях, придуманных, как правило, тоже взрослыми «дядями» и (реже) «тетями». В 18–19 лет многие юноши еще борются с нерешенными проблемами вторичной социализации и в лучшем случае располагают лишь минимальным опытом действия и самоощущения себя взрослыми. Они еще не знают сильные и слабые стороны своей личности. По этой логике адаптивные преимущества старшего возраста в приобретенных социальных и профессиональных навыках, опыте, умении здраво мыслить и принимать ответственные решения очевидны. Однако эмпирические данные свидетельствуют о большей адаптивности молодых солдат по сравнению со старшевозрастными (табл. 4).

Аналогичные данные были получены и в других исследованиях: среди госпитализированных с психоневрозом преобладали старшевозрастные военнослужащие, сходная картина обнаружилась в нестроевых подразделениях. Данные по ВМФ США за период Второй мировой войны показывают рост психиатрических диагнозов с 9 промилле в когорте до 20 лет до 21 промилле среди когорты 35–39-летних [9, p. 109–111]. Возрастание психолого-психиатрических расстройств прослеживалась во всех родах войск, в боевых и вспомогатель-

ных подразделениях независимо от степени риска, исчисленной по статистике потерь убитыми и ранеными (как эмпирическая вероятность быть убитым и/или получить ранение). В то время аналога подобному явлению в гражданской жизни не знали.

Таблица 4

Возрастное распределение уволенных из армии по неэффективности
в 1942–1945 гг., %

Год рождения	% в призыве 1941–1945 гг.	Психоневроз	Психоз	Неблагонадежные	Необучаемые
До 1907	8	16	18	21	28
1908–1912	12	34	36	39	29
1913–1917	22	25	24	20	21
1918–1922	36	17	15	13	15
1923–1927	22	8	7	7	7
Итого	100	100	100	100	100

Комментируя эти данные, авторы выдвигают предположение о том, что возрастные призывники менее мотивированы к военной службе, во-первых, потому что они глубже росли в гражданскую жизнь, обзавелись разнообразными социальными связями и ответственностью, и, во-вторых, преимущество жизненного опыта оборачивается меньшей гибкостью при адаптации к новым жизненным ситуациям [9, р. 106]. Эти предположения свели к индикатору «желание нести воинскую службу». В самом деле, к тридцати годам возрастает вероятность завершения вторичной социализации, в ходе которой происходит профессиональное самоопределение, вступление в брак, формируются относительно жесткие образования на верхних уровнях системы диспозиционной саморегуляции личности. Смысл жизни в этом возрасте часто концентрируется вокруг семейных и профессиональных обязанностей, и даже вдали от дома привязанность к гражданской жизни сохраняется: ценности брака и семейного благополучия перевешивают важность военной службы. Тридцатилетние отцы семейства не могут погрузиться в войну с энтузиазмом молодых холостяков, чью жизнь, быть может, впервые наполняет смыслом именно служба в армии. Переменная возраста, таким образом, трактуется как способность к интенсивной эмоциональной вовлеченности в деятельность.

Семейное положение. Поскольку с возрастом вероятность вступления в брак растет, логично предположить, что женатые чаще страдают от психических расстройств, чем холостые. Некоторые авторы были готовы приписать этот факт исключительно возрасту, однако С. Стауффер установил, что с женатыми военнослужащими во всех возрастах нервные срывы случались чаще

[9, p. 112–114]. Введение дополнительных переменных существенно уточнило картину (табл. 5).

В частности, наличие находящихся на иждивении лиц вскрывает недостаточность упрощенной трактовки отрицательного влияния состояния в браке на эмоциональную устойчивость, поскольку освободившиеся от этого состояния в результате распада брака продемонстрировали еще меньшую устойчивость.

Авторы не без оснований заключают, что наличие иждивенцев при прочих равных условиях придает дополнительный жизненный смысл, что в свою очередь способствует принятию на себя определенной ответственности и повышает психическую устойчивость и самоконтроль по сравнению с одинокими. Самыми уязвимыми оказались те, кому распавшийся брак не оставил никого, о ком они могли бы заботиться. Разъезд без развода создает дополнительное психологическое напряжение, что дает максимальный показатель неустойчивости. Эта тенденция наблюдается и среди «психотиков», и среди «невротиков» [9, p. 112–114]. Сходный порядок уязвимости мы находим и в знаменитом исследовании самоубийств Э. Дюркгейма [2].

Таблица 5

Семейное положение досрочно уволенных из действующей армии США за 1943 г. с диагнозом эмоционального расстройства [10, p. 113, 115].

Семейное положение и наличие находящихся на иждивении лиц	Число уволенных на каждую тысячу, чел.		
	Психоневроз	Психоз	Итого
Холостые	10,9	7,7	18,6
В том числе:			
с иждивенцами	5,9	2,4	8,3
без иждивенцев	14,2	11,2	25,4
Женатые	29,1	7,0	36,1
Военнослужащие, чей брак распался (разъезд, развод, смерть супруги)	43,1	17,9	61,0
В том числе:			
с иждивенцами	37,8	15,8	53,6
без иждивенцев	49,5	20,3	79,8

Однако приведенные в таб. 5 данные можно прочесть и иначе, поменяв местами зависимую и независимую переменные. Можно предположить, что психически неустойчивые индивиды менее склонны были вступать в брак, а если и вступали, то он быстро расстраивался. Аналогичным образом можно предположить, что лица, которых по структурным характеристикам жизненной ситуации относят к иждивенцам, с большей вероятностью оказывались в зоне ответственности уравновешенных индивидов.

Ценностные ориентации. В связи с проблемой адаптации и успешности несения службы с конца 1940-х гг. активные исследования ценностных ориентаций призывников и кадровых военнослужащих велись в шведских вооруженных силах. В качестве образца тщательно спланированного, аккуратно (судя по описанию) проведенного, до конца просчитанного (имеется много приложений для пристрастного читателя), с научной честностью описанного (вынужденные натяжки не ретушировались) проекта можно взять исследование 571 призывника, выполненное под руководством шведского учёного Вальтера Корпи [11]. Исследователи исходили из посылки, согласно которой социальные установки, будучи связанными с социальными и личностными характеристиками индивида, амортизируют давление со стороны социума [11, р. 59]. В качестве независимых переменных были взяты, в частности, *планируемая призывником после прохождения службы профессия*, социальный статус семьи (по профессии отца), уровень образования призывника и его отца, размер населенного пункта проживания в детстве и непосредственно перед призывом, возраст, данные теста на интеллектуальное развитие. Испытуемым предлагались тестовые методики, с помощью которых замерялось отношение к рутинным обязанностям военнослужащих, к воинской дисциплине, к ряду политических проблем, восприятие отношений родителей и сверстников к армии как социальному институту. Самым замечательным итогом этого исследования, на наш взгляд, является то, что *не было найдено ни одного статистически значимого различия* между группами призывников с разными социальными и личностными характеристиками.

Мотивация. В разных видах деятельности люди могут испытывать разную мотивацию. Это показано в многочисленных исследованиях жизненных историй отдельных индивидов. Если кто-то успешен в одной ситуации – в школе, дома или на работе, а в другой действует ниже своих возможностей и при этом не испытывает ни малейшего беспокойства, такую неконсистентность объясняют разной мотивацией. Человек испытывает разную мотивацию в зависимости от стоящей перед ним задачи. Изолированные от привычных социальных условий призывники с преступным прошлым могут образцово нести службу, если в них возобладают мотивы служения Родине и исправления. Изучив личные дела получивших ранение военнослужащих, психологи заметили: «Главным фактором является желание человека, или его отсутствие, соответствовать стандартам организации, к которой он принадлежит. Чтобы пожаловаться на боль, мотивировать отказ или невозможность выполнять свои обязанности, требуется желание. В конце войны раненым в бою разрешали по их желанию продолжать военную службу даже несмотря на то, что их физическое состояние было ниже всяких стандартов. Многие из тех, кто предпочел остаться в строю и продолжал справляться со служебными обязанностями, имели гораздо более серьезные физические недостатки, чем некоторые из тех, кто предпочел демобилизацию» [9, р. 63].

Очевидно, что данные о мотивации можно адекватно проинтерпретировать лишь применительно к конкретной ситуации, и сбор таких данных имеет смысл только, если мы хотим получить информацию о воздействии конкретных мероприятий воспитательного процесса военнослужащих. Ибо, как и социальные установки, мотивы – слишком подвижные образования в структуре личности. Применительно к призывникам положение осложняется тем, что воинский коллектив является временным, а срочная служба – временным, а не профессиональным занятием. Все это ограничивает перспективы изучения мотивации для предсказания успешности призывника.

Другие переменные. Развитие биографического метода стимулировало массу эмпирических исследований, в которых наряду с традиционными параметрами [10; 14], получившими репутацию надежных [13, р. 84], в оборот вводятся новые переменные. В частности, в ряде исследований были обнаружены значимые корреляции между употреблением наркотиков до службы и последующей дезадаптивностью [13, р. 85–86].

Внимания заслуживают немногочисленные попытки построения типологий личности по интегральному признаку общей зрелости и адаптивности. В подобных исследованиях активно используются качественные методы, в частности, свободные интервью. Качественная методология была реализована в исследовании биографий американских ветеранов войны во Вьетнаме, которым в разной степени удалось адаптироваться по возвращении на родину [7]. Интервью фокусировались на следующих сюжетах: 1) прошлый и настоящий опыт преодоления трудностей; 2) способы преодоления стрессовых ситуаций в периоды обучения, начиная со старших классов средней школы; 3) стратегии достижения и успеха по месту работы или учебы. В итоге были выделены три группы.

Первая группа, самая возрастная, отличалась высоким уровнем образования, высокими воинскими званиями и участием в большем количестве военных операций. Они легче и спокойнее делились военными впечатлениями, успешно справлялись с семейными ролями, реже употребляли наркотики, при описании перенесения тягот войны чаще проводили параллели с прошлым опытом и на трудности смотрели в перспективе будущего, что облегчало их преодоление. В стрессовых ситуациях они старались воздерживаться от импульсивных действий, объясняя это желанием избежать возможных негативных, в том числе отсроченных последствий. Их отличало понимание, как функционируют крупные институциональные структуры, и умение эффективно к ним адаптироваться. Они понимали, что бюрократическая организация армии с ее дисциплиной и рутинной не направлена против них лично; различали формальные и неформальные каналы коммуникации и умели ими пользоваться. Представители первой группы, как правило, знали несколько способов, как при необходимости официально добиться увольнения на выходные, а если

официальный путь не гарантировал успеха, они умели использовать неофициальные возможности и при этом не получить дисциплинарных взысканий.

Во вторую группу вошли активные нонконформисты, открыто нарушавшие нормы как на службе, так и вне ее и, как следствие, имевшие частые конфликты с представителями власти и закона. Их отличало неумение использовать неформальные структуры формальных организаций.

Третью группу составили те, кому была свойственна стратегия ухода от взаимодействия с социальной средой, сопровождавшаяся разного рода нервными расстройствами, ощущением потерянности и т.п. [7, р. 37–38].

Реализованные в русле качественной методологии исследования едва ли могут дать набор надежных *предикторов*, что не умаляет их значения для *понимания* изучаемого предмета.

* * *

Успешность несения военной службы — это результат взаимодействия качеств индивида и структурных характеристик организации, в которой проходит служба. Успешность призывников во многом зависит от того, какие усилия для их адаптации при переходе от гражданской жизни прилагает сама организация. Это в свою очередь зависит от кадровой политики, от оценки количества доступных человеческих ресурсов. Сделанный тематический обзор показывает, что методология «психологии черт» едва ли может принести успех в проблемно ориентированных исследованиях.

Библиографический список

1. Гинцберг Э., Андерсон Д.К. и др. Почему необходимо изучать неэффективного солдата // Современная буржуазная военная психология / под ред. А.В. Барабанщикова и Н.Ф. Феденко. М.: Воениздат, 1964.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. А.Н. Ильинского. СПб.: Союз, 1998.
3. Arthur R.J. Success is Predictable // Military Medicine. 1971. Vol. 136, № 6.
4. Bachman J.C. Youth in Transition. Vol. 2: The Impact of Family Background and Intelligence on Tenth-Grade Boys. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1970.
5. Back K.W. Neglected Psychological Issues in Population Research // American Psychologist. 1973. Vol. 28, № 6.
6. Bloom B.S. Stability and Change in Human Characteristics. N.Y.: John Wiley, 1964.
7. Borus J.F. The Reentry Transition of the Vietnam Veteran // The Social Psychology of Military Service / ed. by N.L. Goldman and D.R. Segal. Beverly Hills; L.: Sage, 1976.
8. Edwards D., Berry N.H. Psychiatric Decisions: An Actual Study // J. of Clinical Psychology. 1974. Vol. 30, № 1.
9. Ginzberg D. The Ineffective Soldier: The Lost Divisions. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1959.

10. Johnston J., Bachman J.G. Youth in Transition. Vol. 5: Young Men and Military Service. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1972.
11. Korpi W. Social Pressures and Attitudes in Military Training. Stockholm etc.: s.e., 1964.
12. Lazarus R.S. and others. The Psychology of Coping: Issues in Research and Assessment // Coping and Adaptation / ed. by G.V. Coelho et al. N.Y.: Basic Books, 1974.
13. Nelson P.D. Biographical Constructs As Predictors of Adjustment to Organizational Environment // The Social Psychology of Military Service / ed. by N.L. Goldman and D.R. Segal. Beverly Hills; L.: Sage, 1976.
14. Plag J., Goffman J.M. The Prediction of Four-Years Military Effectiveness from Characteristics of Naval Recruits // Military Medicine. 1966. Vol. 131, № 8.
15. Stauffer S.A. and others. American Soldier: Adjustment During Army Life. Princeton: Princeton Univ. Press, 1949. Vol. 1.

Лузаков А.А. Проблема категоризации в социальном познании с позиций психологии личности.

Категории рассматриваются как сложносоставные субъективные основания различения и классификации объектов (в том числе неосознанные), функционирующие в психике индивидуального и группового субъекта. Показаны различные виды категорий и категоризации, специфика и новые перспективы исследований категоризации с позиций психологии личности.

Библиогр. 27 назв.

Фоменко Г.Ю. Психологические проблемы женского бесплодия в контексте личностных противоречий (экзистенциальные аспекты).

В статье анализируется психологическая специфика идеопатического (необъяснимого) бесплодия в контексте психологии человеческого бытия. В зависимости от специфики ценностно-смыслового позиционирования личности как субъекта жизни в условиях болезни выделяются два модуса бытия – предельный и экстремальный. Анализируются их психологические различия.

Библиогр. 27 назв.

Лабунская В.А. Теоретико-эмпирический анализ феномена аттрактивности внешнего облика женщины-предпринимателя и готовности других предпринимателей к сотрудничеству с ней.

В статье с позиций социальной и гендерной психологии рассматривается роль внешнего облика и невербального выражения личности женщины-предпринимателя как факторов ее идентификации с группой предпринимателей и выраженности их стремления к сотрудничеству с ней. На основе сравнительного анализа результатов исследования женщин и мужчин предпринимателей и не предпринимателей выявлены закономерности влияния оценок степени привлекательности (аттрактивности) внешнего облика женщин-предпринимателей на выраженность стремления сотрудничать с ними. Установлены пара-

метры внешнего облика, которые могут выступать в роли социально-психологического барьера сотрудничества с женщинами-предпринимателями.

Библиогр. 32 назв.

Флоровский С.Ю. Управленческое взаимодействие руководителей как объект социально-психологического изучения (по материалам зарубежных исследований).

Представлен обзор основных направлений и вариантов понимания зарубежными исследователями социально-психологической природы, закономерностей и механизмов регуляции интеракционных процессов, разворачивающихся на ведущих уровнях управления организациями в системе отношений «руководитель–руководитель». Показаны возможности и ограничения интерпретации реалий управленческого взаимодействия руководителей с позиций бихевиористских, психоаналитических, трансакт-аналитических, интеракционистских, когнитивистских теоретических ориентаций, а также западноевропейской «критической парадигмы».

Библиогр. 62 назв.

Горская Г.Б. Теория психического развития Д.Б. Эльконина как основание прогнозирования психологических эффектов ранней профессионализации детей в спорте.

Рассматриваются теоретические основания прогнозирования психологических эффектов ранней профессионализации детей-спортсменов. Проверяется основанное на теории психического развития Д.Б. Эльконина предположение, что позитивный либо негативный эффект ранней профессионализации юных спортсменов зависит от того, в какой мере спортивная деятельность способствует либо препятствует реализации магистрального для определенного возрастного периода направления психического развития. Приведены эмпирические данные, подтверждающие выдвинутую гипотезу.

Библиогр. 18 назв.

Скрипкина Т.П. Доверие как фактор социального развития и становления субъектности в детском возрасте.

Доверие рассматривается как фундаментальное условие целостного взаимодействия человека с миром. Приводятся результаты исследований, показывающие, что если ребенок имеет негативный опыт базового доверия, то это приводит к стагнации развития доверительных отношений с другими людьми и стагнации развития субъектных качеств личности у детей. Также выявлено, что эмоциональная, социальная и личностная адаптация первоклассников к

школе имеет прямую зависимость от уровня сформированности базовой установки на доверие, а дезадаптация, соответственно, связана с депривированной установкой детей на доверие.

Библиогр. 6 назв.

Ожигова Л.Н. Мотивы профессиональной реализации личности в сфере гостиничного бизнеса и курортного дела.

Отмечается, что качество и уровень сервиса в сфере гостиничного и курортного бизнеса во многом зависит от профессиональных и личностных особенностей персонала, которые регулируются мотивами профессиональной деятельности. Описаны мотивы профессиональной реализации студентов 3 курса, обучающихся на факультете туризма, курортного и гостиничного дела вузов г. Краснодара и г. Сочи.

Библиогр. 15 назв.

Ясько Б.А. Клиническое мышление в структуре профессионального мышления врача.

Рассмотрены психологические аспекты формирования профессионального мышления врача. Обосновывается его двунаправленность (клиническое мышление и рефлексия субъектности). Специальное внимание уделено клиническому мышлению, его основным видам. Подчёркивается, что клиническое мышление является системным психическим процессом.

Библиогр. 21 назв.

Хозяинова Т.К., Макухина Л.А. Влияние супружеских отношений родителей на качества личности ребёнка.

В статье рассматриваются супружеские отношения как составляющая социальной ситуации развития ребенка дошкольного возраста. Приводятся данные эмпирического исследования о связях качеств личности ребенка с такими составляющими супружеских отношений его родителей, как семейные ценности, их согласованность, особенности общения и удовлетворенность браком.

Библиогр. 7 назв.

Кимберг А.Н. Новый этап в развитии субъектно-бытийного подхода: Научная конференция, посвящённая 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского. Москва, 15-16 октября 2008 г.

Обозначаются ведущие проблемы в исследовательском поле психологии субъекта по материалам научной конференции «Личность и бытие: субъект-

ный подход» посвящённая 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского, прошедшей в Москве 15-16 октября 2008 г.

Библиогр. 2 назв.

Шлыкова Ю.Б. Особенности проявления локуса контроля в автобиографических воспоминаниях.

Представлена процедура выявления локуса контроля личности через анализ автобиографических воспоминаний. Выявлены «экстернальные» и «интернальные» сферы воспоминаний. Проведен сравнительный анализ результатов опросника УСК и показателей локуса контроля в автобиографических воспоминаниях личности.

Библиогр. 5 назв.

Оберемко О.А. Из истории зарубежных психиатрических и психологических обследований призывников и военнослужащих.

В критическом обзоре опубликованных результатов психиатрических и психологических обследований 1940–1970-х гг., нацеленных на повышение эффективности отбора призывников на военную службу в зарубежных армиях, представлено развитие теоретико-методологических оснований прикладной военной психологии; показано, что степень сложности теоретических моделей обуславливается параметрами поставленной прикладной задачи и точностью измерения при сборе эмпирических данных.

Библиогр. 15 назв.

SUMMARY

.....

Luzakov A.A. The problem of categorization in social cognition from a point of view of a personality.

The categories are considered as complicated subjective bases of distinction and classification of objects (including unconscious), functioning in the psyche of an individual and a group subject. Different kinds of categories and categorization, specific feature and new prospects of research from positions of personality psychology are demonstrated.

Fomenko G.JU. Psychological problems of female barrenness in a context of personal contradictions (existential aspects).

Psychological specificity of (ideopathic) unexplainable barrenness in a context of psychology of human existence is analyzed in the article. Depending on specificity of value-semantic positioning of an individual two modi vivendi are emphasized - limit and extreme are revealed. Their psychological differences are analyzed.

Labunskaya VA Theoretico-empirical analysis of the phenomenon of a female entrepreneur appearance's attractiveness and the willingness of other businessmen to cooperate with her.

In this article from the perspective of social and gender psychology the role of appearance is examined and nonverbal expression of an individual female entrepreneur's personality as a factor of her identification with a group of businesspersons and their expressed willingness to cooperate with her. Based on comparative analysis of the results of female and male entrepreneurs and non-entrepreneurs the regularities of impact of the degree of attractiveness evaluating upon the intensity of aspiration for cooperating with them are revealed. Parameters of the appearance are determined, which can play the part of socio-psychological barrier for cooperation with female entrepreneurs.

Florovsky S.Yu. Managerial interaction of administrators as an object of socio-psychological study (based on foreign studies).

The review of the basic directions and varieties of understanding by foreign researchers social and psychological nature, regularities and mechanisms of regulation of interactional processes unfolding at top levels of organizational management in the system of manager/manager relations are shown. Possibilities and limitations of interpretation of realities of managerial interaction from the position of behavioristic, psychoanalytical, transact-analytical, interactionalistic, cognitivistic theoretical orientations and Western European «critical paradigm» are demonstrated.

Gorskaya G.B. Theory of mental development D.B. Elkonina as the basis of forecasting the psychological effects of early professionalization of children in sports.

Theoretical grounds for forecasting psychological effects of early professionalization of juvenile athletes are considered. The author checks the assumption based on the theories of psychological development by D.B. Elkonin that the positive or negative effects of early professionalization of the juvenile athletes depend upon the extent up to which sport contributes or impedes the realization of the direction of mental development arterial for a certain period of the age. Empirical data supporting the hypothesis suggested are shown.

Skripkina T.P. Confidence as the factor of social development and the formation of subjectness in childhood.

Confidence is considered as a fundamental condition of a human integral interaction with the world. The results of studies are provided, which show that if a child has a negative experience of basic trust, then it leads to stagnation in the development of trusting relations with other people and stagnation of the development children's subject personal qualities. Also it is determined that emotional, social and personal adaptation of the first-year pupils to the school is directly proportional to the level of forming of the basic attitude to confidence but disadaptation is associated with the deprivational attitude of children to trust.

Ozhigova L.N. Motives of professional realization of a personality in the sphere of hotelier and spa industry.

The quality and level of service in the sphere of hotelier and resort business are shown to largely depend on the staff professional and personal characteristics, which are regulated by the motives of the professional activity. The motives for the professional realization of 3rd-year students studying in Krasnodar and Sochi schools of higher learning are described.

Yasko B.A. Clinical thinking in the structure of medical professional thinking.

Psychological aspects of a professional medical thinking formation are considered. Its bi-direction is substantiated (clinical thinking and subjectness reflection). Special attention is paid to clinical thinking and its main types. The clinical thinking is emphasized to be a systemic mental process.

Hozyainova T.K., Makuhina L.A. The influence of parents' marital relations on the quality of an individual child.

The article discusses matrimonial relations as a part of the social situation of a preschool child development. The data of an empirical research on connections of a the child's personal qualities with such components of his parents' matrimonial relations like family values, parents' consistency, peculiar features of their communication and satisfaction in marriage.

Kimberg A.N. A new step in development of subject-existence approach: Scientific Conference devoted to the 75th anniversary of the Corresponding Member of the Rus. Acad. Sci. A.V. Brushlinsky. Moscow, 15-16 October 2008

Major problems are identified in the research field of psychology of a subject by the materials of Personality and life: subject approach scientific conference devoted to the 75th anniversary of the Corresponding Member of Rus. Acad. Sci. A.V. Brushlinsky held in Moscow on October 15-16, 2008

Shlykova Yu.B. Peculiarities of demonstration of control locus in the autobiographic memories.

the procedure of personality control locus detection via the analysis of autobiographic memories. "External" and "internal" spheres of memories are revealed. Comparative analysis is carried out of the results of subjective control level questionnaire and control locus parameters in autobiographical memories of a person.

Oberemko O.A. From a history of foreign psychiatric and psychological examinations of conscript and the military persons.

In the critical review of published results of psychiatric and psychological examinations of 1940-1970s aimed at enhancing effectiveness of the recruits' selection for military service in foreign armies, the development of theoretical and methodological bases is presented of applied military psychology, the complexity of the theoretical models is shown due to the parameters of the applied problem put and measurement accuracy at collecting empirical data.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ» В 2008 ГОДУ

.....

- Баранов Н.А. Социальная обусловленность политики инновационного развития // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 3.
- Белякова Е., Жлудова О., Кабацков А., Пипенко М., Смолина Т., Хачатрян Н. Методические задания для практической работы по теме «Теория глобализации» // Человек. Сообщество. Управление. 2008. №1.
- Власенко М.В. Особенности создания и условия функционирования эндаумент-фондов в России и США // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 2.
- Горская Г.Б. Психологические эффекты ранней профессионализации личности // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 3.
- Горская Г.Б. Теория психического развития Д.Б. Эльконина как основание прогнозирования психологических эффектов ранней профессионализации детей в спорте // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 4.
- Гришин Н.В. Конъюнктура электорального пространства политических партий на парламентских выборах 2007 г. // Человек. Сообщество. Управление. 2008. №1.
- Гудков И.В. Типологии электорального поведения в контексте выборов органов представительной власти РФ // Человек. Сообщество. Управление. 2008. №2.
- Демин А.Н. Психологическое измерение ненадежности работы // Человек. Сообщество. Управление. 2008. №1.
- Зайцев Д.Г. Теория и методология оценки влияния негосударственных акторов на политический процесс (на примере аналитических центров) // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 2.
- Калашникова О.А. Обращения граждан как показатель эффективности работы органов местного самоуправления // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 3.
- Кимберг А.Н. Новый этап в развитии субъектно-бытийного подхода: Научная конференция, посвящённая 75-летию со дня рождения члена-корреспон-

- дента РАН А.В. Брушлинского. Москва, 15-16 октября 2008 г. // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 4.
- Кулагина Н.В. Гендерные стереотипы и профессиональная мотивация мужчин, работающих в полотипичной и непотипичной сфере // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 3.
- Лабунская В.А. Теоретико-эмпирический анализ феномена аттрактивности внешнего облика женщины-предпринимателя и готовности других предпринимателей к сотрудничеству с ней // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 4.
- Лебедева Э.Е. Особенности инновационной деятельности предприятий малого бизнеса // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 3.
- Леженкина Т.И. Межличностные конфликты в труде локомотивной бригады как фактор возникновения опасных ситуаций // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 2.
- Лимонтьев П.С. Современная теория успеха и ментальный релятивизм жизненного проекта // Человек. Сообщество. Управление. 2008. №1.
- Лузаков А.А. Проблема категоризации в социальном познании с позиций психологии личности // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 4.
- Лузаков А.А. Психосемантика личностных черт: нормативный и сравнительный подходы // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 3.
- Мирошниченко И.В., Фомин С.А. Практики политического представительства корпоративного бизнеса на региональном уровне // Человек. Сообщество. Управление. 2008. №1.
- Оберемко О.А. Из истории зарубежных психиатрических и психологических обследований призывников и военнослужащих // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 4.
- Ожигова Л.Н. Мотивы профессиональной реализации личности в сфере гостиничного бизнеса и курортного дела // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 4.
- Павленко В. А. Проявления когнитивно-стилевых и личностных характеристик субъекта в текстах-интерпретациях // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 3.
- Паликова А.М. Особенности партийной системы современной России // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 2.
- Романова А.П., Мармилова В.О. Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности // Человек. Сообщество. Управление. 2008. №2.
- Семёнова В.Э. Каузальная атрибуция преступности: гендерное измерение феномена // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 2.

- Скрипкина Т.П. Доверие как фактор социального развития и становления субъектности в детском возрасте // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 4.
- Сморгунов Л.В. Феномен «новых партий» и его влияние на электоральное поведение // Человек. Сообщество. Управление. 2008. №1.
- Сурай И. Г. Построение компетентностных моделей государственных специалистов: опыт Украины // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 3.
- Трещевский Ю.И., Аксенова В.В. Выбор стратегии развития регионального филиала страховой компании // Человек. Сообщество. Управление. 2008. №1.
- Трещевский Ю.И., Щекина Е.В. Направления и инструменты поддержки реального сектора экономики Воронежской области в аспекте повышения ее конкурентоспособности // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 3.
- Филиппов Ю.В., Мясникова Т.А. Маркетинговый подход к управлению местным развитием // Человек. Сообщество. Управление. 2008. №1.
- Флоровский С.Ю. Управленческое взаимодействие руководителей как объект социально-психологического изучения (по материалам зарубежных исследований) // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 4.
- Фоменко Г.Ю. Возможности преодоления «схизиса» между исследовательской и практической психологией // Человек. Сообщество. Управление. 2008. №3.
- Фоменко Г.Ю. Психологические проблемы женского бесплодия в контексте личностных противоречий (экзистенциальные аспекты) // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 4.
- Харитоновна Е.В. Востребованность, жизненные ресурсы и адаптационные способности пожилых людей // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 3.
- Хозяинова Т.К., Макухина Л.А. Влияние супружеских отношений родителей на качества личности ребёнка // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 4.
- Черняк Т.В. Управление компетентностью государственных служащих (опыт Сибирской академии государственной службы) // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 2.
- Шлыкова Ю.Б. Особенности проявления локуса контроля в автобиографических воспоминаниях // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 4.
- Элеменкина В.В. Имидж муниципальных образований: структура, функции и проблемы формирования // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 3.
- Якимец В.Н. Категория справедливости в декларациях и деятельности российских политических партий // Человек. Сообщество. Управление. 2008. №1.
- Ясько Б.А. Клиническое мышление в структуре профессионального мышления врача // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 4.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях.

Порядок приема рукописей. Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания.

Внутритекстовая ссылка обозначается квадратными скобками. Она должна содержать номер источника и страница (или страницы), на которую(-ые) делается ссылка. Пример ссылки: [3, с. 67] означает, что цитируется страница 67 источника под номером 3 *Библиографического списка*.

Резюме. Рукопись должна включать резюме статьи объемом не более 800 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования).

Плата за публикацию с авторов журнала, в т.ч. с аспирантов, не взимается.

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 415. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.